

КУРАКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2006-2007 ГОДЫ

МОСКОВСКИЙ ДОМ
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Куракинские ЧТЕНИЯ.

2006-2007 ГОДЫ

МОСКВА – 2013

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ДОМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»

*Куракинские
Чтения.
2006-2007 годы*

Москва – 2013

УДК 3(470+571)(092+082.1)Куракин А.Б.+929.52(470+571)(082.1)
ББК 63.214(2)я43+63.3(2)4-8Куракин А.И.я43
К93

Руководитель проекта – Н.П. Комаров

Автор идеи – В.Т. Полунин

Куратор – В.А. Новиков

Составитель – Дж.Б. Логашова

КУРАКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2006-2007 годы. 2-е изд. / [сост. – Логашова Дж. Б.]. – Москва: ГБУ «МДН», 2013. – 168 с.: фот. – В надзаг.: Гос. бюджет. учреждение г. Москвы «Моск. дом национальностей».

ISBN 5-9247-0057-7.

И. Логашова, Джана Борисовна, сост.

Агентство СІР РГБ

Книга является вторым изданием опубликованного в 2008 г. сборника материалов конференций «Куракинские чтения» 2006–2007 гг.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей Отечества.

ISBN 5-9247-0057-7

© ГБУ «МДН», 2013.
© ГУ МДН, 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственное учреждение города Москвы «Московский дом национальностей» в октябре 2008 года отмечает 10-летие.

В Доме национальностей со времени создания проводится большая работа по совершенствованию межнациональных отношений в Москве, развитию национальных культур, выполнению рекомендаций в соответствии с городской программой «Столица многонациональной России».

Дом национальностей расположен в здании, являющемся памятником истории и культуры России XVIII в., и входит в число музейных объектов Москвы, открытых в Дни музеев. Основателями и попечителями дома (шпиталя) в течение почти двух столетий являлись члены династии князей Куракиных.

Со времени организации Дома национальностей большое внимание уделялось изучению династии князей Куракиных и их роли в истории и культуре России, хотя эта династия до настоящего времени еще не стала объектом разносторонних научных исследований. В 2001 г. был принят исследовательский проект «Роль династии князей Куракиных в истории, культуре и общественной жизни России в XVIII-XX вв.». В процессе изучения были установлены научные контакты с институтами и музейными центрами многих городов, и после исследования различных исторических и искусствоведческих работ, в которых упоминалось о деятельности членов династии и служении их России, консультаций с коллегами – историками, искусствоведами и др. родилась форма научных дискуссий – Куракинские чтения.

Первые Куракинские чтения состоялись в октябре 2003 г., когда состоялось торжественное открытие Дома национальностей. Научная конференция «Куракинские чтения» была организована под эгидой Комитета межрегиональных связей и национальной политики города Москвы. Соорганизаторами чтений выступили Институт российской истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, Кафедра региональной истории и краеведения, Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Организационный комитет по проведению научной конференции возглавил академик Юрий Александрович Поляков, руководитель Центра изучения территории и населения России, Института Россий-

ской истории РАН. В конференции приняли участие историки, филологи, музееведы, краеведы из Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Твери, Пензы, Сердобска и др. По итогам конференции был опубликован сборник «Куракинские чтения» (М. 2006).

В апреле-мае 2007 г. в Центральном Выставочном зале Москвы в дни «Исторического и культурного наследия Москвы. 10 лет творческих свершений» Московский дом национальностей представил проект «Роль династии князей Куракиных в истории, культуре и общественной жизни России в XVIII-XX вв.», а также краткую генеалогию «Куракины» (Логашова Б.-Р. М.2007). Данный проект был награжден Оргкомитетом ЦВЗ Почетным дипломом. В мае 2008 в Центральном выставочном зале Москвы была представлена выставка «Московская семья: традиции и современность», посвященная Году семьи и Дом национальностей показал экспозиции «Куракины, первая половина XVIII в.» и «Первый «шпиталь» в Москве».

Несмотря на то что круг исследователей династии князей Куракиных в силу разных обстоятельств все еще невелик, все же благодаря энтузиазму сотрудников Дома национальностей, оргкомитета, многих историков, искусствоведов, музееведов, соорганизаторов конференций, любителей истории, научные конференции «Куракинские чтения» созывались в 2006 г. и, в честь празднования 860-летия Москвы, – в 2007 г.

В Доме национальностей постоянно проходят экскурсии, в которых рассказывается об истории и культуре Москвы, Басманной слободы, Странноприимного дома «шпиталья» Куракиных, собираются историки и краеведы Москвы. Прошло совсем немного времени со времени начала осуществления проекта «Роль династии князей Куракиных в истории, культуре и общественной жизни России в XVIII-XX вв.», пока нам не удалось на Куракинских чтениях раскрыть различные стороны деятельности членов династии в области дипломатии, военного дела, экономики, ведения сельского хозяйства, общественных и социальных преобразований, но мы надеемся, что уже пробудили интерес к некоторым забытым страницам истории и культуры нашей страны.

КУРАКИНЫ В БАСМАННОМ

Первые представители древнего княжеского рода Куракиных появились в Москве в начале XV века. В дальнейшем они владели обширным двором в Кремле, возле Боровицких ворот. Представители рода были успешными воеводами и оказывали немалую помощь московским великим князьям, которые щедро жаловали их за службу. Имения давали в различных местностях, но престижными считались земли вблизи Кремля, особенно вдоль старинной Покровской дороги, издавна носившей название царской.

По обе стороны от нее уже в Средние века строилось родовитое боярство и приближенные великих князей, а потом царей московских. В дальнейшем, вплоть до 1812 года дорога остается главной осью города. В настоящее время бывшая Покровская дорога является основной радиальной магистралью, по обе стороны которой расположена территория Басманного района Москвы. В этом старинном месте находится значительное число усадеб, дворцов и особняков, связанных с фамилией Куракиных. Говоря о родовых гнездах Куракиных в Басманном, нельзя обойти «басманные» адреса женщин, находящихся с Куракиными в той или иной степени родства.

При Великом князе Иване III предки Куракиных, Патрикеевы, получили надел за пределами Кремля, в «Садах», местности возле начала Покровской дороги, ведущей к великокняжеским садам. Участок между нынешними Маросейкой, Спасоглинищевским и Старосадским переулками располагался рядом с летней резиденцией князя и загородным двором митрополита. Такое соседство было само по себе знаком высокого отличия: князь Иван Андреевич, проведя удачно переговоры, обеспечил присоединение Новгорода Великого без пролития крови.

Церковь Козьмы и Дамиана на Маросейке, построенная еще до 1547 года, когда в летописи отмечалось, что она сгорела, возможно, была сооружена иждивением Куракиных. Примечательно, что в ней в 1626 году отпевали жену князя Федора Семеновича Куракина,

княгиню Евдокию Ивановну. Отпевание проходило в присутствии патриарха Филарета, отца и соправителя Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых. Церковь в то время была деревянная, каменная упоминается в 1639 году, и в таком виде простояла полтора столетия. В 1793 году архитектор М.Ф. Казаков по заказу и на средства полковника М.Р. Хлебникова построил существующую поныне церковь.

Брат князя Федора, князь Григорий Семенович, был дедом Бориса Ивановича Куракина, известного дипломата петровского времени и персоны, давшей импульс изучению куракинского наследия. Родители князя – его отец, Иван Григорьевич Куракин, и его мать, Феодосия Алексеевна, урожденная кн. Одоевская, принадлежали к высшей знати – Гедиминовичам и Рюриковичам. Борис Иванович (1676-1727) рано лишился родителей (мать умерла в 1677 году, отец – в 1682-м) и рос в доме князя Федора Федоровича Куракина, воспитателя царевича Федора Алексеевича, ставшего впоследствии царем. Князь Борис был его крестником, рос при дворе и был по возрасту близок к детям Натальи Кирилловны Нарышкиной. Он был на четыре года моложе ее сына, царевича Петра, также крестника царя Федора Алексеевича. С той же разницей в четыре года они вступают в брак: царь Петр Алексеевич женится на Евдокии Федоровне Лопухиной, Борис Иванович – на ее сестре Ксении Федоровне (1678-1699). Невесту Петру выбирала его мать. Наталья Кирилловна содействовала и браку князя Бориса Куракина, стараясь ввести в окружение сына ровесника знатного происхождения, в противовес ватаге его потешных.

Род Лопухиных, старинный, но обедневший, происходил из бояр Новгорода Великого. Владение в Москве их предки получили в то же время и за те же заслуги, что и Куракины. Их надел между Старосадским и Колпачным переулком граничил с участком Куракиных. На Старосадский переулок выходит дом № 5, построенный на участке бывшей большой усадьбы, принадлежавшей боярину Петру Лопухину, дяде царицы Евдокии Федоровны. Другая часть усадьбы, владение № 7, принадлежала в XVIII веке генерал-поручику В.И. Лопухину, затем его сыну, известному масону И.В. Лопухину. После пожара 1812 г. обгоревший дом был продан лютеранской общине для постройки кирхи Петра и Павла, которая до войны 1812 г. находилась в

Немецкой слободе. Самые старые постройки усадьбы выходят на Колпачный переулок, дом № 10 – палаты Лопухиных в нарышкинском стиле конца XVII века.

Брак Петра I оказался несчастливым, и это не способствовало его сближению с князем Борисом. Так, он не входил в число участников Великого посольства, а был послан в Италию, как и Б.П. Шереметев.

В 1697 году у князя Бориса родился сын, Александр Борисович, годом раньше родилась дочь Татьяна. В 1699 году умерла их мать, княгиня Ксения Федоровна. Князь Борис остается с малолетними детьми. Вторым браком он был женат на княжне Марии Федоровне Урусовой, видимо по сердечной склонности, так как их род не отличался ни древностью, ни богатством. Напротив, этот брак мог осложнить отношения с царем, так как Урусовы были скомпрометированы родством с видной фигурой старообрядчества – неистой боярыней Морозовой, а во время стрелецкого бунта был казнен их родственник Соковнин. Усадьба князей Урусовых находилась в Малом Харитоньевском переулке, сохранился в перестроенном виде один из флигелей на подвалах XVIII века (дом № 3).

По своему положению князь Б.И. Куракин находился в ближайшем окружении Петра I и часто бывал в Немецкой слободе, где, начиная с 1689 года, царь проводит много времени. Со временем здесь формируется новый административный и культурный центр новой петровской Москвы. Многие приближенные царя имеют там усадьбы и дворы: П. Гордон, Ф. Лефорт, Я. Брюс, Ф.А. Головин, А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, Ф.Ю. Ромодановский, П. Ягужинский. У князя Бориса Ивановича не было владения в слободе, но он участвует в затеях царя, хотя и неохотно, потому что не имеет склонности к хмельным забавам. Позже он участвует в праздновании военных побед, в царской резиденции в Лефортовском дворце, бывает на ассамблеях, которые устраиваются в домах знати. Князь был первым русским, который отразил жизнь придворного круга в Немецкой слободе в конце XVII века.

Одним из старейших владений Куракиных вблизи Покровской дороги был дом на Лубянке, в приходе церкви Гребневской Божьей Матери на Лубянке. Церковь стояла на углу современных Мясницкой улицы и Лубянского проезда. Здесь в 1695 году в при-

сутствии патриарха Адриана отпевали Михаила Ивановича Куракина, умершего в пути при возвращении из первого Азовского похода.

Следующее поколение Куракиных, дети князя Бориса Ивановича, также жили в окрестностях Покровской дороги на территории современного Басманного района. Наиболее известен среди них князь Александр Борисович Куракин (1). На Мясницкой, возле Чистого пруда, князю А.Б. Куракину в 1727 году были пожалованы двор князя А.Д. Меншикова с постройками и домом после опалы последнего. Они находились во владении семьи Куракиных до 1783 года. Затем двор купил богатый армянский купец Иван Лазарев, который в 1792 г. продал его почтамту. В настоящее время на этом месте находится комплекс зданий Московского почтамта.

А.Б. Куракин осуществил замысел своего отца Б.И. Куракина об устройстве богадельни для увечных воинов. Разрешение на ее постройку и возведение при ней каменной церкви во имя Николая Чудотворца на Новой Басманной улице, рядом с Запасным дворцом, было получено в 1731 году. Освящение состоялось в присутствии императрицы Елизаветы Петровны в 1742 году. Это был первый странноприимный дом, построенный и содержавшийся на частные средства, основанный много раньше, чем странноприимный дом Шереметевых (1810 г.).

В середине XVIII века рядом с богадельней в восточной стороне участка был выстроен деревянный господский дом.

Еще одной заслугой князя Александра Борисовича Куракина (1) было основание архива князей Куракиных, в основу которого легли документы и бумаги отца, привезенные из Парижа. Архив, ревностно оберегаемый и пополняемый всеми членами рода, включая женщин, носивших в замужестве фамилии своих мужей.

Жена А.Б. Куракина, княгиня Александра Ивановна (1711-1786), урожденная графиня Панина, была сестрой известных деятелей екатерининской поры графа Никиты Ивановича и графа Петра Ивановича Паниных. Усадьба графа П.И. Панина находилась на Мясницкой (дом № 43). По наследству она перешла к князю Лобанову-Ростовскому.

На сестре А.Б. Куракина Татьяне Борисовне (1696-1752) был женат вторым браком князь Михаил Михайлович Голицын

старший, сподвижник Петра I, участник всех его походов. Усадьба Голицына находилась напротив дворца Куракина и граничила с церковью Петра и Павла в Новой Басманной. Если пройти вдоль ветки железной дороги по направлению к Каланчевке, справа, за высокими воротами (когда они открываются) можно видеть старинный флигель. На месте одного из строений усадьбы стоит красивое здание конца XVIII века, построенное архитектором М.Ф. Казаковым (Новая Басманная, дом № 9).

Другая сестра Александра Борисовича, княжна Екатерина Борисовна Куракина (1703-1732), была замужем за генерал-фельдмаршалом графом А.Б. Бутурлиным, усадьба которого находилась вблизи Ивановской горки. Часть старого усадебного дома встроена в пятиэтажное здание, находящееся за домом № 1 в Подколокольном переулке. Внук, известный библиофил граф Д.П. Бутурлин продал эту усадьбу в 1791 г. и позже купил другую в Немецкой слободе (М. Почтовая, дом № 4).

Следующее поколение Куракиных представлено единственным сыном Александра Борисовича – Борисом-Леонтием (1733-1764), и все владения отца со временем перешли бы к нему. Восемнадцати лет он женился на дочери елизаветинского вельможи генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина юной графине Елене Степановне Апраксиной (1735-1768). Ее родственники, семья дяди М.Ф. Апраксина, жили в Кривоколенном переулке в доме № 4, который потом был куплен отцом будущего поэта Д.В. Веневитинова. М.Ф. Апраксин построил также богатый особняк на Покровке, дом № 22, который получил ироническое название «дом-комод».

У князя Бориса-Леонтия и его супруги было три сына: Александр Борисович II (1752-1818), Степан Борисович 1754-1805), Алексей Борисович (1759-1829). Они рано осиротели и воспитывались у бабушки, княгини Александры Ивановны в ее доме на Лубянке. Ее брат, граф Никита Иванович Панин, стал опекуном братьев. Он являлся одним из выдающихся людей своего времени, крупным дипломатом и государственным деятелем, автором проекта первой русской Конституции. Он был воспитателем наследника престола Павла Петровича и по его протекции князь Александр Борисович II был введен в при-

дворный штат цесаревича. Он воспитывался вместе с будущим императором и был дружен с ним. Его младший брат Алексей Борисович также находился в Петербурге, затем учился за границей, и долгое время судьба обоих братьев была связана с северной столицей.

Карьера среднего брата, Степана Борисовича, была связана с военной службой. В отсутствие братьев в течение двадцати лет на нем лежали также все заботы о богадельне. Кроме того, он перестроил усадьбу, прилегающую к богадельне. В 1780-1790 годах вместо деревянного дома был возведен двухэтажный каменный дворец с фронтоном, украшенным лепным изображением родового герба Куракиных; современный адрес дома – Новая Басманная улица, дом № 6. За домом находился сад, доходивший до Старой Басманной улицы.

Князь Степан Борисович был женат на Наталье Петровне Нарышкиной, племяннице Н.В. Репнина. Знаменитый дипломат и полководец екатерининского времени князь Николай Васильевич Репнин (1734-1801) был правнуком героя Полтавы, воспетого А.С. Пушкиным. Наталья Петровна на балу у Апраксиных, на Покровке, влюбилась в красавца князя Степана Степановича Апраксина, который к тому же приходился родственником ее мужу. Она разъехалась с мужем, но Апраксин вскоре женился на княжне Голицыной. Князь Степан Борисович через некоторое время также женился на Е.Д. Измайловой. Вся эта история была крайне неприятна князю Н.В. Репнину, жена которого, Наталья Ивановна (1737-1794), была урожденной княжной Куракиной.

Князь Н.В. Репнин с семьей подолгу жил за границей, но, как многие вельможи, имел свой двор в первопрестольной. Находился дом Репнина на Маросейке, 11. Этот дом ранее принадлежал боярину В.Ф. Нарышкину, родственнику Петра I, затем в нем помещалась первая в Москве гимназия пастора Глюка. После пожара 1707 года ее перевели, а дом после ремонта снова стал жилым особняком. Во второй половине XVIII века его купил Н.В. Репнин. Вторая дочь Репниных Прасковья Николаевна вышла замуж за князя Ф.Н. Голицына. Федор Николаевич Голицын (1751-1827) был куратором Московского университета. Он наследовал за своим дядей, основателем Москов-

ского университета И.И. Шуваловым, дом на Покровке, 38. Дом находился во владении Голицыных до 1917 года.

Вернемся к братьям Куракиным. В начале 1770-х годов после отставки графа Н.И. Панина опала постигла князя Александра Борисовича II и князя Алексея Борисовича Куракиных. Первый уехал в свое имение Надеждино под Саратовом, изредка посещая Москву, второй подолгу жил в Москве. В конце 1790-х годов начинается строительство дворца для Александра Борисовича Куракина на Старой Басманной улице, 21. Строительство велось архитектором Родионом Родионовичем Казаковым, учеником и членом архитектурной команды его знаменитого однофамильца М.Ф. Казакова. Дворец был отделан и украшен «с пышностью, не противоречащей отменному вкусу». Алексей Борисович в письме к брату свидетельствовал: «...у Вас наипрекраснейший дом не только в Москве, но даже среди тех, что в Петербурге». Подтверждением столь высокой оценки стало то, что во дворце Куракина на Старой Басманной проходили две церемонии по поводу коронации: императора Александра I в 1801 году и его брата императора Николая I в 1826 году.

В своем дворце князь Куракин не жил, он и его брат снова были приглашены на службу при дворе в Петербург. В доме жили внебрачные дети хозяина дома, бароны Вревские. После продажи дворца в 1830-х годах в казну здесь помещались различные учебные заведения, архив, в настоящее время – Московский государственный университет инженерной экологии.

Владения Куракиных на Новой Басманной тоже претерпели изменения. Еще при князе Степане, в 1802 году, за домом построили два полукруглых флигеля, дом ремонтировался и украшался. До наших дней сохранились лепнина и роспись плафона большого зала в анфиладе особняка. В настоящее время в здании размещается Центральная научно-техническая библиотека ОАО «Российские железные дороги».

Здание богадельни в 1902 году надстроили вторым этажом. В 1938 году была разрушена Никольская церковь. В настоящее время, после реставрации, здание снова служит людям – в нем находится Московский дом национальностей.

Литература:

1. Белоусова Т.А., Лазарев А.В., Соловьева Ю.Н. Уголки старой Москвы. М. 2001.
2. Домашнева Н.А. К тайнам Басманного треугольника. М. 2004.
3. Домашнева Н.А. Белый город. В Садах. Путеводитель по Басманному району. Выпуск 1. М. 2007.
4. Забелин И. История города Москвы. М. 1905.
5. Записки графини Варвары Николаевны Головиной. СПб, 1900.
6. Куракинские чтения/[сост. – Логашова Дж. Б.]. – М.: ГУ МДН, 2006.
7. Любартович В.А., Юхименко Е.М. На земле Басманной слободы. М. 1999.
8. Романюк С.К. Из истории московских переулков: Путеводитель. – М. 1988.

НЕСКОЛЬКО МЕСТ, СВЯЗАННЫХ
С ИМЕНЕМ КН. КУРАКИНЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Князья Куракины не были такими постоянными представителями петербургского света, как другие аристократы. Наиболее блестящий период их истории приходился на присутствие братьев Александра и Алексея Борисовичей при «Гатчинском» дворе цесаревича Павла Петровича. Приходясь племянниками Н.И. Панину, они с детства воспитывались вместе с наследником престола. Позже Александр Борисович служил в Сенате, а Алексей Борисович в ведомстве генерал-прокурора А.А. Вяземского. Поэтому они принимали активное участие в составлении наследником проектов российских реформ, но это и было причиной недовольства ими императрицы Екатерины II, и они все больше времени проводили в Гатчине. Даже во время отсутствия князя Александра о нем не забывали, и фрейлина Е.И. Нелидова писала кн. А.Б. Куракину: «Я все время сожалею о том, что вас здесь нет. И особенно сейчас, когда вы не испытываете удовольствие подобное тому, что испытывает ваш друг (Павел I), украшая Гатчину, которая действительно становится восхитительным местом. Вы найдете прелестные маленькие острова там, где раньше были болота, и новый архипелаг, посещаемый гуляющими. Вашим именем мы назовем ту часть Гатчины, где мы были с вами, и те места, которым вы отдали столько сил – все становится поводом для разговора о вас».

Рядом с Гатчиной, по дороге на Царское село, должно было располагаться предместье Ингербург. Сначала предполагалось, что это будет крепость, обнесенная валом, окруженная рвом. Внутри крепости должны были располагаться казармы и частные дома Е.И. Нелидовой, Н.Н. Демидова, А.Б. Куракина, А.Л. Нарышкина и др. приближенных. В этом проекте В. Бренны были воплощены представления Павла о рыцарстве и чувствовались

ассоциации с архитектурой городов Франции. Одно из редчайших землебитных зданий предполагалось построить как усадьбу кн. А.Б. Куракина в предместье Ингербург, у въезда со стороны Гатчины. Е.И. Нелидова, землебитный дом которой уже закончили в 1796 г., сообщила Куракину: «Кто знает, мой дорогой князь, может быть когда-нибудь я смогу пометить письмо Ингербургом, я сделаю это только для того, чтобы дать вам знать, что во владении нашего друга у меня появилось собственное владение!.. И вы догадаетесь, чья рука дарует мне все это, ведь это рука дружбы»¹.

После воцарения, в 1797 г. Павел I пожаловал князю Александру Борисовичу, вместе с чином действительного тайного советника, огромную вотчину в Ямбургском уезде Спб. губернии по течению реки Луги – мызу Итовскую с деревнями Арсия, Мертвицы, Илькино, Волгова, Куземкино, Мановка, Федоровка, Гакова, Извоз, Вейны, Липова, Кейкина. Но вскоре император лишил его всех должностей и сослал в Москву, поэтому Куракин уже в 1800 г. продал имение ген.-майору А.Б. Унгерн-Штернбергу². Тогда же, в 1801 г. кн. А. Б. Куракин уступил пригородное имение с просторным деревянным домом на Шлиссельбургском тракте (ныне ул. Бабушкина, 56), имп. Марии Федоровне, для размещения богадельни, а затем – малолетнего отделения Воспитательного дома. Здесь в 1817 г. была освящена церковь равноапостольной Марии Магдалины. До настоящего времени усадебный сад с учебным зданием носят название «Куракиной дачи».

В начале XIX в. уже немолодой кн. Александр Борисович оставался одним из самых блестящих петербургских кавалеров. В 1808 г., когда его приблизил имп. Александр I, он приобрел старинный уже особняк на Миллионной улице, 22, совсем близко от Зимнего дворца. Дом был построен гр. Ф.А. Апраксиным и в дальнейшем принадлежал его сыну вплоть до начала 1770-х гг. В начале екатерининского царствования дом был куплен графом Васильчиковым, братом фаворита, и перестроен в стиле

¹ Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. \Кингисеппский район. Спб., 2003. С. 197-198.

² Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII-XIX вв. из собрания музея-заповедника «Гатчина» Спб., 2005. С. 7, 28.

раннего классицизма. Есть мнение, что дом оформлял А. Ринальди, хотя это вызывает сомнения, так как за исключением мраморных колонн у подъезда и на лестнице, ничто не напоминает стиль известного мастера. Новая лестница выполнена из гранита, свободно вписана в ризалит, напоминает, скорее, работы Ж.-Б. Валлен де Ламота и Ю.М. Фельтена. В конце XVIII – начале XIX века дом, считавшийся одним из красивейших и ценнейших в Петербурге, многократно менял владельцев, пока его значительно не перестроил первый в истории России министр внутренних дел В.П. Кочубей. После отставки обиженный Кочубей особняк тут же продал А.Б. Куракину. Кн. Александр Куракин пользовался особым расположением императрицы Марии Федоровны. Канцлер российских орденов, действительный тайный советник, член Государственного Совета в эти годы был на важной дипломатической службе – исполнял поручение в Вене, был послом в Париже, и почти не появлялся в своем особняке.

Ныне сохранился фасад особняка, вестибюль, гранитная лестница, а об Александровской эпохе напоминают лишь барельефы центрального салона³. Александру Борисовичу дом принадлежал десять лет, а затем, после смерти Куракина, особняк выкупила чета Потемкиных. В начале XX в. особняк был значительно перестроен кн. С.С. Абамелек-Лазаревым.

Наследство Александра Борисовича Куракина перешло к его брату Алексею, который в память о нем рядом со зданием церкви в Павловске основал богадельню (ул. Просвещения, 3). Павловском, наряду с Гатчиной, внимательно занималась супруга имп. Павла, Мария Федоровна. Еще при строительстве дворца, она приказала Дж. Кваренги выстроить госпиталь с церковью св. Марии Магдалины. Западным портиком здание было ориентировано в сторону городской площади Павловска. Архитектурное убранство фасадов соответствует важному градостроительному значению постройки. Центральным ядром композиции здания является церковь, квадратное в плане помещение которой перекрыто крестовым сводом. Церковь привлекает своеобразием трактовки форм архитектуры раннего

³ Жерихина Е.И. Особняк кн. Абамелек-Лазарева // Современное строительство. СПб. Сент. 1996.

классицизма. Симметричная центральная композиция обладает совершенными пропорциями и силуэтом. Архитектурное убранство отличается изысканной строгостью. Кубический объем храма, акцентирован стройной ротондой колокольни, завершен портиком на западном фасаде и выступом алтарной апсиды со стороны парка. Боковые крылья в пять осей завершались мезонином. Северные и южные двери храма раскрывались в «церковный коридор» больницы. В 1809 г. над зданием был пристроен второй этаж для размещения богадельни и госпиталя.

В западной стене интерьера храма св. Марии Магдалины под хорами по сторонам входной двери находятся два одинаковых памятника, в виде двухъярусных гранитных пирамид, посвященных гр. Н.И. Панину и кн. Александру Б. Куракину⁴. Нижний ярус памятника оформлен двухколонным мраморным портиком с акротериями, в центре которого – посвятительные надписи. Памятник Панину с надписью: «Граф Никита Иванович Панин родился 1718 года сентября 15 дня скончался 1783 года марта 31 числа», установленный в 1797 г. по повелению императора Павла I – кенотаф. Панин погребен в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря. Памятник А.Б. Куракину с надписью «Другу супруга моего» выполнен по приказанию императрицы Марии Федоровны в 1819 г. В верхнем ярусе пирамиды помещен рельефный мраморный медальон с портретным изображением (ск. И. Мартос ?). Кн. Александр Куракин скончался в Веймаре 24 июня 1818 г., и маловероятно, что он похоронен в церкви св. Марии Магдалины, поскольку на памятнике нет ни имени, ни дат жизни.

В 1819 г. примеру имп. Марии Федоровны последовал князь Алексей Борисович Куракин, построивший рядом с Мариинским госпиталем в память своего брата Александра Борисовича доньне сохранившийся Инвалидный дом. Парадное место на краю Мариентальской долины, у госпитального храма, с трех сторон окаймляла широкая аллея из лип, впоследствии названная улицей Под Липками (ныне ул. Просвещения). На ней рядом с церковью в 1819 г. Павловское дворцовое правление повелением Марии Фе-

⁴ Семенова Г.В. Павловск \\\ Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век. СПб. 2007. С.22-23

доровны «назначило приличное место» для строительства Инвалидного дома князей Куракиных, «учрежденного с высочайшего соизволения братом и наследником покойного Александра Борисовича Куракина, Алексеем в память о нем». Здание богадельни построили по проекту арх. Л.Ф. Адамини. Тяжелый четырехколонный дорический портик соответствует стоящему напротив стройному приподнятому портику храма. Позднее богадельня была расширена. Западную часть фасада, обращенного в сторону крепости Бип, оформил в мотивах ренессанса арх. И.Я. Потолов. Он завершил фасад красной зубчатой стеной, соответствующей романтическим крепостным постройкам Павловской эпохи, расположенным в Мариентальской долине.

После наводнения ноября 1824 г. кн. Алексей Б. Куракин исполнял «многотрудную» обязанность председателя Комитета для оказания помощи пострадавшим при наводнении. Комитет в 1825-1828 гг. проделал огромную работу по устройству благотворительных учреждений для вдов, сирот и бесприютных. На счета Комитета поступали огромные суммы от организаций и частных лиц, на них строились богадельни и убежища, распределялась пища и одежда. По-видимому, эта благотворительная работа и подкосила здоровье Алексея Борисовича, который скончался в 1828 г., и Комитет прекратил свое существование.

Гр. С.Д. Шереметев писал: «Блестящие князья Куракины времен имп. Павла и Александра I имели в 1860-х годах своими представителями двух стариков кн. Александра и Алексея Куракиных. Первый был рябой и очень скучный генерал... жена его была Мария Александровна Гурьева...» Сын их, кн. Анатолий Александрович Куракин (1845-1936) в молодости служил в Кавалергардском полку, и вышел из полка на придворную службу в звании шталмейстера или церемонимейстера имп. двора, вскоре после женитьбы на кнж. Елизавете Михайловне Волконской (1843-?). Гр. С.Д. Шереметев продолжал: «Отец ее, князь Волконский был необыкновенный оригинал и автор книжечки под названием «Дарюшка странница». Он немного юродствовал, но был искренно богомолен и человек вполне православный».

Еще в коронацию Александра III, в 1883 г., князь Анатолий Александрович исполнял роль обер-церемонимейстера... Супруги Куракины предпочитали жить в Литейной части, в квартале, при-

мыкавшем к казармам Кавалергардского полка. В 1890-1900 кн. А.А. и Е.М. Куракины владели дорогим доходным домом на Фурштатской ул., 11 (арх. Н.Ф. Беккер, 1880–1882). Необычный фасад здания выполнен в неорусском, так называемом «петушином», стиле, объем подчеркнут внушительными эркерами-башнями. На фоне кирпичной кладки штукатуркой выложены косы, картуш с монограммой «З» (по фамилии заказчика проекта А. Зайцева), зубчики, растительные орнаменты, характерные для русского декоративного искусства. Ровный красно-коричневый тон стены расцвечен майоликовыми зеленоватыми плитками. Тем не менее общий стиль постройки можно определить как романский, с характерными короткими колоннами с гранеными капителями. Резные деревянные лестничные двери, разделка плафона и решетки лестницы выполнены в «русском» стиле.

Супруга князя, Елизавета Михайловна, вплоть до революции владела старинным доходным домом на Сергиевской, д. 8, но князя Куракины предпочитали снимать квартиры в особняках на той же Сергиевской улице. Князь Иван Анатольевич Куракин проживал неподалеку от Сергиевской, на Моховой, д. 5, в доме гр. Толстой.

Несколько лет Куракины жили в доме № 33-37, принадлежавшем гр. М.Ф. Клейнмихель. Куракин в чине тайного советника, шталмейстера двора, в 1909 г. был назначен членом Государственного Совета. Он многие годы был Почетным опекуном Опекунского совета, Попечителем и Главным опекуном Императорского училища глухонемых. Дом гр. Клейнмихель сильно перестроен, надстроен третьим этажом, на балконе, выполненном в формах раннего классицизма, в центре монограмма «МК», на решетке ворот – графская корона «с жемчужинами»; над проездом дата – «1893». Графиня была хозяйкой известнейшего столичного дипломатического салона нач. XX в. Она устраивала в своем особняке благотворительные спектакли и базары. Здесь супруги Куракины в 1915 г. праздновали золотую свадьбу, на которую были приглашены все родственники и представители княжеского дома Куракиных. Списки приглашенных перечислены в «Журнале красивой жизни», как рекомендовал себя журнал «Столица и усадьба»⁵.

⁵ Столица и усадьба. № 10. июнь. СПб . 1915. С. 8.

Также, в 1910-х Куракины жили в доме родственника, кн. А.Д. Оболенского, на Сергиевской, 45. Дом кн. А.Д. Оболенского был выстроен для генерала А. С. Юрьевича (Д.Д. Соколов, 1869). Невысокий двухэтажный особняк в 11 осей напоминает здания XVIII в. Центр подчеркнут портиком из четырех ионических полуколонн, поддерживающих фронтон, где в тимпане герб перевит завитками аканта. Боковые окна украшены парными кариатидами, поддерживающими лишь легкий треугольный сандрик; классически спокойна их поза, в опущенной руке – лавровый венок. Хозяйкой этого дома была Анна Александровна Оболенская (1862-1918), старшая дочь статс-секретаря Государственного совета историка А.А. Половцова и Н.М. Июновой, воспитанницы знаменитого мецената, богатейшего банкира А.Л. Штиглица. Анна Александровна была прекрасной музыкантшей-любительницей и благотворительницей: после смерти матери она возглавила Образцовый приют барона Штиглица.

В 1880 г. она вышла за князя Александра Дмитриевича Оболенского (1847-1917), пензенского предводителя дворянства. Позже Оболенский стал шталмейстером двора, сенатором (затем обер-прокурором Первого департамента Сената), товарищем министра внутренних дел (с 1900 г.), товарищем министра финансов (1902-1905) и членом Государственного совета.

Имя Куракиных утвердилось в топонимике Петербурга еще с начала XIX века, когда усадьба малолетнего отделения Воспитательного дома называлась «Куракина дача». В начале XX в. улица в Полюстровском участке Охты, соединявшая улицу Петра Великого с Екатерининским проспектом, была названа «Куракинской». На этой улице располагалась построенная в честь 200-летия Петербурга «Больница Петра Великого». Все окрестные топонимы называли имена сподвижников Петра. Ныне улица вошла в пространство больничного комплекса.

Источники:

1. Столица и усадьба. СПб., № 49 декабрь 1913; № 10 июнь, № 15 октябрь 1915.
2. Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII-XIX вв. из собрания музея-заповедника «Гатчина» СПб., 2005. С. 7, 28.
3. Жерихина Е.И. Литейная часть он Невы до Кировной. СПб., 2006.
4. Алексеева И.В., Семенова Г.В. Павловск \\ Три века Санкт-Петербурга. Деятнадцатый век. СПб. 2007.
5. Весь Петербург. Справочник. СПб.1898-1913.
6. ЦГИА СПб. Ф. 515, оп. 1 д. 340 (1879-1919), д. 3430. д. 2483 (1880-1915). Ф. 513, оп. 102, дд. 4513 (1842-1904), д. 4420 (1840-1897), д. 4430 (1843-1910).
7. РГИА. Ф. 218, оп 3, д. 808.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
НА ПУШКИНСКОЙ ЗЕМЛЕ.
КНЯЖЕСКИЙ РОД КУРАКИНЫХ (ЕЛЬДИГИНО)

Северо-восточная часть Подмосковья богата живописными лиственными и хвойными лесами, обилием небольших рек и обитающих в лесах пушных зверей обилие рыбы в реках издавна привлекало внимание к этим местам царствующих особ и приближенных к ним людей. Недаром земли, находящиеся в бассейнах рек Яузы, Клязьмы, Учи, Вори, принадлежали царствующим особам. Они являлись местом их отдыха и охоты. Со времен Ивана I Калиты земли этой местности распределялись между его родственниками и его приближенными. Часто приходящие на царскую службу князья наделялись вотчинами. Определенное время часть этих земель находилось в боярских и митрополичьих владениях, а также в дворянском ведомстве.

Одной из вотчин княжеского рода Куракиных в северо-восточной части Московского уезда в Боховом стане было село Ельдигино. Ельдигино – старинное село на реке Вязь, название которого связано с фамилией Елдегиных, известных митрополичьих слуг, служивших митрополичьему дому из поколения в поколение. Их фамильный род сильно разветвился еще в XV веке. Елдегины имели вотчины в Московском и других уездах. В Московском уезде им принадлежало село Елдегино Степановское на реке Уче. В купчей грамоте митрополичьего боярина В.Ю. Фомина за 1525-1526 гг. указывается, что «А.Б. Шадрой Елдегиным, вдовой И. Елдегина Марфой с сыновьями и вдовой Т. Елдегина Аграфеной с сыновьями половина этого села была продана митрополиту Даниилу».

От их фамилии и пошло название сел на Уче и на Вязи – Елдегино, впоследствии трансформировавшееся в привычное нам Ельдигино.

Первые письменные упоминания о селе Ельдигино на Вязи относятся к 1501 году и содержатся в разъезжей грамоте митрополичьего боярина В.Ю. Фомина, казначея – старца Якима и дворецкого К.Я. Вятки-Сахарусова на землю митрополичьего села Пушкино с землей Д.В. Шеина (село Елдигино Московского уезда).

Боярин Дмитрий Васильевич Шеин являлся представителем одного из древнейших московских боярских родов, ведущих свое начало с XIII века. После его смерти (он был убит в сражении с татарами в походе на татар) село перешло по наследству к его сыну, а затем отошло к дворцовому ведомству и состояло в нем до 1623 года. В середине века переходит к князю Юрию Андреевичу Сицкому. Тогда в Ельдигино была деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, двор боярский, двор скотный, 7 дворов боярских, в них 18 человек, 19 дворов крестьянских, в них 49 человек.

Жена князя Ю.А. Сицкого была сестрой первой супруги царя Михаила Федоровича и двоюродной сестрой князя Г.С. Куракина; ушла в монастырь и по духовному завещанию отказала Ельдигино дочери царя Михаила Алексеевича, Евдокии. В 1662 году Ельдигино было продано князю Григорию Семеновичу Куракину, который был близок царю Алексею Михайловичу.

Григорий Семенович Куракин заведовал сетью учреждений, ограждающих Московское государство, неоднократно управлял Москвою при временных отлучках царя.

Ельдигино становится родовой вотчиной семьи Куракиных.

Куракины – княжеский род, происходящий от Великого князя Литовского Гедимина.

Род князей Куракиных связан кровным родством с Великими князьями Московскими из династии Рюриковичей. Так, князь Патрикей Александрович был женат на дочери Василия I Дмитриевича – княжне Анне; князь Андрей Иванович Булгаков-Куракин и царь Иоанн IV Грозный были четвероюродными братьями.

В конце XVII – начале XVIII веков князья Куракины были в близком свойстве и родстве с домом Романовых.

Борис Иванович Куракин (1676-1727) – генерал-майор лейб-гвардейского Семеновского полка, подполковник, действительный тайный советник, известный дипломат, свояк царя Петра I, князь и царь

были женаты на родных сестрах Лопухиных. В 1697 году Б.И. Куракин был послан в Италию для изучения морского дела.

В 1722 году царь Петр I, отправляясь в Персидский поход, поручил ему руководство всеми послами России, аккредитованными при европейских дворах.

В своей дипломатической деятельности он проявил острый ум, большую опытность, политический такт, особенно в период окончания Северной войны, когда ему удалось удержать Англию от войны против Дании, союзницы России.

Один из образованнейших людей своего времени, Борис Иванович Куракин оставил путевые заметки и автобиографию, доведенную до 1709 года, и подробный план к большому труду по истории России – «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях 1682-1694 годов». Сочинения Бориса Ивановича Куракина были изданы в первых томах «Архива князя Ф.А. Куракина».

Князь Борис Иванович Куракин владел селом Ельдигино с 1684 года. Село перешло ему по наследству от деда – князя Григория Семеновича Куракина.

Князь Г.С. Куракин был воеводой в Севске, а в 1662-1663 годах отражал нападения крымских татар.

В усадьбе Ельдигино еще при нем стояла деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, уже тогда старая и ветхая, с приделами во имя Святого Пророка Илии и Макария Желтоводского, нуждавшаяся в реставрации.

После смерти своего деда князь Борис Иванович приводит имение в необыкновенный порядок, а на месте ветхой церкви строит новую деревянную, сохранив церкви прежнее название. Тогда же, по прошению князя, в Синодальном Казенном Приказе было дано разрешение князю Борису Ивановичу Куракину на постройку новой церкви. По этому случаю Б.И. Куракин из своей вотчины отвел 30 десятин пахотной земли и сенные покосы.

В 1727 году князь Б.И. Куракин умирает в Париже, оставив после себя духовное завещание, по которому передает деньги в сумме 20 тысяч рублей на строительство церкви. Дело продолжил его сын и наследник Александр Борисович Куракин.

Александр Борисович Куракин (1697-1749) – русский государственный деятель и сенатор (с 1741 г.), один из первых рус-

ских людей, получивших домашнее образование за границей, знал несколько европейских языков.

В 1722-1724 годах он русский посол в Париже, где действовал под руководством отца.

В 1729 году князь А.Б. Куракин возвращается в Россию, где сразу занимает видное место при Дворе, как родственник Императора Петра II (его мать Ксения Федоровна, урожденная Лопухина, была родной сестрой бабки императора царицы Евдокии Федоровны). Князь А.Б. Куракин не забыл наказа и завещания своего отца построить в своей вотчине, в селе Ельдигино, каменную церковь Живоначальной Троицы на два придела: Пророка Илии и св. Великомученицы Анастасии Узорешительницы.

29 августа 1735 года князь Александр Борисович Куракин подал прошение в Синодальный Казенный Приказ, в котором просил «дать Указ и освященные антимины выдать». Резолюция Преосвященнейшего Вениамина, Епископа Коломенского и Каширского была получена 1 сентября 1735 года, а 4 сентября из Синодального Приказа уже был выдан Указ и в усадьбе Ельдигино, по клятве отцу своему Борису Ивановичу Куракину, подле деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы была построена и освящена каменная церковь во имя Святой Троицы.

Здание церкви принадлежит к типу центральных сооружений; выстроено из кирпича, в основе пространственной композиции которой лежит равноконечный крест.

Имеющиеся четыре центральных пилона поддерживают восьмигранный световой барабан, увенчанный сомкнутым сводом, а обработка фасадов парными пилястрами и плоскими наличниками придают храму определенную строгость и в то же время изысканность. Такое направление в архитектуре было свойственно русскому барокко первой трети XVIII века.

Главный иконостас церкви Живоначальной Троицы – ровесник самой Церкви, масляная живопись и роспись стен относились к концу XIX века.

В 1754 году село Ельдигино унаследовала вдова А.Б. Куракина княгиня Александра Ивановна с сыном Борисом Александровичем Куракиным, впоследствии екатерининским вельможей, министром внутренних дел.

В 1757-1758 годах в Ельדיгине был построен новый Англицкий дом, а кругом дома были вновь восстановлены галереи, разбит липовый парк, в котором сделано три небольших каскадных пруда. Парк сохранился до нашего времени, и еще видна старинная липовая аллея, а вот от террасных прудов остались только рельефные очертания.

В 1779 году в Ельдигине следующий владелец А.Б. Куракин (второй) выстроил новый господский дом на расстоянии 200 м от Троицкого храма.

Вскоре князь Куракин попал в опалу, а ельдинская усадьба в 1783 году была выставлена на продажу и продана через пять лет за 35 тысяч рублей.

После воцарения Павла I (1796 год) с князя А.Б. Куракина опала была снята, и он был назначен вице-канцлером.

После смерти Павла I, императором Александром I князь назначается послом в Вену, а затем в Париже; умер Александр Борисович Куракин в 1818 году. Огромное состояние одного из самых богатых людей России отошло к его племяннику, сыну его родного брата князя Алексея Борисовича – Борису Алексеевичу.

В первой половине XIX века после более чем двухсотлетнего владения Ельдигиным родом князей Куракиных село переходит во владение представителей богатого московского купеческого рода Гусятниковых.

ПОРТРЕТЫ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА (1752–1818)

Личность Александра Борисовича Куракина как заказчика портретной живописи, несомненно, выделяется среди других крупных вельмож второй половины XVIII – начала XIX в. по своей масштабности. Еще в трудах начала XX в., посвященных Александру Борисовичу, упоминается о страстной любви князя к портретированию¹. Действительно, если перечислить художников, которые создавали портреты русского вельможи, то мы увидим почти всех крупных мастеров россики второй половины XVIII в. Куракина писали А. Рослен, Р. Бромптон, М.-Л.-Э. Виже-Лебрен, Ж.-Л. Вуаль, Л. Гуттенбрунн, а в период его пребывания за границей – такие иностранные мастера, как Г. Лундберг, П. Батони, Ж. Руа, И.Б. Лампи-младший, Ж.-Б. Реньо, Мунере и другие. Из представителей русской школы, выполнявших портреты князя, следует, прежде всего, назвать В.Л. Боровиковского и А.Х. Ритта.

Основные проблемы иконографии А.Б. Куракина (характер и степень распространения ролей, в которых он предстает перед зрителем, их видоизменение в копийных и гравированных работах и др.) во многом связаны с различными событиями в жизни князя и потому их уместно рассматривать хронологически.

К сожалению, детские и юношеские портреты А.Б. Куракина нам не известны, не знаем мы и имен художников, писавших их. Самые первые сведения о княжеском изображении встречаются в его переписке с герцогом мекленбургским Эрнестом Мекленбург-Стрелицким. В знак нежной дружбы связывающей их, герцог неоднократно просит шестнадцатилетнего князя заказать и

¹ См.: Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 7. С. 454; *Голомбиевский А.* Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных; *Греч А.Н.* Венок усадьбам. С. 65.

прислать ему свой портрет. В конце концов, в мае 1771 г. герцог получает портрет Куракина². Об этом произведении нам известно только то, что, по мнению герцога, сходство было не полным. В 1770–1771 гг. Александр Борисович путешествует по Нидерландам, поэтому вполне возможно, что работа была выполнена голландским или фламандским мастером.

Уже в начале 1770-х гг., после возвращения из заграничного путешествия Куракин начинает активно дарить свои изображения родным и знакомым. Посылает их ростовскому архиепископу Самуилу, позднее митрополиту Киевскому, любимой бабушке, княгине Александре Ивановне и тетушке, княжне Аграфене Александровне.

Первый известный нам мастер, портретировавший князя – Густав Лундберг (1694–1786), шведский художник-пастелист, некоторое время живший во Франции. Осенью 1776 г. князь уезжает с дипломатическим заданием в Швецию, где у него завязываются романтические отношения с Софией Ферзен, дочерью известного шведского фельдмаршала Фридриха-Акселя Ферзена. Возможно, именно она знакомит князя с придворным шведским художником Лундбергом, поскольку его имя не раз упоминается в их переписке; они неоднократно вместе посещают его, и тот выполняет портрет как самой Софии, так и князя. Благодаря письму художника к русскому дипломату мы знаем, что работа над портретом начинается в ноябре 1776 г.³. Местонахождение этого произведения нам неизвестно, но из переписки явствует, что один портрет (все таки, по-видимому, Лундберга) был подарен Софии. Через два года, в 1778 г. русский посол в Стокгольме Рукман пересылает Куракину в Петербург еще несколько портретов, заказанных князем Лундбергу. К сожалению, трудно сказать, чьи это были изображения.

Этим же, 1776 годом, датируется и портрет, выполненный другим шведским художником Александром Росленом (1718–1793), работавшим в это время в Санкт-Петербурге. В конце 1775 г. художник приезжает в Россию для создания портрета императрицы Екатерины II. Портретирование частных лиц приходится в основном на 1776 г., когда свои изображения зака-

² См.: Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 5. С.312, 319; Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 6. С. 276, 279–280.

³ Там же. Кн. 8. С. 282.

зывают князь В.М. Долгорукий-Крымский, графиня Е.А. Чернышева, граф А.К. Разумовский, князь А.Б. Куракин и многие другие. «Модели его, как правило, довольны собой, слегка улыбаются не без оттенка самолюбования и не лишены привкуса сибаритства духовного и физического свойства»⁴. Это замечание, высказанное О.С. Евангуловой, как нельзя лучше подходит и к портрету Куракина.

Благодаря переписке между князем и портретистом мы знаем, что Александр Борисович заплатил за оригинал 300 р., и по 45 р. за несколько копий с этого портрета. Оригинал ныне находится в зарубежном частном собрании и в 1999 г. экспонировался на выставке в Стокгольме⁵. Известно черно-белое изображение этого портрета, опубликованного в «Старых годах»⁶, а также гравюра знаменитого мастера Антония Радига 1779 г.⁷. По композиции это изображение очень похоже на портрет графа А.К. Разумовского работы Рослена, созданного в этом же году. Тот же разворот в три четверти вправо, таким же образом модель держит шляпу, так же прописаны кружева, украшавшие камзол, расшитый мелкими цветами. По-видимому, данное произведение соответствовало распространенному в это время типу изображения молодых дворян знатного происхождения (в момент создания портрета (1776) им обоим – по 24 года).

На настоящее время известно несколько полотен с изображением А.Б. Куракина, которые можно отнести к «типу Рослена». Их можно условно разделить на две группы. В первую группу входят два портрета, композиционно близкие к оригиналу. Одно полотно, ныне находящееся в Государственном музее А.С. Пушкина, происходит из имения «Ольгово». По мнению сотрудников Третьяковской галереи, портрет выполнил

⁴ *Евангулова О.С., Карев А.А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII в. С. 149.

⁵ Catherina the Great and Gustav III. Helsingborg, 1999. P. 363-364.

⁶ *Голомбиевский А.* Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных. С. 11.

⁷ Радиг, Антония-Христофер (Radigues, Antonia) (1719/21-1809). Приглашенный в 1764 г. в Петербургскую Академию наук, он служил также советником Императорской Академии художеств. Подробнее см.: Приложение № 3.

иностранный мастер⁸. Уровень мастерства и сильное сходство с оригиналом позволяют предположить, что это копияное полотно вышло из мастерской Рослена. Лента и звезда ордена Андрея Первозванного, а также мальтийская звезда были написаны лет на двадцать позже. На другой работе из частного собрания князя украшают лента и звезда ордена Св. Анны, а также крест датского ордена Данеброга. Работа выполнена в теплом коричневом колорите⁹. Оба произведения могли быть написаны малоизвестными представителями «россики». Вторую группу составляют похожие друг на друга изображения молодого князя, однако от портрета Рослена их отличает то, что они зеркально перевернуты. На одном из них (Тверская картинная галерея, происходит из куракинской усадьбы Степановское-Волосово)¹⁰ Александр Борисович представлен без каких-либо знаков отличия, в образе частного человека. Нежность серо-голубого колорита, мягкость мазков, даже незатейливый цветочный кантик отделки кафтана и камзола несут в себе черты культуры рококо. Другой портрет хранится в Музее-заповеднике «Дмитровский Кремль» (из усадьбы родного дяди князя С.С. Апраксина «Ольгово»)¹¹. Последние две работы выполнены, по-видимому, одним провинциальным мастером, и предназначались для разных фамильных галерей.

После своего возвращения из Швеции в начале 1777 г. князь находится почти ежедневно при своем царственном друге, будучи практически его личным секретарем. На его имя приходят письма сторонников восшествия цесаревича на престол, зачастую какое-либо общение с великим князем происходит через Куракина. В период с 1777 по 1782 гг., несомненно, можно отметить расцвет

⁸ Подобные выводы сделаны в экспертном заключении № ОЭ ГТГ 7222 от 07.05.2004 г. Заключение подписали И.Е. Ломизе и Н.Г. Преснова.

⁹ Портрет находится в частном собрании С.А. Подстаницкого (См: <http://podstanitskiy.cmsplantt.ru>).

¹⁰ Н.х. Портрет А.Б. Куракина. Тверская картинная галерея. Х., м. 65,5x53,5. Тверская картинная галерея. Инв. № Ж-46.

¹¹ Н.х. Портрет А.Б. Куракина. Х.м., 57x43. МЗ «Дмитровский Кремль». Инв. № МЗДК-2366. (В музее числится как портрет А.К. Разумовского).

придворной жизни князя при «малом дворе», что нашло отражение в особенностях портретного заказа.

К иностранным мастерам, портретирующих Куракина следует отнести французского живописца, рисовальщика, миниатюриста, поступившего на русскую службу в 1754 г. Жана Луи Де Велли (J.L. Develly) (1730-1804). В 1779 г. он создает изображение Александра Борисовича, о котором известно благодаря гравюре А.Я. Колпашникова (1783), которую упоминает еще Д.А. Ровинский в своем «Подробном словаре русских гравированных портретов». По сведениям Якоба Штелина, начиная с царствования Екатерины II Де Велли занимается исключительно созданием рисунков для гравирования. Поэтому, возможно, что живописного оригинала для Колпашникова никогда и не существовало. Пгрудное изображение князя заключено в круглый медальон, декорированный лавровыми ветвями, а голова модели развернута практически в профиль, что придает работе сходство с медалью. Внизу гравюры подробно указано, что портрет создан в Санкт-Петербурге 24 декабря 1779 г.¹² Проработка форм и изысканность поворота головы говорят о принадлежности мастера к французской школе. Александр Борисович представлен в качестве благородного мосье, элегантно одетого и причесанного согласно последним тенденциям моды.

Черты модели представлены столь утонченными, что это, скорее всего, идет вразрез с натурой и, возможно, не достигается привычного портретного сходства. Ссылаясь на Штелина, можно добавить, что работы французского художника неоднократно этим грешили. В данном контексте хотелось бы остановиться на проблеме достоверности передачи внешности князя. Современники часто описывают молодого А.Б. Куракина как красивого человека, который всегда нравился женщинам. Ф.Ф. Вигель вспоминает: «Смолоду князь Куракин был очень красив и получил от природы крепкое, даже атлетическое сложение. Но роскошь, которую он так любил и среди коей всегда жил, и сладострастие, к коему имел всегдашнюю склонность, размягчили телесную и душевную его энергию, и

¹² Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2.

эпикуреизм был виден во всех его движениях»¹³. По многочисленным сохранившимся изображениям Александра Борисовича, можно понять, что князь унаследовал родовые черты князей Куракиных – густые, почти черные брови, темные, слегка вытянутые глаза и немного удлинённый нос. Имея стройную подтянутую фигуру в молодости, он во время заграничного путешествия 1781-1782 гг. довольно сильно поправился, о чем жаловался в своих письмах к родным, и в дальнейшем выглядел слегка полноватым, что, впрочем, соответствовало представлениям о мужской красоте в XVIII столетии, когда в среде высокопоставленных вельмож была принята некоторая дородность, которая говорила о здоровье и «барстве» человека.

Модным денди предстает перед зрителем князь на парадном портрете английского художника Ричарда Бромптона (1734-1783), написанном в 1781 г.¹⁴. Конец 1770 – начало 1780-х гг. – время карьерного роста князя и укрепления при дворе. Девятого апреля 1781 г. цесаревич Павел Петрович лично, с соизволения государыни, возложил на князя Александра Борисовича орден Св. Анны¹⁵. Вполне можно предположить, что данный портрет был заказан специально в связи с получением этого ордена. На портрете отчетливо видно, как гордо князь демонстрирует полученную награду. Художник также выделил ее композиционно и цветом. Орден Св. Анны с рубинами на ярко-красной ленте активно доминирует в контексте золотисто-голубого колорита картины. Менее заметен еще один орден – маленький крест на голубой ленте, который не раз еще будет представлен на других портретах князя. Это, по-видимому, датский орден «Совершенного согласия» (или «Верности»), полученный им в 1766 г. от вдовствующей датской королевы, когда он в четырнадцатилетнем возрасте слу-

¹³ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 1. С. 183-184.

¹⁴ Бромптон Р. Портрет князя А.Б. Куракина. 1781. Х., м. 113х76. Справа внизу надпись: «R. Brompton Pinx. 1781». ГТГ. Инв. № 4609. Поступил в 1920 г. из НМФ. Происходит из: усадьбы Надеждино; имения Преображенское (Куракино).

¹⁵ См.: Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. С. 29.

шал лекции в «лебертинской коллегии» и одновременно числился при русском посольстве в Копенгагене¹⁶.

Это первый известный нам парадный портрет князя в полный рост. Модель одной рукой, в которой держит шляпу, опирается на скалу, другой – изящно на трость. Куракин изображен представителем «золотой» молодежи, светским львом, вельможей, успешно продвигающимся по карьерной лестнице, другом цесаревича, входившим в круг «малого двора».

Поскольку 19 сентября 1781 г. князь в свите графа и графини Северных отправился в путешествие по Европе, портрет мог быть написан между апрелем и сентябрем того года, скорее всего летом.

А.Б. Куракин был включен императрицею в круг свиты, сопровождавшей великокняжескую чету по личной просьбе Павла Петровича. Многие иностранцы особо выделяют его из общего окружения великого князя. Будучи в начале 1770-х гг. за границей и посетив многие страны, Куракин во многом является для супругов гидом, особенно это отмечают в отношении Франции. В Италию же князь попадает впервые.

С посещением этой страны связано создание еще одного портрет князя очень модным и известным итальянским художником Помпео Джироламо Батони (1708-787). Римский живописец к этому времени имеет практически общеевропейскую славу и выполняет заказы правителей разных стран. Из русской свиты, сопровождающей августейших супругов, у знаменитого мастера портретируются граф Я.А. Брюс (1732-1791) (1782, ГМИИ)¹⁷ и А.Б. Куракин (1782, ГЭ)¹⁸. Оба портрета поясные, небольшого размера. Известный исследователь творчества П. Батони Энтони Кларк особо отмечает их типологическую схожесть¹⁹.

¹⁶ См.: Там же. С. 15.

¹⁷ Батони П. Портрет графа Я.А. Брюса. 1782. Х., м. 76x61. Подписной. ГМИИ. Инв. № 2978. В 1937 г. приобретена у М.Ф. Бенедиктова.

¹⁸ Батони П. Портрет А.Б. Куракина. 1782. Подписной. 74x62. ГЭ. Инв. № 5482. Поступил в 1923 г., передан из Шереметевского дворца-музея в Петрограде.

¹⁹ Clark A.M. Pompeo Batoni. A Complete Catalogue of his Works with an Introductory Text. P. 356–357.

Князь изображен как частное лицо, в кафтане с отложным английским воротником, в темном, не очень широком парике. Некую репрезентативность придает лишь звезда ордена Св. Анны. Портрет выполнен в живой манере, быстрой кистью. Подчеркивая силуэт фигуры модели темной линией, мастер создает ощущение некой эскизности. В парадных портретах римского художника модель представлена чаще всего в полный рост, но есть несколько и поясных изображений. Возможно, такой характер произведения обусловлен небольшим количеством времени, предоставленным мастеру, дороговизной его услуг, а также тем, что подобный тип более соответствует образу путешественника, каким в данное время и является князь.

В статье А. Голомбиевского в «Старых годах» опубликовано черно-белое изображение князя как работа, выполненная Батони²⁰. Это погрудный овальный портрет. Куракин одет в камзол, на нем темный парик. Особенно подчеркнута и тщательно выписана звезда датского ордена Данеброга. Судя по воспроизведению, выполнен портрет в совершенно иной, более сухой манере, нежели подписное полотно из Эрмитажа.

Портрет работы Помпео Батони завершает иконографический ряд, соответствующий первому, благополучному периоду пребывания Александра Борисовича при дворе. Сразу по возвращении в Россию в 1782 г. Куракин попадет в опалу и ему будет предписано покинуть Петербург. Начнется другой этап жизни князя, в течение которого долгое время он сможет посещать Северную Пальмиру лишь два раза в год. Почти все это время, около четырнадцати лет, он проведет в своих саратовских землях: зимой – в имении Павловское на Юлове, летом – в Надеждине.

Следующие по времени портреты князя, из дошедших до наших дней, относятся к 1790-м гг. Среди самых известных – произведение французского художника Жана Луи Вуаля (1790, ГИМ). Портрет создается в период творческого расцвета мастера, который приходится на 1787-1792 гг., когда его моделями становятся представители «малого двора», ближайшего окружения великокняжеских супругов.

²⁰ Голомбиевский А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных. С. 11.

Модель изображена почти по пояс, но без полного изображения рук, в парадном кафтане с лентой и звездой ордена Св. Анны²¹. По своей форме это репрезентативный портрет, хотя идейно во многом он близок камерному. Данный подход характерен для творчества этого мастера, как и колористическая гамма, выполненная в мягких холодно-пастельных тонах. С тщательностью прописана отделка кафтана: шитье и кружева. Отчетливо видны складки на орденской ленте.

На настоящее время известны две разноуровневые в художественном плане копии с этого портрета. Одна – созданная мастером «средней руки» находится сейчас в Государственном Эрмитаже. От оригинала ее отличают более светлые и яркие краски. Видно, что этот портрет написан художником знакомым с основами живописного мастерства: точный рисунок, создание гармоничного колорита, изящная светотеневая передача.

Второе копияное полотно происходит из тверского имения Куракина Степановское-Волосово (Тверская картинная галерея). Русский художник, добросовестно копируя оригинал, пытается перенести на полотно все детали, включая световые блики на бархатном кафтане, но, как часто бывает в таких работах, перетолкование в сторону большей статичности.

В рабочем списке выполненных работ одного из самых знаменитых миниатюристов XVIII столетия Августина-Христиана Ритта (1765–1799) за 1792 г. числятся три портрета: братьев Александра, Алексея Куракиных и жены последнего Наталии Ивановны. Создает он их в то время, когда, вернувшись после своего обучения из Парижа в 1792 г., сразу становится одним из самых востребованных миниатюристов.

Судя по списку мастера, этим годом датируется исполнение миниатюрного портрета Александра Борисовича. По мнению автора монографии о Ритте Г.Н. Комеловой, именно эта работа появилась на аукционе Sotheby's в декабре 1995 г.²². К выводу о том, что моделью является старший из братьев Кура-

²¹ До 1797 г. орден не имел степеней.

²² Это неподписанное произведение, акварель на кости, диаметром 7,1 см, в золоченой раме. Вещь находится в частной коллекции в Париже, а происхо-

киных исследовательница пришла на основании сравнения с другими изображениями князя. Действительно, при первом же взгляде на портрет нисколько не сомневаешься в имени модели. Живописная легкость мазка, игра светотени, изящество постановки фигуры (движение создается за счет противоположного ракурса головы и торса модели) – все говорит об авторстве прославленного мастера. Цветовой доминантой произведения, несомненно, является широкая ярко-красная лента ордена Св. Анны. Помимо аннинской звезды и ленты, также присутствует датский орден на голубом банте.

Осенью 1795 г. Ритт выполняет два портрета маслом, копии с миниатюр братьев. Г.Н. Комелова сообщает также, что ей известен еще один миниатюрный портрет князя Александра Борисовича, несомненно, выполненный мастером, хотя подписи художника нет. Она описывает его как погрудный, решенный в серо-черных тонах, с резко выделяющейся яркой красной лентой ордена Св. Анны и незаметным крестом на голубой ленте (по-видимому, датский орден «Совершенного согласия»). Судя по наградам, портрет выполнен до 1797 г. К сожалению, исследователь не уточняет, где ей «удалось увидеть» данный портрет²³.

С восшествием на престол Павла I жизнь А.Б. Куракина радикально изменяется. За многолетнюю верность новый император щедро одаривает своего друга. Князь становится вице-канцлером, кавалером почти всех российских орденов, получает земли и доход с астраханских рыбных ловлей, полностью оплачиваются все его долги. С этого времени начинается и новый период интенсивного заказа портретов.

В 1795 г. в Россию приезжает модная в Европе французская портретистка М.-Л.-Э. Виже-Лебрен, сразу по приезде в Санкт-Петербург подружившаяся с Натальей Ивановной Куракиной. Неудивительно, что как только Александр Борисович получает все возможные награды после вступления Павла I на престол, он заказывает парадный портрет у французской ху-

дит из собрания великого князя Николая Михайловича. (См.: *Комелова Г.Н.* Августин Ритт – русский миниатюрист. 1765-1799. Жизнь и творчество.)

²³ См.: *Комелова Г.Н.* Августин Ритт – русский миниатюрист. 1765–1799. Жизнь и творчество. С. 91.

дожницы. Из мемуаров Виже-Лебрэн следует, что она дважды писала портрет князя в Санкт-Петербурге. На данный момент известно два абсолютно одинаковых по композиции и формату полотна в Государственном музее-заповеднике «Гатчина» (ранее собрание великого князя Николая Михайловича)²⁴ и в Государственном Эрмитаже (из собрания Е.П. и М.Г. Олив)²⁵, датированные 1797 г. К различиям можно отнести лишь цвет кафтана (на гатчинском портрете он золотистый, а на эрмитажном – темно-болотный), а также качество письма. Несомненно, что портрет из коллекции великого князя Николая Михайловича гораздо тщательнее прописан, проработаны лессировками светотеневые переходы.

По своему типу гатчинское полотно – полупарадный поясной и репрезентативный по характеру портрет. Вельможа изображен в нарядно расшитом камзоле и кафтане, с княжеской мантией, наброшенной на руки и умело драпирующей фигуру. В работе заметна легкость и изящество французской портретной школы и некая «приятность» и чуть ли не салонность, присущая творчеству художницы. Куракина украшают все недавно полученные награды: звезда и лента ордена Апостола Андрея Первозванного, Мальтийский орден, а также крест на алой ленте на шее ордена Св. Александра Невского. Нарядность полотну придает сочетание ярких цветовых пятен: белый камзол, золотой кафтан, красная княжеская мантия, голубая андреевская лента, а также обилие виртуозно прописанной вышивки на одежде князя. Множество орденов, которое всегда в дальнейших изображениях будет особенно подчеркивать репрезентативную концепцию портрета, здесь несколько смягчено ракурсом, который выбирает художница. Торс Куракина развернут для зрителя вправо, тем самым он заслоняет левую часть груди, на которой обычно размещались орденские звезды. В подобном замечен некоторый эле-

²⁴ Виже-Лебрэн М.-Л.-Э. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1797. Х., м. 96х76. ГМЗ «Гатчина». Поступил в 1923 г., передан из собрания Е.П. и М.Г. Олив. Ранее находился в семейной коллекции Ф.А. Куракина.

²⁵ Виже-Лебрэн М.-Л.-Э. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1797. Х., м. 95х75. Гос. Эрмитаж. Поступил в 1926 г. из ГМФ. Ранее – Новомихайловский дворец (Санкт-Петербург). Собрание великого князя Николая Михайловича. (Инв. № ГДМ-98-III)

мент интриги. Не видна в этой работе и «надменность», так часто упоминавшаяся различными исследователями в описании портретов князя. Сама Виже-Лебрэн пишет о А.Б. Куракине: «...князь был прекраснейший человек, неизменно любезный с равными и без какой-либо спеси к низшим»²⁶. Именно эту «любезность» и пытается передать художница в изображении модели, только что ставшей крупным сановником.

Оба полотна прямоугольные по форме, ранее находились в массивных резных овальных рамах (от них на обеих работах остались следы на углах). Такая рама сохранилась на произведении из Эрмитажа. Через год после написания портретов английский мастер Джордж Уокер делает с одной из работ гравюру в технике меццо-тинто также в овале. Однако именно полотно из Государственного Эрмитажа взято за образец для создания небольшой копийной работы (Орловский музей изобразительных искусств), выполненное неизвестным художником²⁷. Этот хотя и небольшой по своим размерам портрет написан с известным живописным мастерством.

Из крупнейших мастеров русской школы конца XVIII – начала XIX в. князя писал Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825). После вступления Павла I на престол Куракин делает головокружительную карьеру, император награждает своего друга за многолетнюю верность. Но довольно скоро из-за постоянных дворцовых интриг и сложного характера нового самодержца многие верные и близкие сторонники Павла постепенно начинают удаляться от двора, во многом из-за партии Лопухиных. Уже начиная с лета 1798 г. отношения между императором и его прежней партией во главе с Нелидовой, в которую входил князь Куракин и императрица Мария Федоровна, начали ухудшаться. Александр Борисович подал прошение об отставке, которое 9 сентября 1798 г. было удовлетворено Павлом I²⁸.

²⁶ Воспомяая г-жи Виже-Лебрэн о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. СПб., 2004. С. 112.

²⁷ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 19,2x14,8. Орловский музей изобразит. искусств. Инв. № Ж-60.

²⁸ *Дружинин П.А.* Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. С. 43–44.

Именно в это время и заказывает князь свой портрет в полном одеянии кавалера мальтийского ордена (1799, ГРМ)²⁹, а вскоре уезжает из северной столицы. Боровиковский создает парадное полотно по живописному эскизу, сделанному с натуры (ГРМ)³⁰ и одобренному, по-видимому, заказчиком. По приказу Куракина его управляющий в Петербурге Г.А. Карташов регулярно навещает художника и докладывает князю о ходе работы над полотном. Портрет же был завершён лишь в конце февраля 1799 г. При сравнении законченного полотна с эскизом, видно, что мастер сохранил основную композицию, цветовое и тональное решение. В окончательной работе, несомненно, более тщательно прописаны детали, мастерски проработаны ткани одежды, привнесено больше роскоши в аксессуары (украшен брильянтами эфес шпаги и цепь с мальтийским орденом). Видимо из-за того, что вся основная работа проходила в отсутствие модели, портрет несет в себе некоторую холодность, отстраненность мастера от портретируемого.

Этот портрет является первым в череде произведений, в которых прослеживается тема Павла I. На полотне присутствует скульптурное изображение императора, который выступает в роли монарха-благодетеля. Его бюст, поставленный на высокий постамент, как будто осеняет счастливого подданного и одаривает своими милостями. Подчиняясь общей композиционной идее, на законченной работе бюст несколько уведен в тень, в то время как на подготовительном эскизе за счет светлого фона выявлен сильнее.

Помимо этого парадного поколенного портрета, за который Куракин заплатил художнику 700 р. (сумму небольшую,

²⁹ Боровиковский В.Л. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1799. Х.,м. 178х137. Подписной. ГРМ. Инв. № Ж-5013. Поступил в 1905 г. из Капитула царских и императорских орденов, Петербург.

³⁰ Боровиковский В.Л. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1799. Эскиз. Х.,м. 47,5х35,5. ГРМ. Инв. № Ж-3160. Поступил в 1925 г. из Шуваловского дворца-музея, Ленинград.

но Боровиковскому вообще платили не много)³¹, мастер выполняет также «малинькие грудные два портрета» по 300 р. за оба³². Один предназначался для московского управляющего П.С. Молчанова, а другой для подчиненного по службе Е.А. Энгельгардта (будущего директора Царскосельского лицея)³³.

Имя В.Л. Боровиковского не раз встречается в литературе в связи с погрудными изображениями вельможи, в том числе в различных дореволюционных каталогах выставок и собраний. Во многих случаях авторство Боровиковского не подтверждено исследователями, в некоторых – еще остаются сомнения. Хотелось бы остановиться пока лишь на двух работах, которые, по нашему мнению, можно приписать Боровиковскому.

Один погрудный портрет, находящийся в Государственном историческом музее, выполнен живописцем, обладавшим, несомненно, высоким мастерством. Князя, одетого в малиновый кафтан, украшают ордена Св. ап. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и мальтийский крест. Так как орден Св. Владимира, полученный русским дипломатом в 1802 г., отсутствует, можно достаточно точно датировать портрет между концом 1798 г. и первой половиной 1802 г. Именно этот портрет, как считает Т.В. Алексеева, возможно, является одним из двух «малиньких» портретов, написанных Боровиковским в 1799 г. В пользу этого также говорит тип изображенного лица: хотя поворот торса иной, создается впечатле-

³¹ Т.В. Алексеева называет оплату в 700 р. «весьма низкой», приводя в сравнение гонорар Лампи-старшего за парадный портрет П. Зубова – 6 800 р. (вместе с рамой), Левицкого за портрет Марии Федоровны в 1797 г. – 2 600 р. Так или иначе, за портрет Муртазы-Кули-Хана (1796 г.) Боровиковский получает 1 200 р., за парадный портрет Д.А. Державиной (1813 г.) – 1000 р., а за императорский портрет в 1799 г. Академия художеств предлагает мастеру лишь 500 р.

³² Из письма Г.А. Карташова видно, что 12 марта 1799 г. в Москву отправили «полученные от Боровиковского портрет и большая картина» (ГИМ, ОПИ, ф.3, оп. 1с., д. 491. С. 114.). По мнению Алексеевой, речь, возможно, идет об образе, также написанным русским художником.

³³ Нельзя отрицать возможность того, что «малинькие грудные два портрета» могли быть и миниатюрами. Однако Т.В. Алексеева предполагала, что, скорее всего, это были поясные изображения среднего размера.

ние, что голова на этих портретах писалась с одного образца (эскиза). Тот же ракурс, форма парика и банта на нем, то же направление бровей, проработка светотенью и т.д.³⁴.

Второй заинтересовавший нас портрет проходил на известной Таврической выставке 1905 г. под № 185 как – «Боровиковский В.Л. “Портрет А.Б. Куракина”». Поясной, в профиль. Собственность М.М. Петрово-Солово в Москве». Судя по черно-белой фотографии этой работы, Куракин действительно изображен в профиль с полным набором наград, включая владимирский орден. В связи с этим портрет можно датировать периодом между 1802 и 1807 гг. (когда князь получает французский орден Почетного легиона и почти всегда портретируется вместе с ним). Профессиональное знание анатомии, тщательность прописанных деталей, световая растяжка фона – все это выдает руку мастера. Любопытно, что углы полотна остались нетронутыми. Таким образом, художник вписывает изображение фигуры модели в восьмиугольник. Согласно датировке этот портрет не является тем, который в 1799 г. Карташов получил от художника, но авторство Боровиковского, заявленное в каталоге, пока не стоит подвергать сомнению. О ряде других изображений, тип которых, возможно, восходит к одному из неизвестных полотен работы Владимира Лукича, речь пойдет чуть позже.

После своей непродолжительной отставки Куракин возвращается ко двору. Уже 1 февраля 1801 г. князь присутствует на обеде по случаю переезда Павла I в новый, Михайловский замок, 20 февраля вступает в свою прежнюю должность вице-канцлера, освобожденную Ф.В. Ростопчиным. Отношения между императором и другом детства

³⁴ Н.х. Портрет А.Б. Куракина. Около 1799 г. Х., м. 73,5х60. ГИМ. Инв. № 91849/ИП-3259. Поступил в 1905 г. из собрания П.И. Щукина. (См.: Русские портреты. Собрание П.И. Щукина в Москве. М., 1901. Вып. 2. № 42; *Алексеева Т.В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. С. 378–379; *Volti dell’Impero Russo. Da Ivan il Terribile a Nicola I.* Milano, 1991. P. 204 (первая публикация цветного изображения).

вновь налаживаются. Присутствует Александр Борисович и на последнем обеде самодержца 11 марта 1801 г.³⁵

Возможно, портрет «брильянтового князя», как его иногда называли современники, ныне находящийся в Третьяковской галерее³⁶, заказывается еще в последние дни царствования Павла I. Опять же благодаря ордену Св. Владимира, ясно, что закончен он был лишь во второй половине 1802 г. В отличие от полотна 1799 г. заметно, что художник, выполняя заказ, имел возможность неоднократно видеть модель и писать ее с натуры.

Стоит отметить, что ни в одном портрете князя Куракина репрезентативная концепция не была выражена так ярко, как в данном полотне. Князь представлен здесь во всем величии своего социального положения и материального богатства, в качестве вице-канцлера, кавалера почти всех российских орденов, крупного землевладельца, любимца императора Павла I, которому он подчеркнуто горделиво будет хранить верность, ведь в какой-то мере этот портрет имеет и мемориальный характер. Роскошь одежд и драпировок, обилие тончайшего кружева и брильянтов, все подчеркивает парадность изображения. Даже бюст покойного монарха при всех орденах, с золотым вензелем и двухглавым орлом на мраморном постаменте – самый репрезентативный из всех изображенных на портретах XVIII – начала XIX столетия.

Тему Павла I также подчеркивают мальтийский плащ, лежащий рядом на кресле, с тщательно прописанной символикой (изображение игральные кости, кубка (чаша Грааля), мальтийским крестом и надписями), а также только что построенный Михайловский замок на заднем плане. Мемориальный характер данного произведения усиливает наличие новой награды, не изображавшейся ранее на княжеских портретах. Это прусский орден Черного орла: крест с темно-голубой эмалью на оранжевой ленте. Известно, что по завещанию покойного императора, среди прочих наград Куракин получил Брильянтовую Звезду и крест прусского Черного орла, который в

³⁵ Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. С. 44.

³⁶ Боровиковский В.Л. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1801–1802. Х., м. 259х175. ГТГ. Инв. № Ж-4608. Происходит из собрания Б.А. Куракина (имение Преображенское Орловской губернии). Поступил в 1920 г. из НМФ.

свое время снял с себя король Фридрих Великий и подарил Павлу I. Именно с этим крестом и портретируется князь³⁷.

Неудивительно, что данный портрет пользуется благосклонностью заказчика и неоднократно гравировается как в полный рост (Ф. Вандрамини), так и в погрудном варианте (И.-С. Клаубер). Этот тип получает широкое распространение. Не раз с него делаются и копии (например, Нижегородский худ. музей, ГМЗ «Дмитровский Кремль»)³⁸.

Отдельно хотелось бы остановиться на небольшой работе из Исторического музея. По мнению Л.Ю. Рудневой, это эскиз Боровиковского к незавершенному большому парадному полотну³⁹. Об этом говорит и соответствующая манера письма, и небольшой формат (57x41,5 см), и монументальность композиции. Куракин представлен в полный рост, сидящим в роскошном кресле, скорее похожем на трон, около стола-консоли, держа в правой руке какие-то бу-

³⁷ Александр I после кончины своего отца поручил кн. А.Б. Куракину разбор бумаг покойного государя. Среди них находилось и завещание Павла I, в 14-й статье которого упоминался и князь: «Звезду и крест прусского ордена Черного орла брильянтовые и шпагу французскую, идущую от графа д'Артуа, и золотые мои пряжки, которые всякий день ношу, отдаю моему верному другу князю Александру Борисовичу Куракину». Причем знаки ордена Черного орла прежде снял с себя и подарил Павлу Петровичу сам прусский король Фридрих Великий. Также князю были завещаны знаки ордена св. Анны I степени, которые были на императоре; внутри аннинской звезды был вставлен медальон с проектом знака IV степени для ношения за храбрость на военных шпагах, сделанный Павлом собственноручно еще в бытность наследником. (*Дружинин П.А.* Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. С. 45–46).

³⁸ Боровиковский В.Л. (?) Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 74x61. Слева внизу надпись (фальшивая): «Писаль Боровиковский». Нижегородский худ. музей. Инв. № 112. В 1900-х гг. принадлежал В.О. и Г.Л. Гиришман. В Нижегородский музей передан через ГМФ в 1926 г. По мнению Алексеевой сходный портрет был в собрании С.А. Геденова (экспонировался на исторической выставке 1870 г. под № 732, воспроизведен в альбоме: А.М. Лушев, Исторический альбом портретов лиц XVI – XVIII вв. на выставке Общества поощрения художников. СПб., 1870); Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 74x85. МЗ «Дмитровский Кремль». Инв. № МЗДК-2808.

³⁹ См.: Сто и двенадцать стульев из собрания Государственного исторического музея. М., 2000. С. 204.

маги. Русский дипломат одет в серебряный камзол и бархатный фиолетовый кафтан, на котором те же награды (включая прусский орден), что и на предыдущем портрете, следовательно, его можно датировать временем между 1802 и 1807 г. На заднем плане открывается вид на усадебный парк с классицистическим строением, очень напоминающем храм Истины в Надеждине⁴⁰. С полотном из Третьяковской галереи это произведение роднит подчеркнутая роскошь, окружающая князя. Но если третьяковский портрет иллюстрирует «городскую», «столичную» жизнь русского дипломата, то эскиз из Исторического музея – «сельскую».

В начале 1800-х гг., по заказу Александра Борисовича, трех братьев Куракиных пишет австрийский художник Людвиг Гуттенбрунн. На данный момент кисти Гуттенбрунна приписываются два портрета Александра Борисовича (1800, ГИМ; 1800, ГРМ)⁴¹. Князь представлен за рабочим столом в окружении деловых бумаг и письменных приборов. На произведении, находящемся в Русском музее, он одет в далматик мальтийского ордена Св. Иоанна Иерусалимского под кафтаном, с набором основных орденов. Художник показал модель, как будто застигнутую за работой: в руке Куракина бумага, однако вся фигура и лицо обращены к зрителю.

Несколько иную трактовку имеет композиция другого портрета (ГИМ). Это произведение можно охарактеризовать как портрет-диалог между князем и государем. Хотя в данной работе и соблюден один из иконографических канонов, согласно которому изображение императора всегда расположено выше портретируемого, их глаза находятся практически на одном уровне, создавая доверительную, почти интимную атмосферу. Таким образом, возникает иллюзия разговора между двумя (почти равнозначными)

⁴⁰ Боровиковский В.Л. (?) Портрет кн. А.Б. Куракина. Начало 1800-х гг. 57х41,5. ГИМ. Инв. № 61318щ /ИИ-1502. (Опубликован в кн.: Сто и двенадцать стульев из собрания Государственного исторического музея. С. 204).

⁴¹ Гуттенбрунн, Л. Портрет Александра Борисовича Куракина. Дерево, масло. 42,3х31,2. ГИМ. Инв. № 16780/П-716. Поступил в 1905 г. в составе собрания И.П. Шукина; Гуттенбрунн, Л. Портрет Александра Борисовича Куракина. 1800. Дерево, масло. 40,5х31,7. Подписной. ГРМ. Инв. № Ж-5400. Поступил в 1927 г. из ГЭ.

персонами. В отличие от произведений Боровиковского на этой работе Павлу I предлагается образ друга-наставника.

Особый интерес вызывает изображение Александра Борисовича (ГЭ), тип которого, по нашему мнению, восходит к неизвестному оригиналу кисти Гуттенбрунна⁴². Портрет исполнен на холсте, однако имеет характерные для работ австрийского художника размеры (43,2х31,3 см). Это также тип кабинетного портрета, на котором князь предстает сидящим на стуле и держащим в правой руке круглый миниатюрный портрет, как нам кажется, своего брата Алексея. На Куракине надеты все награды, включая орден Св. Владимира (таким образом, портрет можно датировать после 1802 г.). Композиционными средствами художник особо выделяет мраморную статую, стоящую в нише на заднем плане. Скульптурное изображение женской фигуры в античном платье с лавровым венком в правой руке по «Символам и Эмблемам» читается как образ Добродетели. По-видимому, подобный портрет несет в себе идею братской дружбы и семейных ценностей.

Работа Гуттенбрунна (1800, ГРМ) послужила прототипом и для миниатюры, написанной акварелью и гуашью на кости, ныне находящейся в частном собрании⁴³. При создании этого погрудного портрета неизвестный мастер использует светлые и одновременно сложные цвета.

После ухода в 1802 г. в отставку «с сохранением прежних мест в Государственном Совете и в Правительствующем Сенате», князь не перестает интересоваться политикой. Весной 1807 г. он присоединяется к свите государя, который находится в это время при армии. Пятнадцатого мая 1807 г. в Тильзите выдаются полномочия князьям А.Б. Куракину и Д.И. Лобанову-Ростовскому на ведение переговоров и заключение мира с Францией, и 25 июня они подписывают мирный договор с русской стороны (с французской его подписал Ш.-М. Талейран).

⁴² Н.х. Портрет князя Александра Борисовича Куракина. Х.м., 43,2х31,3. ГЭ. Инв. № ЭРЖ-798.

⁴³ Н.х. Портрет А.Б. Куракина. Ок. 1802. Кость, акварель, гуашь. 6,5х5,8 см (овал). Частное собрание С.А и Т.А. Подстаницких (См: <http://podstanitskiy.cmsplantt.ru>).

Из Тильзита князь направляется в Вену, где с июля 1807 г. по сентябрь 1808 г. занимает должность чрезвычайного и полномочного посла. Там он в честь знаменательного события заказывает портрет у придворного австрийского мастера И.Б. Лампи-младшего (J.B. Lampi) (1775–1837)⁴⁴. На портрете Куракин изображен поколенно, в синем костюме со всеми имеющимися к этому времени наградами. Левой рукой он опирается на стол, частично задрапированный красной тканью. Зрителю гордо демонстрируется лежащий на столе тильзитский трактат с надписью RAX TILSIT 1807, а также французский орден Почетного легиона, врученный ему Наполеоном. Над этими атрибутами возвышается скульптурная фигура, олицетворяющая Честь, которая согласно Эмблемам и символам «представляется женою в лавровом венце, с копьём и масличной ветвью»⁴⁵, что символизирует честные устремления России при заключении и соблюдении данного договора⁴⁶. Уступки, на которые пришлось пойти Российской империи, оправданы аллегорическим значением «Сила происходит от доброго сердца»⁴⁷, которое принадлежит крылатому (венцианскому) льву, в виде которого изображена ножка стола. Пространство полотна по традиции парадной портретописи XVIII в. как бы поделено на две части: ближнюю и дальнюю, разделенные колонной, олицетворяющей незыблемость принятого исторического решения, и тяжелой оранжевой драпировкой, напоминающей театральные занавесы. На заднем плане расположен античный храм, на который правой рукой показывает князь. На храмовом антаблементе надпись – TEMPL IANI CONTECTUS («Храм Януса закрыт»). Римский бог Янус считался богом договоров, союзов, а также впоследствии и мира. В XVIII столетии была очень популярна эта аллегория. При объявлении войны двери храма открывались, при окончании – закрывались. Рядом с храмом находится

⁴⁴ Лампи-младший И.-Б. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1807. Подписной. ГРМ.

⁴⁵ Эмблемы и символы / Вступ. статья и комм. А.Е. Махова. М., 2000. С. 35.

⁴⁶ При описании гравюры Ровинский именует скульптуру богиней Минервой. Однако скульптурная фигура не имеет традиционных атрибутов этой богини (шлема, щита и др.).

⁴⁷ Эмблемы и символы. С.222.

бюст двуликого Януса – «два лица вместе представленные»⁴⁸, также согласно эмблематике означающие Союз и Согласие. Таким образом, изображение храма Януса на портрете говорит зрителю об успешном заключении мирного договора, организованного моделью.

В 1811 г., будучи послом в Париже, Куракин заказывает Лампи авторское повторение⁴⁹. Но в новое полотно внесены некоторые изменения, по-видимому, по желанию заказчика. В целом композиция та же, но благодаря изменению масштаба данное произведение выглядит более монументально, в нем больше архитектоники. Князь изображен в полный рост, целиком виден стол, на который он опирается, с другой стороны появился стул с лежащими на нем шляпой и шпагой. При таких изменениях, на наш взгляд, большее значение придается символическому и «иносказательному» значению «программы» полотна. Именно с этого портрета была создана Клаубером гравюра, получившая широкое распространение⁵⁰.

С момента своего приезда в Париж в ноябре 1808 г. и вплоть до июля 1812 г. (когда уже месяц как шла Отечественная война) князь находился во Франции в качестве российского посла.

Пребывание во Франции пополнило и так богатую иконографию Александра Борисовича. Несколько княжеских изображений явились реакцией на интереснейшее событие, приключившееся с Куракиным в Париже. Первого июля 1810 г. русский посол, князь А.Б. Куракин присутствовал на балу, который давал австрийский посол в Париже Карл Филипп Шварценберг по случаю бракосочетания императора Наполеона с эрцгерцогиней австрийской Марией-Луизой, дочерью австрийского императора Франца I. В ходе бала случился пожар, в результате чего вся танцевальная зала выгорела, погибло множество народу. Князь в данной ситуации проявил свойственную ему вежливость, пропуская вперед спасавшихся дам. Но в пылу всеобщей паники был сбит с ног, скатился вниз по лестнице, был ударен горящими

⁴⁸ Эмблемы и символы. С. 34.

⁴⁹ Лампи-младший И.-Б. Портрет кн. А.Б. Куракина. 1811. Подписной. Х., м. 254x178. Ярославский худ. музей. Инв. № Ж-20. Поступил из Русского музея в 1932 г. (ранее собрание ГЭ).

⁵⁰ Д.А. Ровинский в своем словаре эту гравюру не упоминает. Данная работа хранится в Историческом музее. Внизу гравюры надпись: писал И.-Б. Лампи, гравировал И.С. Клаубер. Дата создания – неизвестна.

досками и потерял сознание. В результате он получил множественные ожоги. Спасла посла только его любовь к парадным одежаниям, так как роскошный глазетовый кафтан, расшитый золотными нитями, защитил тело сановника от огня⁵¹.

В августе 1810 г. на гравюре Ж. Руа русский вельможа изображен в профиль, без парика, сидящим в кресле с забинтованной левой рукой. В честь счастливого избавления князя его внебрачный сын, барон Александр Николаевич Сердобин заказывает памятную медаль. Выполняет ее французский медальер Ж. Дроз (1740–1823), отчеканивая княжеский бюст в профиль со всеми российскими наградами и французским орденом Почетного легиона⁵².

В следующем, 1811 г. в Париже французский миниатюрист Мунере (вторая половина XVIII в. – после 1841), ученик Изабе, создает портрет русского дипломата⁵³. Миниатюра представляет собой узкий овал, в элегантной тонкой ампирной оправе. Работу отличает точный рисунок и приятный колорит. Князь изображен в модном строгом камзоле со всеми своими наградам.⁵⁴

К этому периоду относится и портрет, выполненный французским художником Жаном Батистом Реньо (1754–1829), живописцем и гравером, членом парижского Института искусств с 1795 г. В 1812 г. во Франции его гравировал русский пенсионер Н.И. Уткин. Судя по эстампу, это поясной портрет, в три четверти, возможно, в овале⁵⁵. Куракин одет в темный бархатный костюм с княжеской мантией. На нем все имеющиеся ордена (включая французский),

⁵¹ См.: Русский биографический словарь. Т.9. СПб., 1903; *Дружинин П.А.* Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. С. 64 и др.

⁵² См.: *Иверсен Ю.Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т. 1. СПб., 1880.

⁵³ Мунере. Портрет А.Б. Куракина. 1811. Кость, акварель. 7,0x5,0. ГЭ. Инв. № ЭРР 9240.

⁵⁴ См.: *Принцева Г.А.* Портретные миниатюры XVIII – XIX веков в отделе истории русской культуры // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2004. Вып. 26. С. 195.

⁵⁵ Судить по овальному гравированному портрету о формате оригинала крайне сложно. Однако в пользу того, что портрет Реньо мог быть овальным (или заключен в восьмиугольник) говорят многие копийные живописные работы, на которых углы полотна являются незаписанными.

хорошо видны андреевская и владимирская орденские ленты. Местонахождение оригинала неизвестно.

В Институте русской литературы («Пушкинском доме») РАН хранится портрет этого типа⁵⁶. Это также овал в прямоугольнике (углы представляют собой нетронутый грунтованный холст), где на темном фоне изображен князь в зеленом кафтани. От гравированного портрета эту работу отличает только одно – отсутствие французского ордена Почетного легиона. Возможно, это говорит о том, что полотно было написано до 1807 г., а возможно, при выполнении копии с Ренью художник в соответствии с пожеланием портретируемого не написал иностранный орден. Работу отличает высокий уровень мастерства, великолепно прописанное лицо модели, в то время как фигура и доличности несколько лишены объема и нанесены легкими жидкими масками, что придает портрету некоторую эскизность. Это, впрочем, не распространяется на тщательно проработанные, кажущиеся материальными ордена. Полотна, которые можно отнести к этому типу (условно до 1807 г.) хранятся также в Государственном Эрмитаже⁵⁷ и в Музее-заповеднике «Дмитровский Кремль»⁵⁸.

Еще две копии портрета рассматриваемого нами типа находятся в Историческом музее⁵⁹ и Тверской картинной галерее⁶⁰. Их объединяет то, что, как и на гравюре Н.И. Уткина, князя украшает наполеоновский орден. Портрет из ГИМа по цвету и композиции напоминает полотно из Института русской литературы РАН, хотя чуть меньшего размера. Лицо модели тщательно проработано. Изображение вельможи также представляет овал в прямоугольнике с незаписанными углами.

⁵⁶ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Конец XVIII в. Х., м. 81х65. Институт русской литературы («Пушкинском доме») РАН. Инв. № ПД-И-2832. Поступил из Правления Академии наук в 1923 г.

⁵⁷ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 84х65,5. ГЭ. Инв. № ЭРЖ-797.

⁵⁸ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 57х43. МЗ «Дмитровский Кремль». Инв. № МЗДК-2366. Поступил из усадьбы «Ольгово».

⁵⁹ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 47х36. ГИМ. Инв. № 61843 /III-196. Поступил в 1927 г. из ГМФ.

⁶⁰ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. Тверская картинная галерея. Инв. № 846. Поступил из имения «Степановское-Волосово».

Отдельно хотелось бы остановиться на нескольких довольно распространенных иконографических типах князя, созданных неизвестными художниками. Уровень мастерства этих полотен различен. Создавались они, по-видимому, как профессиональными художниками, так и любителями или крепостными.

На одном из них, ныне находящимся в Тверской картинной галерее, Александр Борисович предстает перед зрителем еще в молодом возрасте⁶¹. На плечи Куракина наброшена княжеская мантия, полностью закрывающая одежду модели и скрепленная фибулой. Судя по лицу и слегка вытянутому темному парикку, портрет можно датировать второй половиной 1770-х годов. Работа выполнена плоскостно, с резкими переходами от света к тени, возможно, крепостным художником. Особый интерес это произведение представляет тем, что данный тип нигде больше не встречается. И либо изображение писалось с неизвестного нам портрета, либо с натуры, что, учитывая уровень мастерства, крайне интересно.

К неизвестным типам можно отнести и великолепную по качеству миниатюру из Новгородского государственного музея⁶². Легкость и уверенность кисти, изысканный серо-синий колорит, оживленный умело расставленными акцентами красных мазков, заставляют предположить авторство хорошего западноевропейского мастера. Лицо князя можно назвать «миловидным», он выглядит довольно молодо и привлекательно для своего возраста, поскольку, судя по наградам, портрет был написан после 1802 г. Во многом это изображение напоминает тип Реньо. О знакомстве князя с иностранными миниатюристами известно из архивных документов. В письмах князя за 1776 г. несколько раз встречается имя немецкого миниатюриста Христиана Готтлиба Дольста (Christian Gottlieb Dolst) (1740–1814), который портретировал Екатерину II и принца Максимилиана Саксонского. Князь Алексей Борисович пишет

⁶¹ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 29,5х24. Тверская картинная галерея. Инв. № 355. Поступил из имения «Степановское-Волосово».

⁶² См.: *Васильева И.М.* Русское изобразительное искусство XVIII – начала XX века в собрании Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. М., 2006. С. 50.

своему брату: «Мои комплементы мистеру Дольсту, скажите ему, что думается нельзя быть лучше»⁶³. В счетах Александра Борисовича за 1799 г., хранящихся в архиве Исторического музея, есть запись о долге Дольсту⁶⁴.

Еще один портрет, относящийся к периоду восшествия Павла I на престол, выполненный мастером (возможно русским) знакомым с основными законам академической живописи, хранится ныне в Историческом музее⁶⁵. До революции он находился в Московском главном архиве министерских дел и был опубликован в 1898 г.⁶⁶. Князь одет в красный мундир с золотыми эполетами, из-под мундира виден далматик мальтийского ордена с крестом. На нем надеты все награды, имевшиеся у него до 1802 г. Ракурс не традиционен для куракинских портретов. Торс модели представлен в фас, голова повернута направо в три четверти, взгляд князя обращен куда-то в сторону, как будто его окликнули. В Орловском краеведческом музее есть портрет этого типа с тем лишь отличием, что голова сановника развернута в противоположную сторону⁶⁷. На фоне слегка обозначен полуовал, и прописаны облака на небе. В орловском портрете явно не хватает той легкости и мастерства, которое присутствует в полотне из Исторического музея. Лицо Александра Борисовича напряжено, создается ощущение некой маски.

В различных музеях нашей страны находится ряд портретов, восходящих к одному неизвестному иконографическому типу. Лучшим по мастерству и полным по композиции можно считать

⁶³ Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 8. С. 267.

⁶⁴ ГИМ ОПИ ф.3, оп. 1с., д. 491, л.106.

⁶⁵ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 83х70. ГИМ. Инв. № 61843 /ИИ –99. Поступил в 1927 г. из ГМФ. На обороте сургучная печать Московского главного архива министерских дел.

⁶⁶ Россия. Министерство иностранных дел. Московский главный архив. Портреты и картины, хранящиеся в нем. *Portraits et tableaux appartenant aux archives*. М., 1898.

⁶⁷ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. Орловский краеведческий музей. Инв. № ОКМ 1268.

полотно из Тверской картинной галереи⁶⁸. Это достаточно большой по размеру парадный портрет, созданный, несомненно, русским мастером. Князь изображен сидящим в кресле, поколенно, рядом со столом, на котором расположены письменные приборы и документы. Одет Куракин в белый камзол и темно-синий кафтан, богато украшенный золотой с красным вышивкой. По составу наград, учитывая наличие прусского ордена Черного орла, с которым князь неоднократно портретируется после смерти императора Павла, и отсутствию ордена Св. Владимира, данный тип можно датировать 1801 – первой половиной 1802 г. В пользу того, что эта работа, скорее всего, была выполнена русским мастером, говорит и некоторая статичность фигуры, незначительные анатомические ошибки и сухость письма. Неубедителен в перспективе и рисунок мебели. Тем не менее голова модели написана с хорошим знанием анатомии, проработаны светотеневые отношения, выдержан общий серо-синий колорит работы с мастерски расставленными акцентами небольших красных цветовых пятен.

Точное повторение композиции этого полотна можно найти в работе, находящейся в Историческом музее. Однако анатомический рисунок и цветовая передача выполнены несколько неумело, что позволяет предположить, что данная копия выполнена мастером, не знакомым с основами художественного ремесла⁶⁹.

Еще одна копия изображения этого типа принадлежит Орловскому краеведческому музею. В данном случае это погрудный портрет на темном фоне. Богато расшитый темно-синий княжеский кафтан заменен здесь на однотонно-красный. Эту работу можно назвать «добротной» и отнести к мастеру «средней руки»⁷⁰.

Почти с каждого портрета, выполненного известным художником (Росленом, Вуалем, Виже-Лебрен, Боровиковским, Лампи-младшим, Реньо), заказывалась гравюра. В основном это именитые мастера, работающие в России и за рубежом. В 1770-е гг. с

⁶⁸ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 128x97,5. Тверская картинная галерея. Инв. № Ж-352. Поступил в 1924 г. из имения «Степановское-Волосово».

⁶⁹ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 126x92. ГИМ. Инв. № 72290/ИИ-2088. Поступил в 1933 г. в собрании Чернышовой-Безобразовой и Ярмоловой.

⁷⁰ Н.х. Портрет кн. А.Б. Куракина. Х., м. 66,5x57. Орловский краеведческий музей. Инв. № ОКМ -63.

нескольких портретов членов семьи Куракиных гравировал знаменитый мастер Антония Радиг. Несколько раз Александр Борисович пользуется услугами популярного в столице гравера по меди, академика, работающего в Петербурге Джеймса Уокера (James Walker). В списке мастеров, выполнявших его заказ, числятся: немецкий мастер Игнатий Себастьян Клаубер (Ign. S. Klauber), братья Джованни и Франческо Вандрамини (Jean et Francois Vendramini), Александр Яковлевич Колпашников, гравер Академии наук и Медицинской коллегии и многие другие.

Из зарубежных рисовальщиков стоит отметить братьев Отто (Carl und W. Otto) из Дармштата, а также венского мастера В.-Г. Кинингера (V.G. Kininger), которому Куракин заказывает в 1809 г., будучи послом в Австрии, гравюру с портрета Лампи-младшего (ГРМ, 1807).

Итак, основные проблемы иконографии Куракина неотъемлемо связаны с жизненным путем князя, который условно можно разделить на три основных этапа.

Первый – до его отдаления от двора в 1782 г. В этот период князь на своих портретах предстает перед нами молодым дворянином из знатного рода, любезным кавалером, «светским львом». Преобладают погрудные изображения, написанные Г. Лундбергом, А. Росленом, П. Батони. Исключение составляет лишь первый парадный портрет князя в полный рост кисти Р. Бромптона, созданный в ознаменование полученного ордена Св. Анны. Во многом возникновение «портрета-прогулки», написанного Бромптоном, связано с европейским путешествием князя и с его увлечением Англией.

Полотна этого времени, видимо, копируются не часто. До нас дошли лишь произведения, относящиеся к типу Рослена. Так же обстоит дело и с заказом гравюр, которые пока крайне редки (известны лишь работы В.П. Колпашникова 1783 г. с рисунка Де Велли 1779 г. и А. Радига 1779 г. с Рослена) и печатаются небольшим тиражом. В основном все эти изображения предназначались для родственников и близких друзей. Следующий этап, связанный с опалой и продлившийся шестнадцать лет до 1797 г., отмечен крайне редкими портретами известных мастеров. К ним можно отнести лишь Вуаля и Ритта. На этих камерных полотнах Куракин представлен в качестве частного лица, демонстрирующего одну-единственную российскую награду – орден Св. Анны. Неиз-

вестно ни одного эстампа с работ этого времени, и сохранились лишь две копии с произведения Вуала.

Обилие портретного заказа приходится на последний период, ознаменовавшийся восшествием Павла I на престол. А.Б. Куракина пишет Виже-Лебрен, Боровиковский, Гуттенбрунн, Лампи-младший, Реньо, миниатюрист Мунере и др. Большинство этих портретов были либо поколенными, либо изображающими модель в полный рост и носили ярко выраженный репрезентативный характер. Куракину импонирует представлять перед зрителем в различных амплуа: государственного деятеля, придворного вельможи, русского дипломата, просвещенного помещика, «командора» Мальтийского ордена, приближенного и друга императора. Именно в этот отрезок времени в княжеских изображениях появляется тема Павла I (чаще всего в виде бюста императора), который предстает в разных вариантах: «монархом-покровителем», «другом-наставником», «одобряющим государем».

С 1798 г. открывается целая череда заказов на живописные и гравированные копии с портретов Куракина. В этот период он является крупным государственным сановником, вице-канцлером, кавалером почти всех российских орденов. Чаще всего гравюры заказываются практически сразу же после создания живописных полотен. Анализ материала показал, что особенно были востребованы парадные портреты в рост большого размера (Боровиковский 1801-1802 гг., гравировал Вандрамини; Лампи-младший, гравировал Клаубер в 1809 г.), а также поясные и погрудные, но не менее представительные изображения в овале (Боровиковский – Клаубер, Реньо – Уткин), где князь представлен со всеми наградами.

Как показало исследование, для Александра Борисовича как модели портрета была крайне важна роль именно государственного мужа. Этим предпочтением был и обусловлен выбор автора полотна. Отсюда обращение к Гуттенбрунну, мастеру портрета «в кабинете», к Боровиковскому как художнику, известному своими репрезентативными работами, и отсутствие полотен, например, кисти Рокотова с изображением князя.

Есть все основания полагать, что именно А.Б. Куракин как заказчик задает программу произведения, роль, в которой он будет выступать, тип портрета, а художник, используя язык искусства,

доносит эту идею до зрителя. Светский вельможа, хорошо разбирающийся в символике атрибутов, зачастую требует их изменения в композиции полотна или гравюры, расставляя свои акценты в общей концепции произведения (например, это ощущается в авторском повторении Лампи-младшего портрета князя в 1811 г.). Александр Борисович, скорее всего, выбирает также одежду, в которой он будет изображен, задавая тем самым колорит работы.

Таким образом, мы видим, что эстетические пристрастия Куракина, его вкус, сформировавшийся в заграничных путешествиях, любовь к роскоши, родовая гордость позволили выступить в качестве требовательного и знающего заказчика, дав возможность появиться на свет произведениям портретного искусства, ставшим в один ряд с самыми выдающимися работами в русской культуре XVIII – начала XIX в.

ПОРТРЕТЫ КНЯЗЯ С.Б. КУРАКИНА И КНЯГИНИ Е.Д. КУРАКИНОЙ ИЗ ВОЛОСОВА-СТЕПАНОВСКОГО

Если самой значительной частью портретной галереи в Волосове-Степановском по праву может считаться ее фамильный раздел, то, в свою очередь, его ядро, несомненно, составляет группа портретов «Борисовичей» – детей князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина и княгини Елены Степановны, урожденной графини Апраксиной, что вполне естественно и оправданно. Именно это поколение Куракиных получило наибольшую известность и оставило весьма заметный след в истории России. Кроме того, двое из братьев – Степан и Александр – были основателями-строителями волосовского дворца, о чем не забывали их благодарные наследники.

Портретов С.Б. Куракина, происходящих из Волосова-Степановского, в настоящее время удалось выявить только три. Было ли их больше, неизвестно. Впрочем, сама биография князя, а возможно, и особенности его характера, не способствовали созданию обширной иконографии¹. Степан Борисович всю жизнь находился «в тени славы» своих братьев – Александра и Алексея. И хотя к концу жизни он дослужился до чинов генерал-майора (по военному ведомству) и действительного тайного советника (по гражданскому ведомству), его карьера, по сравнению с братьями, выглядит достаточно скромной.

¹ Кроме «волосовских» портретов известны миниатюра, находившаяся в предреволюционные годы в собрании князя А.А.Куракина в С.-Петербурге (см.: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, № 64.), а также портрет работы Л.Гуттенбрунна, хранящийся ныне в Орловской областной картинной галерее, и две вольных копии с него (см.: Киселева А.Р. К вопросу о технологии малоформатных работ Л.Гуттенбрунна и иконографии портрета Степана Борисовича Куракина. // IV научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». 24 ноября – 26 ноября 1998, Москва. Материалы. М.: Магnum APC, 2000, с. 91-96).

Здесь следует сделать небольшое отступление, и хотя бы в нескольких чертах наметить биографию Степана Борисовича², так как его имя не упоминается даже в самых серьезных энциклопедических изданиях (например, «Брокгауз и Эфрон»).

Князь Степан Борисович Куракин (1754-1805), оставшись четырнадцати лет от роду сиротой, вначале воспитывался в доме бабушки – княгини А.И.Куракиной (урожденной Паниной), а затем был отправлен двоюродным дедом и попечителем, – графом Н.И. Паниным, в Швецию для обучения разным наукам. Однако вскоре вернулся, так и не получив образования, и поступил волонтером в действующую армию, что вызвало неудовольствие тетки – княжны Агриппины Александровны Куракиной, которая писала некоторое время спустя: «Я бы очень желала, чтобы по окончании кампании подумали несколько об его воспитании: кажется, героем сделаться ему время не ушло бы, а к наукам привыкать не всегда равно способно...»³. Это же обстоятельство давало впоследствии повод князю Александру Борисовичу Куракину, получившему блестящее образование, высокомерно и снисходительно относиться к брату. Сам Степан Борисович жаловался на брата, что тот «поставляет его хуже самого малого ребенка, который до десяти перечесть не может»⁴.

Дальнейшая судьба С.Б. Куракина типична для дворянского «недоросля» из хорошей семьи, поступившего в военную службу.

Под командой другого своего двоюродного дедушки, графа П.И. Панина, он участвовал в 1770 году в штурме крепости Бендеры, после которого был послан к императрице Екатерине II с ключами (по другим источникам – со знаменами и булавами), за что, в

² Использованы сведения из следующих изданий: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 276-278.; Старк В.П. Ахтырский гусар. // Старк В.П. Портреты и лица. XVIII – середина XIX века. СПб.: «Искусство – СПб», 1994, с. 47-50.

³ Цит. по: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 276-277.

⁴ Цит. по: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 277.

том же году (шестнадцати лет от роду), был пожалован чином капитана. Затем служил в Польше под началом своего дяди – князя Н.В. Репнина. В 1773 году, будучи адъютантом А.И. Бибикова, участвовал в подавлении пугачевского бунта. С 1775 по 1780 годы служил в кирасирском полку Наследника Цесаревича Павла Петровича (что, возможно, было устроено А.Б. Куракиным, другом великого князя). В 1783 году, в составе Ахтырского гусарского полка, участвовал в кампании за присоединение Крыма к России, имея чин подполковника (в 1784-м – получил чин полковника). В 1788 году Степан Борисович отличился при штурме Очакова, был ранен и отпущен домой для излечения. В 1789 году, в награду за Очаков, получил чин бригадира. Через несколько лет, в конце екатерининского царствования, он вышел в отставку в чине генерал-майора по кавалерии.

При Павле I С.Б. Куракин вновь поступил на службу, уже гражданскую, получив должность начальника Экспедиции Кремлевского строения, которую занимал почти до конца жизни. На нем же, в основном, в эти годы, из-за отсутствия братьев в Москве, лежали заботы и о Странноприимном доме (военном «шпитале») князей Куракиных на Новой Басманной улице, основанном еще в первой половине XVIII века по завещанию его прадеда – князя Бориса Ивановича Куракина. Он же, в это время, занимался переделкой двух домов своего брата, Александра Борисовича Куракина, на Лубянке и Старой Басманной улице⁵.

Из приведенных выше фактов достаточно ярко вырисовывается образ С.Б. Куракина – «честного служаки», ответственно исполнявшего свой долг везде, куда бы ни приводила его судьба, но при этом человека мягкого, преданного семье, который, видимо, был лишен личных карьерных амбиций. Впрочем, по свидетельствам, благодаря своему характеру,

⁵ Алексеева Т.В. Из истории частного строительства в Москве конца XVIII века. Дома А.Б. Куракина. // Алексеева Т.В. Исследования и находки. М.: «Искусство», 1976, с. 126.

«как начальник, он пользовался расположением подчиненных, так как заботился об их интересах»⁶.

Первый портрет Степана Борисовича из волосовского собрания (ТОКГ) относится к 1783 году. Поступил он в собрание музея как изображение основателя усадьбы «Степановское», но затем, по неизвестным причинам, данное определение было отклонено. После чего довольно долго это произведение считалось портретом неизвестного лица. То, что изображенный – князь С.Б. Куракин, было подтверждено В.П. Старком, им же была установлена (по мундиру) и дата написания портрета⁷.

Автора этого полотна, к сожалению, определить не удалось. Трудно его соотнести и с какой-то конкретной «школой» или «кругом». В нем нет «остроты» и блеска Левицкого, загадочности и недосказанности Рокотова (напротив, образ отмечен предельной конкретностью), но в профессионализме и мастерстве (даже некоторой виртуозности) создателю данного портрета нельзя отказать.

Степан Борисович Куракин представлен в мундире подполковника Ахтырского гусарского полка – красном доломане с золотым галуном и черном, с золотыми шнурами, ментике, отороченном мехом. Почти поясное изображение уверенно вписано в овальный по формату холст. Трехчетвертной поворот фигуры и чуть высветленный в центре нейтральный коричневатый фон создают ощущение глубины пространства, в которое помещена модель. Прекрасно переданы фактуры различных материалов. В мягко смоделированном светотенью лице, данном почти фронтально, хорошо читаются фамильные черты – характерные «куракинские» формы губ и носа, разрез глаз, рисунок бровей, очертание подбородка. В самом образе нет ничего героического, «высокого», воинственного, что странно для портрета военного, к тому же гусарского боевого офицера. Напротив, подчеркнуты мягкость, меланхоличность, светскость, изысканность (скорее всего,

⁶ Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 277.

⁷ Старк В.П. Ахтырский гусар. // Старк В.П. Портреты и лица. XVIII – середина XIX века. СПб.: «Искусство – СПб», 1994, с. 47-50.

унаследованная от деда – князя Александра Борисовича) и, при этом, даже некоторая «домашность».

Конечно же, данный портрет, объективно говоря, занимает достаточно скромное («средовое») место в контексте достижений портретного жанра этого времени. Однако именно он, среди сотен полотен куракинской коллекции, достаточно ярко отражает те изменения, которые начали происходить в последней четверти XVIII столетия в отношении к портретному жанру, к тем задачам, которые перед ним ставились, в отношении к изображению конкретного человека. В портрете явно наблюдаются некоторые противоречия между формой, точно следующей целям передачи функции (положению) модели в обществе, и трактовкой образа. Формально, в прямом и переносном смысле, указанная функция передается (через мундир), созданный же образ тяготеет к выражению внеобщественного, индивидуального, личного.

То есть, можно отметить, что в этом произведении художника больше привлекает уже сама модель, а не ее функция в обществе, что он и стремился выразить.

Второй портрет С.Б. Куракина, тоже работы неизвестного художника (ТОКГ⁸), относится уже к 1797 году (датировка также была установлена В.П. Старком по мундиру и наградам⁹).

Князь изображен в синем генеральском мундире с красным воротником и золотым шитьем, с аннинской лентой через плечо и звездой ордена на груди. Живопись портрета профессиональна, но несколько суховата. Вообще, он выглядит даже несколько архаично, по сравнению с предыдущим. Однако в постаревшем и несколько располневшем лице по-прежнему хорошо читаются фамильные черты и хорошо угадываются особенности характера.

Созданный здесь мастером образ вполне соответствует характеристике Степана Борисовича Куракина в последние годы жизни: «Князь... вел роскошный образ жизни, любил радушно принимать у себя гостей, и высшее московское общество охотно посещало его великолепный дом у Красных ворот (построенный в

⁸ Воспроизведен: Старк В.П. Портреты и лица. XVIII – середина XIX века. СПб.: «Искусство – СПб», 1994, ил. № 26.

⁹ Старк В.П. Ахтырский гусар. // Старк В.П. Портреты и лица. XVIII – середина XIX века. СПб.: «Искусство – СПб», 1994, с. 47-50.

1790-е годы – **В.Б.**), наполненный толпой дворовых и всяких прихлебателей. Будучи одним из основателей «матадоров» Английского клуба в Москве, Куракин славился своими тонкими гастрономическими обедами и ужинами. Однако все это не разоряло Куракина: он умел хорошо вести свои дела, был расчетливый и опытный хозяин, так что, умея извлекать большие доходы из своих имений, он не разорял крестьян. В своем селе Степановском (раньше «Волосово») Зубцовского уезда Тверской губернии князь устроил роскошную усадьбу и завел большую полотняную фабрику»¹⁰.

Еще один портрет С.Б. Куракина (ТГОМ), происходящий из волосовской коллекции, является копией предыдущего, которая была выполнена, скорее всего, в первой половине (или даже середине) XIX века и предназначалась для ансамбля портретного зала («с белыми рамами»).

Князь Степан Борисович Куракин был дважды женат: с 1775 по 1786 год – на Наталии Петровне Нарышкиной (1758-1825); с 1799 года – на Екатерине Дмитриевне Измайловой (1761-1843), внучатой племяннице (по матери) и крестнице императрицы Елизаветы Петровны¹¹.

Изображений первой жены князя, происходящих из Волосова, обнаружить не удалось¹². Возможно, ее портреты и не хранились в усадьбе, учитывая скандальные обстоятельства их развода¹³.

¹⁰ Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 277.

¹¹ Там же, с. 280.

¹² Вообще, известно несколько изображений Н.П. Куракиной, в частности, миниатюра А.-Х.Ритта (воспроизведение: Карев А.А. Миниатюрный портрет в России XVIII века. М.: «Искусство», 1989, с. 121.), миниатюра работы неизвестного мастера, хранившаяся в собрании Великого князя Николая Михайловича (воспроизведение: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. II. М.: «Три века истории», 2000, с. 97(№ 181).

¹³ Княгиня Н.П. Куракина влюбилась в родного дядю своего мужа – известного красавца своего времени графа С.С. Апраксина. Брак Куракиных был расторгнут под благовидным (но вымышленным) предлогом – неизлечимой болез-

Сохранился портрет второй жены князя С.Б. Куракина работы неизвестного художника первой половины XIX века (ТГОМ). Изображение поясное. Е.Д. Куракина представлена сидящей, в белом кружевном чепце, темном (почти черном) платье и шали красновато-охристого цвета с узкой орнаментальной каймой. Кисть правой руки касается правой щеки модели.

Вариант этого произведения – миниатюра овального формата (с незначительными разночтениями в композиции и деталях) работы Фредерика Дюбуа¹⁴, был воспроизведен в «Русских портретах XVIII и XIX веков великого князя Николая Михайловича»¹⁵.

Можно предположить, что волосовский портрет, учитывая обобщенность и упрощенность в передаче подробностей (некоторые детали вообще упущены), является копией с миниатюры Дюбуа. Либо же оба эти произведения являются повторениями неизвестного нам оригинала.

Портрет (оригинал) был создан, скорее всего, в первом десятилетии девятнадцатого столетия. Об этом говорят костюм, прическа, поза, и, прежде всего, сентиментально-романтическая созерцательность образа (подобная трактовка образа, например, встречается в ряде женских портретов О.А. Кипренского конца 1800-х, 1810-х и, даже, начала 1820-х годов). Причем, глубокая печаль, запечатленная в немолодом, но все еще красивом лице с утонченными чертами, свидетельствует о том, что работа писалась уже после смерти князя (в начале июля 1805 года). Подтверждением тому отчасти служат также и факты биографии художника (если все же предположить, что Дюбуа – автор оригинала): еще в 1804 году он выставлял свои работы в парижском Салоне.

ню княгини. См.: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, с. 277-278.

¹⁴ Французский художник, работал в России между 1804 и 1818 гг. См.: Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. Т. I. Л.: «Художник РСФСР», 1974, с. 307.

¹⁵ Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. V. М.: «Три века истории», 2000, № 65.

КНЯЗЬ А.Б. КУРАКИН И ЕГО ПОРТРЕТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Биография князя, действительного тайного советника, члена Государственного Совета, кавалера многих орденов, Александра Борисовича Куракина, с полным основанием может быть основой авантюрного романа, достойного пера А. Дюма. В нем было все – и близость к императору Павлу I, и немилости монархов, и снова взлеты.

А.Б. родился (по старому стилю) 18 января 1752 г., а умер 24 июня 1818 г. Его отцом был князь Борис Алексеевич Куракин, а мать – княжна Елена Степановна Апраксина. В силу рождения А.Б. принадлежал к высшему эшелону феодальной знати России, что обеспечивало ему блестящее будущее. По традиции своего времени еще ребенком он был записан сержантом в гвардейский Семеновский полк, и в 1761 г., то есть в 9 лет получил чин подпоручика. В 1763 г. из Москвы его перевезли в Санкт-Петербург к дяде графу Н.И. Панину. В детские годы он был товарищем игр наследника престола Павла Петровича, и эта дружба сохранилась на всю жизнь. В 1764 г. умер отец А.Б., и опеку над молодым Куракиным приняли братья Панины.

Об учебных годах А.Б. сохранились довольно подробные сведения, которые любопытны не только сами по себе, но и потому, что рисуют объем и характер обучения его сверстников, молодых людей знатных и богатых фамилий России. Известны его преподаватели, такие как академик Штубе, Г.А. Полетика, К.Ф. Модерак и др. Они обучали молодого князя латинскому языку, «русскому штилю», знанию псалтыря.

В 1766 г. юношу отправили для обучения за границу, сперва в Киль, в Альбертинскую коллегию, а затем в 1767 г. в Пирмонт и далее в Германию.

В 1769 г. князь вернулся в Санкт-Петербург. Здесь он наделал долги, но ничего криминального в его «шалостях», характерных для золотой молодежи его времени, обнаружено не было.

В начале 1770 г. он снова был отправлен за границу в Лейден для продолжения образования. В те годы – 1770-1776 – в Лейдене проживало много молодежи из русской знати, в том числе Шереметевы, Гагарины, Волконские, Голицыны, Юсуповы и др. Молодой Куракин много путешествовал по Европе. Он побывал в Англии, Голландии, Париже и Лионе. В университете Лейдена А.Б. получил хорошую подготовку по программе того времени. Там тогда преподавали латынь, французский, немецкий, итальянский языки, математику, физику, философию, логику, мораль, право, историю, а также музыку и фехтование.

Весной 1773 г. молодой князь вернулся в Россию. В Санкт-Петербурге Куракин сохранил близость к цесаревичу Павлу. Так, 13 июня 1776 г. А.Б. поехал в Берлин в составе свиты наследника престола. 7 октября 1776 г. Куракина отправили в Стокгольм с деловыми поручениями. По отзывам современников, в свои 24 года князь из юноши превратился в статного, красивого, образованного, по меркам своего времени, молодого человека, который в Швеции увлекся красавицей графиней Ферзен. Но, по неизвестным причинам брак не состоялся.

В Стокгольме князь прожил три месяца. В начале января 1777 г. Шведская академия наук избрала его своим членом. В Стокгольме А.Б. сблизился с масонами. Членом Санкт-Петербургской ложи он был уже с 1773 г. Затем князь отошел от масонов, хотя до конца с ними не порвал. Известно, что он пытался привлечь к масонству Павла I. В 1781 г. великий князь Павел Петрович включил Куракина в свою свиту. О близости Куракина к царевичу говорит тот факт, что в письмах к Павлу Петровичу он называл его «Павлуша». Не случайно в Павловске, где был похоронен А.Б. Куракин, супруга Павла I Мария Федоровна повелела начертать на памятнике князю надпись: «Другу супруга моего».

В 1782 г. над Куракиным впервые сгустились тучи. Цензурой были перехвачены его письма с негативными отзывами о положении дел в России в годы царствования Екатерины II. Последовало высочайшее повеление – «Жить князю А.Б. Куракину в его сара-

товском имении безвыездно». Но через некоторое время царевич испросил у императрицы разрешение князю А.Б. Куракину раз в два года посещать его в одном из великокняжеских загородных дворцов. Со своей стороны, Куракин не остался в долгу. Он заложил одно из своих многочисленных имений, чтобы доставить крупную сумму наличными цесаревичу, нуждавшемуся в то время в деньгах.

Поселившись в своем имении «Куракино», князь переименовал его в «Надеждино» и устроил там роскошную резиденцию, в духе богатого русского барина екатерининского времени.

Современники отмечали, что князь в великолепном уединении сотворил себе некое подобие европейских владетельных резиденций. Он содержал огромный штат челяди – дворцовых управителей, секретарей, медиков, капельмейстеров и множество «любезников» без должностей из окрестных дворян. Во всех комнатах дворца находились изображения великого князя. Его дом-дворец был постоянно полон званых и незваных гостей, которым было предоставлено право жить в свое удовольствие.

Столь широкий образ жизни быстро привел к появлению многих долгов.

Жизнь А.Б. радикально изменилась после 6 ноября 1796 г., когда Павел вступил на престол. На князя посыпались царские милости. Император полностью погасил его долги, выдав ему 150000 рублей. 16 ноября А.Б. был вызван в столицу и назначен вице-канцлером, 17 ноября получил чин действительного тайного советника, что по табели о рангах означало 11 класс и соответствовало званию полного генерала армии. Ему вручили высший российский орден Андрея Первозванного. В день официальной коронации Павла I князь получил 4500 душ крепостных в псковской губернии и 20000 десятин земли.

Но 26 сентября 1798 г. над ним снова сгустились тучи царской немилости. Князь был уволен от службы и сослан в деревню. По-видимому, это случилось в результате конфликта Куракина с Ростопчиным, который оклеветал А.Б. перед государем. Но вскоре, 20 февраля 1799 г., Ростопчин был уволен, а Куракин снова возвратился в Санкт-Петербург, вступив во все должности.

После убийства Павла I в марте 1801 г. Куракину было поручено опечатать все бумаги императора. Павел завещал «своему верному другу» звезду черного орла, которую носил Фридрих II.

На этом завершился большой этап жизненного пути князя А.Б. Куракина.

Но при новом государе Александре I опытный царедворец сумел сохранить все блага и преимущества, в том числе место вице-канцлера и получил должность Управляющего Государственной коллегии иностранных дел, что по современной номенклатуре соответствовало министру иностранных дел. На этом посту он удержался до 5 ноября 1802 г., когда его сменил граф А.Р. Воронцов, а Куракину за успехи в руководстве внешней политикой вручили орден Владимира 1-й степени.

При образовании Государственного Совета он был назначен его членом и сохранил это место среди первых лиц государства до самой смерти.

После поражения под Аустерлицем в 1805 г. Куракин подал государю докладную записку с предложением готовить крупные воинские силы для защиты отечества в грядущей войне с Наполеоном.

18 июля 1806 г. А.Б. Куракин был назначен послом в Вену. Поражение при Фридланде заставило Россию искать мир. 26 июня 1807 г. Куракин вместе с князем Д.И. Лобановым-Ростовским подписали Тильзитский договор. Из Тильзита Куракин направился в Вену для укрепления союза с Австрией.

Летом 1808 г. Куракин, как опытный дипломат, был переведен послом в Париж.

1 июля 1810 г. на одном из балов у князя Шварценберга произошел пожар, возникла паника, во время которой князь А.Б. был сбит с ног, скатился по лестнице и в результате получил сильные ушибы и ожоги. От этого падения князь сильно пострадал и до самой смерти так и не оправился.

Находясь в Париже, в центре политической жизни Европы, А.Б. Куракин разгадал далеко идущие замыслы Наполеона относительно войны с Россией. В письмах к государю он настойчиво рекомендовал заключить антифранцузский союз с Пруссией, Австрией и Англией. Изучив опыт наполеоновских войн, и особенно сопротивление французам испанских партизан, он докла-

дывал Александру I: в случае вторжения Наполеона, избегать генерального сражения, применять тактику «малой войны», стараться затруднять подвоз боеприпасов, снаряжения, постоянно нарушать растянутые коммуникации французской армии. Это был мудрый совет, который определил тактику Отечественной войны 1812 г., принятый впоследствии М.И. Кутузовым. Следует отметить еще один весьма важный эпизод в дипломатической деятельности Куракина в Париже. Там, в 1808-1812 гг. в штате русского посольства в должности военного атташе (по современной терминологии – **Б.С.**) состоял В.И.Чернышев (1785-1857). Это был блестящий красавец, завсегда модных парижских салонов, имевший успех у парижских дам. Его функции в Париже можно определить, скорее, как личного агента Александра I, которому русский император доверял передачу своих посланий Наполеону и от него к русскому царю. Общаясь с императором Франции, Чернышев сумел завоевать его доверие. Сперва французская контрразведка присматривалась к деятельности Чернышева, но потом решила, что русского больше интересуют французские дамы, чем французские военные проблемы. В действительности, светский флирт оказался надежной крышей личного агента Александра I и талантливого разведчика, передавшего в Санкт-Петербург много ценной информации и военных планов Наполеона против России. Известный музейный работник и писатель В.М. Глинка, много лет занимавшийся биографией генералов, портреты которых размещены в Галерее 1812 года Зимнего дворца, рассказывал автору, что Чернышеву удалось получить оригинал стратегического плана войны против России. Наполеон был взбешен, французского сообщника Чернышева казнили, границы Франции были перекрыты. Но Чернышев сумел выехать из Франции, и вскоре план войны с Россией лежал на столе у Александра I. Государь высоко оценил заслугу Чернышева, который впоследствии стал военным министром. Невозможно допустить, чтоб сценарий столь сложной операции и ее осуществление проходили без личного участия русского посла. По-видимому, то была вершина дипломатической деятельности князя А.Б. Куракина и его вклад в победу над Наполеоном.

В конце апреля 1812 г. Куракин понял, что Наполеон принял окончательное решение напасть на Россию, и потребовал себе

паспорт для выезда в Санкт-Петербург. И все же, он еще как-то пытался наладить контакт с Наполеоном и предотвратить войну. Но встречи и переговоры с Наполеоном ни к чему не привели.

Император Франции все время обвинял Россию в преднамеренных нарушениях всех подписанных договоров. При этом он утверждал, что в случае войны Пруссия и Австрия будут на его стороне.

После провала переговоров Куракин официально сложил с себя полномочия посла России и остался доживать во Франции до получения паспорта уже как частное лицо. Он поселился в загородном доме под Парижем. Ему сообщили, что его отъезд в Россию состоится не раньше, чем из России будет отпущен французский генерал Лористон.

12 июня 1812 г. Наполеон во главе 600 000 отборного войска, составлявшего цвет армии почти всей Западной Европы, перешел через Неман в русские пределы.

По возвращению в Санкт-Петербург князь по состоянию здоровья отошел от государственных дел, но продолжал часто бывать у императрицы-матери.

Умер А.Б. Куракин 24 июня 1818 г. в Веймаре, где ожидал вдовствующую императрицу.

После краткого изложения официальной биографии князя А.Б. Куракина следует попытаться представить его человеческий облик. Для решения этой психологической задачи письменных источников явно недостаточно, ибо высокий социальный статус князя заслонил его личностные характеристики. В этом плане особый интерес представляют его многочисленные портреты, некоторые из которых сохранились до наших дней.

Среди многих причуд А.Б. Куракина современники отмечали его маниакальную любовь заказывать свои портреты. Их писали крупнейшие русские и зарубежные живописцы того времени. В том числе Баттони, Виже-Лебрэн, Монье, Даслин, Лампи младший, Ритт, Вуаль и др. Созданные ими портреты копировались и размножались крепостными живописцами Куракина. Их копии в бесчисленных гравюрах князь раздавал близким и знакомым.

По-видимому, одно из наиболее выразительных изображений князя создал В.Л. Боровиковский в 1801-1802 гг., которое находится ныне в ГТГ под инвентарным № 4608.

Этот портрет был написан тогда, когда Куракин незадолго до убийства Павла I возвратился в Санкт-Петербург. Как считала Т.В. Алексеева, портрет был исполнен с натуры, так как художник смог глубоко проникнуть во внутренний мир портретируемого и воплотить этот мир на полотне. Куракин запечатлен в парадной форме со всеми знаками отличия. Фигура князя представлена в рост, стоящим прямо на фоне колонны, за которой виден Инженерный замок, последняя резиденция Павла I. Слева обязательный скульптурный бюст Павла I, помещенный на высоком постаменте. Лицо Куракина воспроизведено, по-видимому, предельно объективно, без геральдических прикрас. Это барственное лицо полно одновременно снисходительной любезности и высокомерия, «благодущия» и сановитой спеси. Недаром Куракин, по ассоциации с державинским стихотворением «Павлин» (1795), получил кличку «Павлин». На лице застыла дежурная улыбка опытного царедворца. Вся фигура исполнена в строгом, чопорно-торжественном величии. Глухой зеленый тон занавеса, замыкающего пространство композиция, образует переход к холодной нейтральной гамме пейзажа, красная ткань, ниспадающая со столика под бюстом Павла I, как бы символизирует контрастные переходы в судьбе фигуранта.

В фондах русского отдела Эрмитажа хранятся два неопубликованные портрета князя А.Б. Куракина, выполненные неизвестными художниками (за №№ 797 и 798). По определению научного сотрудника Эрмитажа искусствоведа Д.А. Никитина, портрет под № 797, повторяющий тип Боровиковского, был выполнен в конце 1790 г. Портрет под № 798 написан по атрибуции Д.А. Никитина около 1800 г. На этом портрете лицо князя менее выразительно, более интимно, даже умиротворенное. Возможно, и такие моменты были в жизни Куракина.

Добавим, что еще в 1776 г. князь Куракин был избран членом Вольного экономического общества, а в 1798 г. назначен управляющим Академии наук. Кроме того, в свободное от государственных дел время он занимался литературной деятельностью, опубликовал ряд своих произведений. Он не был женат, и его состояние перешло к брату Алексею Борисовичу Куракину.

Завершая краткий очерк жизни и деятельности князя А.Б. Куракина, следует подчеркнуть, что он был типичным представителем русских вельмож, настоящим барином сложного XVIII в. Таким он и остался в памяти потомков.

Литература:

1. ЖНПрос. 1839, часть XXII.
2. Русский биографический словарь. Куракин А.Б., Т. Кнаппе-Кюхельбекер С-Пб, 1902, с. 559-567. Чернышев А.И., Чаадаев – Швитков. СПб. 1903, с. 293- 305.
3. Куракины – Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. 1. А-М., М.,1962, с. 376-377.
4. Никитин В.А. Изображение бюста Павла I. Работы И.Д. Рашетта на портретах князя А.Б. Куракина – см. XVIII век как историко-культурный феномен. С-Пб. 2002, с. 59- 62.
5. Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18-19 веков. М., Искусство, 1975, с. 199, 201, 202.

ВНУЧКА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА ЕВФИМИЯ БОРИСОВНА ВРЕВСКАЯ

Князь Александр Борисович Куракин II (18.01.1752-25.07.1818) воспитывался вместе с будущим императором Павлом I, учился в лучших университетах Европы и в 26 лет сделал в России блестящую карьеру, став камергером, обер-прокурором Правительствующего Сената и первым предводителем дворянства Петербургской губернии [1]. С восшествием на престол своего друга детства он был назначен вице-канцлером, гофмаршалом двора и членом Совета при императоре, получив чин действительного тайного советника [2]. В день коронации Павел I подарил ему, среди прочего, дворцовые земли возле бывшего города-крепости Врев в Псковской губернии и 4300 душ крестьян [3]. При Александре I А.Б. Куракин занимал должности канцлера российских орденов и члена Государственного Совета, а позднее стал чрезвычайным и полномочным послом России в Вене и Париже. Был награжден многими медалями и орденами, в том числе Св. Владимира I ст. и Св. Андрея Первозванного [1, 2].

В последние годы жизни Александр Борисович Куракин часто посещал свою вотчину в Псковской губернии, где недалеко от городка Врев построил усадьбу Александрово, приселок Михалево и дачу Голубово [3]. Как командор гвардии Великого магистра масонского ордена Св. Иоанна Иерусалимского он не мог быть женат, но имел связи с женщинами в разных слоях общества, в том числе и незнатного происхождения, которые дали многочисленное потомство. В союзе с Акулиной Дмитриевной Самойловой родилось трое детей, получивших фамилию Вревских: Борис (рожд. 1805 г.), Степан (рожд. 1806 г.) и Мария (рожд. 1807 г. ?) [4].

За выдающиеся заслуги А.Б. Куракина в Вене «Император Австрийский Франц I грамотою, данною 9 марта 1808 г., всемилостивейше пожаловал Бориса, Степана и Марию Александровых Вревских в баронское Австрийской Империи достоинство со всеми их законными прямыми потомками мужского и женского

пола» [5, 6]. Одновременно им был пожалован баронский герб, который по высочайшему соизволению Александра I был утвержден Департаментом Герольдии России и вошел в Сборник дипломированных гербов Российского дворянства [7, 8].

Борис Александрович Вревский (20.11.1805-17.12.1888) учился в Благородном пансионе при Петербургском университете (одно время вместе с Львом Сергеевичем Пушкиным [9]), в 1827 г. в чине подполковника лейб-гвардии Измайловского полка вышел в отставку и поселился в наследственном имении Голубово, что в 18 верстах от пушкинского Михайловского.

В 1831 г. на новогоднем балу в городе Острове Борис Александрович встретил дочь хозяйки Тригорского Прасковью Александровну Осиповой Евпраксию Николаевну Вульф (12.09.1809-22.03.1883), небезызвестную Зизи, добрую приятельницу и симпатию А.С. Пушкина. Тогдашнюю ее внешность, по портрету работы Т.Г. Шевченко 1831-32 гг., описал Модест Гофман: «Молодая дама с тонкой талией... Молодое красивое лицо оживлено игрою глаз, смотрит так жизнерадостно-беспечно и, вместе с тем, такое в них глубокое выражение...», она отличалась «непринужденной веселостью и своим богатством душевных сил, в избытке которых можно и подурачится» [10]. Немудрено, что Евпраксия Николаевна «сделала завоевание барона Вревского» и 3 июля 1831 г. была «помолвлена за всеми хвалимого молодого человека лет 25, с хорошим состоянием и ближайшего» соседа. Одним словом, партия какой нельзя было лучше желать [11].

Венчание Евпраксии Николаевны с бароном Б.А. Вревским состоялась 8 июля 1831 г. в Георгиевской церкви на городище Воронич, а 9 октября 1832 года отмечалось новоселье молодых в имении Голубово. Усадьба располагалась на возвышенности, с садом и парком на пологом склоне. Центральная аллея, идущая от господского дома, пересекалась другими аллеями и приводила к большому круглому газону, в центре которого, скорее всего, были солнечные часы или клумба [3].

Примерно таким же застал Голубово прадед автора, Юлий Михайлович Зубов, побывавший там в гостях в 1893 г. и описавший имение, нарисовав в одном из писем его план: городище с развалинами церкви и кладбищем; дом (с залом, гостиной, диванной, библиотекой и другими комнатами), соединенный

галереями с двумя боковыми флигелями; широкий луг с цветниками перед террасой, спускающийся к пруду; фруктовый и ягодный сад; парк с прямой длинной дубовой аллеей, которую помогал еще сажать А.С. Пушкин; горки с винтовыми тропинками на верхние площадки с павильонами; окружающие поля и леса [12].

В имении Голубово супруги Вревские, почти безвыездно, прожили долгую счастливую жизнь. Борис Александрович был бессменным уездным предводителем дворянства, устройтелем первой земской народной школы и богадельни в Островском уезде [13], а также двухгодичной церковно-приходской школы в имении [14]. Евпраксия Николаевна занималась домом и детьми: у любящих супругов их родилось 13: шесть статных сыновей и семь красивых, похожих на молодую маму, дочерей [15]. На портрете А.А. Багаева 1841 г. 32-летняя Евпраксия Николаевна – мать уже восьмерых своих детей, двое из которых умерли во младенчестве.

Остановимся на судьбе одной из многочисленных внуков и внучек князя Александра Борисовича Куракина, шестого ребенка и третьей дочери в семье Бориса Александровича и Евпраксии Николаевны – баронессы Евфимии Борисовны Вревской.

Евфимия родилась в Голубово 24 марта 1838 г. и была крещена 27 числа. Крестным отцом стал единокровный, по отцу князю А.Б. Куракину, брат Бориса Александровича коллежский советник и кавалер Михаил Николаевич Сердобин, а крестной матерью – сестра Евпраксии Николаевны Анна Николаевна Вульф. Детство Евфимии (в семье ее ласково звали Фимочка [16], а позднее Эффи [10]) прошло среди просторов русских полей и лесов. Тем не менее, как все дети дворян, она получила прекрасное образование: знание литературы, иностранных языков, владение фортепьяно. Совершенное знание французского языка позволило ей даже преподавать этот предмет в Мариинской гимназии во Пскове.

Молодость и красота 23-летней Евфимии Борисовны (видимо, при знакомстве в Петербурге) были оценены юристом, статс-секретарем Государственного Совета, к тому времени уже вдовцом, Петром Алексеевичем Зубовым, за которого в 1863 г. Евфимия Борисовна Вревская и вышла замуж [17]. Современники так отзывались о нем: «Петр Алексеевич был человек без пятна и упрека. В нем поражала его беспредельная доброта, мягкость нрава, чуж-

дая, однако, уступчивости при исполнении своих обязанностей, и любовь к ближним, доходившая до того, что никто и никогда не слышал от Петра Алексеевича ни единого дурного слова о ком бы то ни было. Но все доброе, благородное вызывало в нем самую теплую сердечную похвалу. П.А. Зубов служил для всех самым возвышенным идеалом чести и благородства. Строгость к себе, снисхождение к другим, отсутствие малейшего искательства в ком и в чем бы то ни было, любовь к труду, поистине необыкновенная и не менее того из ряда выходящая скромность – вот его отличительные качества как человека» [18].

П.А. Зубов был на 19 лет старше Евфимии Борисовны. Он родился 24 мая 1819 года в дворянской семье старинного вологодского рода. Его отец, Алексей Александрович Зубов – отставной флота лейтенант, действительный статский советник, был прокурором Вологодской губернии. Петр Алексеевич пошел по стопам отца, получив образование в Императорском Училище Правоведения в Санкт-Петербурге. Закончив училище в 1841 г. в чине коллежского секретаря, он был определен на службу в Канцелярию Департамента Правительствующего Сената на должность письмоводителя обер-прокурорских дел [19]. С этого времени он «с необыкновенною энергиею, без малейших протекций», очень быстро продвигается по служебной лестнице, «пройдя тяжелую службу в области юстиции от низшей до самой высшей ступени» [18]. Уже через два месяца он младший помощник секретаря, через год – старший помощник, через два года секретарь, а еще через два года – коллежский ассессор. С 1847 по 1853 г. Петр Алексеевич занимал должность обер-, а затем статс-секретаря Государственного Совета и за отличие по службе получил чины надворного советника, коллежского советника и статского советника, а также был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. [17]. Параллельно со службой в Сенате П.А. Зубов преподавал в Училище Правоведения курс уголовного судопроизводства.

В 1856 г. П.А. Зубов был командирован в Москву для участия в церемонии коронавания Александра II в Успенском соборе Кремля. Начались преобразования в России, в частности, реорганизация судебной реформы. В 1858 г. действительному статскому советнику, со знаком отличия беспорочной 15-летней службы, П.А. Зубову было поручено управление делами Департамента

гражданских и духовных дел [20], уголовных и о правах состояний, Военного департамента и даже временно Департамента государственной экономии. Но, главное, именно ему была предложена разработка проектов новых Уставов уголовного судопроизводства в Польше и судопроизводства по преступлениям и проступкам в России. «В награду отлично усердной и полезной службы и неутомимых трудов по исполнению обязанностей, на него возложенных», он был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. в 1859 г. и Св. Анны 1-й ст. в 1862 г. [17].

То что «П.А. Зубов был одним из самых замечательных работников при составлении как основных положений судебной реформы, так затем и судебных Уставов – это несомненно. Весь успех его службы был прямым последствием дарования, необыкновенного его трудолюбия и беззаветной любви к своему делу. Специалист-практик в области уголовного права Зубов не был исключительно только чиновником. Практика у него шла в тесной связи с продолжением изучения самой науки». Об этом труде Петр Алексеевич вспоминал с особым удовлетворением, исполнению его он «отдал всю свою энергию и опытность» [18].

Прогрессивность новой судебной реформы заключалась в том, что суд стал гласным, независимым, равным для всех сословий. Была создана оригинальная и эффективная система судостроительства, введен суд присяжных. В этом отношении судебная реформа в России стала выше многих новейших законодательных работ, новым шагом в развитии европейской правовой культуры. И в этом была большая заслуга Петра Алексеевича Зубова, человека высоких нравственных правил [21].

Жили Зубовы в Петербурге. У них был хорошо известный в высших светских кругах салон, где красивая, умная, образованная Евфимия Борисовна с мужем принимали многих высокопоставленных лиц, в том числе членов Государственного Совета К.П. Победоносцева и В.К. Саблера, члена Русского Географического общества и собирателя русских народных песен Т.И. Филиппова и многих других известных людей. Но светский образ жизни не мешал Евфимии Борисовне заниматься интересным для нее делом. Она с большим успехом переводила с французского различные статьи, которые печатались в периодических изданиях. Удалось найти две ее прекрасные по стилю работы: «Записка князя Меттерниха о состоя-

нии умов в Европе и об обязанностях правительств» [22] и «Императрица Елисавета Алексеевна» [23]. Так имя Евфимии Борисовны Зубовой, рожд. баронессы Вревской, вошло в биографический словарь русских писательниц XIX века [24]. Она также перевела хранящиеся в семье Вревских письма А.С. Пушкина к Прасковье Александровне Осиповой и Алексею Вульффу, которые были опубликованы в «Русском архиве» в 1867 г. [25].

При этом Евфимия Борисовна не утратила родственных связей. В Петербурге у нее часто гостила мама Евпраксия Николаевна, жила находящаяся в разрыве с мужем сестра Александра Борисовна Ладыженская с малолетним сыном Гавриилом. Не были забыты и дети Петра Алексеевича от его первого брака с Прасковьей Васильевной: Алексей (рожд. 15.06.1847) и Димитрий (рожд. 20.10.1832) [26]. 4 февраля 1865 г. в семье Зубовых родилась дочь Прасковья (Паша), названная в честь прабабушки Прасковьи Александровны Осиповой. Девочка с детства была окружена заботой матери, хорошо воспитана и неплохо образована [25].

Лето семья Зубовых проводила в Голубове, где для Петра Алексеевича в библиотеке был оборудован кабинет [12]. Постоянно бывал в Голубове и его сын Алексей [25].

В 1869 г. Петр Алексеевич получил чин Первоприсутствующего в Уголовном Кассационном Департаменте Правительствующего Сената, а в 1870 г. был удостоен высшей награды России – ордена Белого Орла. В 1872 г. он стал сенатором, членом Государственного Совета [17], одним из первых юристов в России, занявших подобный пост. «Самое обширное запутанное дело излагалось его звучным голосом с поразительной ясностью, притом неторопливо, спокойно, с тем достоинством, которое никогда и нигде не оставляло Петра Алексеевича» [18].

В 1873 г. П.А. Зубов становится председателем Комитета для обсуждения проекта о тюремном преобразовании в России, а в 1874 г. назначается членом Комиссии для отчетов о проведенной судебной реформе по Министерству юстиции за 1869-71 гг. [17]. «Менее, чем в два года поистине колоссальный труд был окончен. П.А. Зубов вынес его на своих могучих плечах почти один, но зато и сломился под его тяжестью: в тот самый день, когда он имел счастье удостоится высочайшего одобрения и признатель-

ности за представленный и оконченный им труд, 21 апреля 1875 г. паралич поразил его мозг и он – умер для России, лучшим гражданином которой был с первого дня своего ей служения. Не умер он только для своей супруги, семьи и близких друзей. Больной был окружен самым нежным, самым заботливым уходом. Только и только этим можно объяснить упорство борьбы его жизни со смертью; борьба эта длилась пять лет» [18].

Когда Петру Алексеевичу стало лучше, Евфимия Борисовна по совету врачей увезла его за границу. В 1876 г. она писала Алексею Николаевичу Вульффу из Германии: «Милый дядя. Мне очень обидно подумать, что Вы встретите Новый Год без нас... Из моих писем в Голубово Вы, вероятно, уже знаете, что мы, благодаря Богу, понемногу устроились тут как нельзя лучше и хотя медленно, но подвигаемся к выздоровлению. ... с каждым днем силы прибавляются и я надеюсь, что при возвращении летом в Голубово перемена уже будет очень заметна. Я смотрю на теперешнее состояние здоровья моего мужа как на воскресшее мое счастье, после всего пережитого в шесть месяцев. Выбор нашего местопребывания очень удачен. Бланкенбург хорошенький город, расположенный на холмах и погружен в фруктовый сад. Весна тут, я думаю, будет великолепна, но и теперь хорошо: воздух мягкий, быстрые ручьи с гор и весеннее солнце не дают возможности снегу установиться. Жители города приветливый и здоровый народ, женщины красивы, имеют характеры горных жительниц. Паша ходит в школу и обежала все окрестные горы, ловит впечатления Гейне, которого читает уже с увлечением». Из этого письма мы узнаем, что с больным отцом в Германии был и сын Алексей Петрович с женой Марией Владимировной, рожд. Эрк, которая услаждала уединенную жизнь семьи Зубовых игрой на фортепьяно. Еще одно письмо Евфимии Борисовны к дяде, Алексею Николаевичу Вульффу, написано из Дрездена: «Мой бедный муж очень поправился, и доктора обещают еще улучшение при надлежащей обстановке. Не знаю еще, что буду делать будущую зиму, но очень желала бы восстановить оседлую жизнь. В половине мая переезжаем в Скоково. Благодарю и обнимаю. Еффи» [27].

Однако, несмотря на все заботы родных, к работе Петр Алексеевич вернуться не смог и 25 июня 1880 г. скончался. Похоронен был на кладбище Новодевичьего Воскресенского монасты-

ря в Санкт-Петербурге. В некрологе писалось: «Могила приняла в свои холодные объятия одного из достойнейших по уму, дарованию и высоконравственным качествам государственного деятеля» [18]. Евфимия Борисовна вернулась в Голубово. Теперь все ее заботы были направлены на обучение дочери [25].

В конце августа 1881 г. Евфимия Борисовна с 16-летней Прасковьей переехала в Петербург для ее поступления на Педагогические курсы женской гимназии, которые она в 1887 г. успешно окончила с серебряной медалью, получив звание домашней учительницы [28]. В Голубово Борис Александрович, вместе с Евфимией Борисовной и Прасковьей, организовал церковно-приходскую школу [25].

В одном из флигелей было оборудовано классное помещение, закуплены учебники, пособия, письменные принадлежности и 7 января 1887 г. школа была освящена местным священником. Все основатели школы были утверждены в звании попечителей, а учительницей назначена Прасковья Петровна Зубова [28]. Однако вскоре семью постигло несчастье: 17 декабря 1888 г. скончался Борис Александрович Вревский. Имение перешло к его старшему сыну Александру Борисовичу, Ташкентскому генерал-губернатору, который «просил своих сестер не оставлять Голубова». Евфимия Борисовна направила усилия на продолжение дела отца [25].

Желая устроить церковно-приходскую школу вблизи Божьего храма, она хлопочет о постройке отдельного школьного здания. Об этом мы узнаем из ее письма 1899 г. А.Ф. Бычкову: «Пользуясь Вашим добрым участием к деятельности моей дочери, я решаюсь беспокоить Вас моим письмом, чтобы сообщить Вам результаты нашего посещения Епископа Гермогена. Он принял нас как нельзя более любезно. Видимо, интересовался нашими сообщениями о школе и в конце концов разрешил нам получать на школу те деньги, которые назначит наше местное духовенство для этой цели. На днях наши священники послали Преосвященному прошение о разрешении им выдавать 50 р. в год на нужды церк.<овно>-прих.<одской> школы. От Архиерея мы отправились знакомиться с ректором Семинарии, как Председат.<елем> Епарх.<иального> Учил.<ишного> Совета. Он также выразил живейшее участие о нашей школе и вполне разделил нашу заботу о будущности ее. Он сам предложил откладывать в ее пользу каж-

дый год ту сумму денег, которую он мог бы назначить учительнице в виде жалования. Конечно, мы приняли с благодарностью это предложение. Размер этой суммы мне еще не известен. Нас особенно утешил ректор своим обещанием всегда поддерживать существование школы, так хорошо поставленной, как он выразился. Приехав, слава Богу, домой совершенно благополучно, я узнала, что у нас в погосте продается дом, хотя уже старенький и требующий ремонта, но подходящий по своему расположению и другим условиям к помещению в нем школы. Я вспомнила про Вас и недолго думая решила приобрести этот дом, с тем, чтобы пока мы живем в Голубово и помещение для школы разрешается тут нашим милым хозяином, я буду устраивать в вновь приобретенном доме ночлежный приют для школьников. Он крайне необходим в нашем крае в виду суровости зимы и разбросанности деревень... Дом для школы куплен, а в течение пяти лет он, Бог даст, будет приведен в надлежащий порядок. Я буду Вам глубоко благодарна, если благодаря Вашему ходатайству, К.П. Победоносцев не откажет в своем покровительстве, которое столько же будет полезно школе, сколько и молодые учительницы ее. Быть может, Конс.<тантин> Петр.<ович>, в память моего мужа и своем сочувствии к церковной школе, примет на себя звание попечителя нашей школы... Евфимия Зубова.» Приписка: «Если нужно будет мое личное присутствие для моего прошения к Побед.<оносцеву>, то я постараюсь приехать в Петербург в течение зимы» [29].

Обращение к члену Государственного Совета К.П. Победоносцеву было не случайным. Он был идеологом организации церковно-приходских школ и, откликнувшись на просьбу Е.Б. Зубовой, выделил 1700 рублей на постройку нового школьного здания во Вреве, а Преосвященный Гермоген выхлопотал лес из казенной дачи за половинную цену, который после вырубки был перевезен во Врев местными прихожанами [28].

Сохранились благодарственные письма Евфимии Борисовны по этому поводу: «Многоуважаемый Афанасий Федорович! Ваше письмо сегодня доставило мне искреннюю радость и утешение. Сочувствие К.П. Победоносцева мне дорого для школы, но еще более для дочери моей. Теперь я буду спокойна относительно будущности нашей школы, и мне отрадна мысль, что труды и лучшие силы, которые моя дочь употребит в пользу школы, не пропа-

дут даром. ... Дай Бог, чтобы моя дочь могла доказать со временем, что и Ваше ходатайство о ней не пропало даром. Пока мы будем постоянно к этому стремиться». И тому же адресату 28 декабря: «В.<асилий> Ив.<анович> Темякин обрадовал нас участием, которое выражает К.П. Победоносцев нашей школе, и надеждой, что в течение лета средствами Св.<ятейшего> Синода будет приступлено к постройке нового помещения для нашей школы при церкви в погосте Врев. Мой вновь приобретенный укромный дом предполагается оставить для ночлежного приюта. Кроме того, В.<асилий> Ив.<анович> Темякин и ректор Псковс.<кой> семинарии согласились назначить содержание учительницам на будущее время, когда моя дочь, по каким-либо обстоятельствам, должна будет сложить с себя звание учительницы церковно-приходской школы. Они предполагают дать 240 р., из средств Синода, старшей учительнице и 180 р. младшей, из кассы Епарх.<иального> Совета. Вы можете себе представить радость моей Праск.<овьи> Петр.<овны> . Она до сих пор не верит своему счастью, а я от всего сердца благодарю своего Бога за такую милость и такое щедрое благословение труду моей дочери. На днях видела я К.П. Победоносцева, но, конечно, я не в силах была выразить ему, как глубоко была я тронута его отзывчивостью и памятью о моем муже. И Вас, многоуважаемый и добрейший Афанасий Федорович, благодарим мы обе, и обе постараемся всеми силами оправдать Ваше теплое участие в нашей школе. Благодаря Вашему содействию, деятельность моей дочери может теперь упрочиться в нашем родном крае. Не могу Вам сказать как эта мысль утешает мое сердце... Преданная Вам Евфимия Зубова» [29].

Весной 1891 г. постройка школьного здания была начата под наблюдением особого строительного комитета – священника Н. Лебедева, земского начальника Степана Борисовича Вревского и других. Но средств, отпущенных Синодом, оказалось недостаточно, и попечительница Евфимия Борисовна вложила собственных 1126 руб. 57 1/2 коп. К осени 1892 г. новая школа была окончательно отделана. Выстроенный дом был деревянным, одноэтажным, с 5-ю комнатами: 2-мя классами, учительской, комнатой для сторожа и передней. Классные комнаты освещались пятью окнами, учительская и передняя – двумя, комната для сторожа –

одним. Были установлены две голландские печи. Попечителями школы были утверждены «Туркестанский генерал-губернатор барон Александр Борисович Вревский, вдова тайного советника Евфимия Борисовна Зубова и Параскева (Прасковья) Петровна Зубова» [28].

Согласно желанию попечительниц школы, Евфимии Борисовны и Прасковьи Петровны, 30 сентября 1892 г. председатель Псковского епархиального училищного совета, ректор Семинарии, в присутствии местных священников отслужил во Вревской церкви божественную литургию, на которой священник П. Тихомиров произнес слово. Затем при большом стечении народа священнослужители с крестным ходом проследовали в новую школу. У входа в нее ректор обратился к присутствующим с речью. Потом было совершено освящение школы, после которого произнес речь законоучитель школы Н. Лебедев [28].

Желая ввести в школе обучение садоводству и огородничеству, попечительницы испросили у причта в распоряжение школы, на все время ее существования, прилегающую к ней часть церковной земли под огород и служебные постройки, а также плодовый сад, оставшийся после умершего священника. Евфимия Борисовна устроила на школьном дворе колодец, возвела надворные постройки и пожертвовала приобретенный ею стоящий рядом дом под общежитие учеников, кухню и комнату для кухарки [28]. В имени она тоже в основном занималась цветниками, садом, парком, огородом и прудами [12].

О результатах хлопот о школе можно судить по фрагменту письма племянника Петра Алексеевича, Юлия Михайловича Зубова, приехавшего в Голубово в гости к «тетушке Эффи» в 1893 г.: «Школа двухклассная. Ребят около 70-ти. Из них до 50 живут неделю в самой школе. Родители возят провизию, а Паша хозяйничает и кормит их». Из этого же письма узнаем, что учительницы, Паша и ее помощница Юлинька (по воспоминаниям Н.П. Вревской, Штейн), занимались исключительно одной школой [12]. Отопление и освещение обеспечивала Евфимия Борисовна. Она же нанимала прислугу, приобретала книги и учебные пособия, оплачивала мелкие счета расходов по школе и т.д., всего более чем на 220 рублей в год. Вторую учительницу, помощницу Юлию, попечительницы содержали на свои средства [28].

Учебный день в школе начинался в 9 утра утренней молитвой; затем следовали три часовых урока с перерывами на 5-10 минут, обед, снова два часовых урока и 30 минут пения. В 4 часа дежурные начинали убирать классы, не живущие в школе ученики уходили домой, а живущие гуляли под присмотром учительницы или сторожа. Они же в это время по очереди пилили и кололи дрова и носили их в школу и кухню. В 5 часов ученики получали по куску черного хлеба и с 6 до 8 часов под наблюдением учительницы учили уроки, в 8 часов был ужин, затем вечерняя молитва и в 9 часов отход ко сну [28].

Обучение проводилось по утвержденным Святейшим Синодом программам и заканчивалось выдачей свидетельств. Лучшие ученики продолжали образование и после окончания курса. С ними учительница занималась отдельно, и некоторые из них поступили в средние учебные заведения. Достоинно было поставлено и воспитание. Прасковья Петровна, в течение целого дня наблюдая за поведением учеников, отвлекала их от грубых шалостей и внушала им добрые навыки. Особую заботу прилагала она к тому, чтобы ученики находились под благотворным влиянием церкви. Помимо ежедневных молитв, в воскресные и праздничные дни ученики ходили к утрени и литургии, пели в школьном церковном хоре, на первой неделе поста говели, исповедывались и т. д. К ним присоединялись и выпускники школы. Учительница давала всем читать книги религиозно-нравственного содержания из собственной библиотеки, выписывала со склада Совета и продавала окрестным жителям доступные по цене подобные издания [28].

Учащиеся «относились к своему делу с усердием, но особенно в этом отношении выдавалась попечительница-учительница Вревской школы П.П. Зубова». Прасковья Петровна Зубова трудилась «безмездно. Правда, от Епархиального училищного совета за весьма успешные труды выдавались ей иногда денежные вознаграждения, но они [были] так ничтожны, что должны быть признаны не платою за труд, а знаком внимания за особую ревность учительницы и достигаемые ею успехи В 1892-93 учебном году обер-прокурором Святейшего Синода [К.П. Победоносцевым] было выслано 300 руб., в виде единовременного вознаграждения Прасковье Петровне, но преданная делу учительница не пожелала взять эти деньги, и они оставлены ею на удовлетворение ка-

ких-либо нужд школы, могущих появиться впоследствии» [28]. Так Вревская школа сделалась любимым учреждением окрестных жителей.

28 февраля 1894 г. «оставила службу начальница Псковского епархиального женского училища игуменья Ювеналия. На ее место Советом училища единогласно избрана и Его Преосвященством представлена на утверждение Св.<ятейшего> Синода попечительница и учительница Вревской, Псковской губернии Островского уезда, церковно-приходской школы, дочь тайного советника Параскева [Прасковья Петровна] Зубова» [28]. Началась новая жизнь.

Пользуясь поддержкой В.К. Саблера, Евфимия Борисовна и Прасковья Петровна Зубовы выхлопотали средства на строительство здания для Псковского епархиального женского училища, в котором должны были обучаться будущие учительницы церковно-приходских школ. В 1900 г., по проекту псковского городского архитектора, позднее академика архитектуры, Федора Павловича Неструха такое здание было построено. На пересечении Успенской и Спасской улиц (ныне во Пскове ул. Калинина, д. 2) возникло трехэтажное «Г»-образное в плане сооружение, состоящее из двух корпусов, в которых располагались учебные классы, жилые комнаты воспитанниц и квартиры начальницы. В центральной части постройки, обращенной в сторону перекрестка, располагались парадный вестибюль и на втором этаже двусветная домовая церковь, посвященная введению во храм Богородицы. Дубовые и резные иконостас и два клироса были устроены по несколько исправленному покойным преподавателем псковской гимназии И.Ф. Жданко рисунку иконостаса и клиросов русской церкви в городе Венз в Швейцарии [25]. В училище обучалось около 400 учениц. Прасковья Петровна, как начальница, получала 500 рублей жалования, деньги на освещение и отопление, но была настолько бескорыстна, что часть жалования отдавала на нужды учащихся, многие из которых учились на ее средства.

Лучшей помощницей ей была мать, которая поселилась вместе с дочерью. Евфимия Борисовна разбила во дворе училища сквер, сажала там цветы, устраивала рождественские елки, водила по училищу начальство. Она создала во Пскове свой салон, где бывать было как бы обязанностью знати города, начиная с губер-

натора и архиерея и кончая неслуживыми дворянами. По воспоминаниям, на склоне лет Евфимия Борисовна была по-прежнему красива, с умными живыми глазами и величественными манерами. Мать и дочь являлись членами просветительского Кирилло-Мефодиевского братства, а Прасковья Петровна стала еще и членом Совета братства Александра Невского и Совета Псковского отделения попечительства о слепых.

Со временем Прасковья Петровна серьезно вошла в дела Епархии. Она стала духовной дочерью архиерея Арсения и под его влиянием глубоко прониклась идеей монашеского послушания. На ст. Серебряки бывшие светские женщины, княгиня Мансурова, Арсеньева и другие, основали женский «интеллигентный» монастырь, в основу которого легло служение ближнему во всех его проявлениях. Евфимия Борисовна умолила дочь не уходить от мира до ее смерти. Умерла она 19 сентября 1917 г. и была похоронена в Голубово, в фамильном склепе Вревских.

После смерти матери и закрытия Епархиального училища в 1918 году Прасковья Петровна под именем матери Арсении ушла в Савва-Вишерский монастырь под Новгородом. Помогала людям, сберегла от уничтожения старинные церковные книги и рукописи, которые затем передала в Петроградскую публичную библиотеку. Позднее она перебралась в отдаленный Мало-Кириллов скит. Умерла не ранее 1922 г. от рака, который сломил ее богатырское здоровье, но не сломил могучей силы духа [30].

П.П. Зубова была последней из семьи Вревских хранительницей подлинных писем А.С. Пушкина и некоторых мемуаров, связанных с его именем, некоторые из которых в настоящее время экспонируются в музее-усадьбе Тригорское Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». В письме от 31 июля 1914 г. Прасковья Петровна Зубова писала в Пушкинский Дом: «С письмами Пушкина я не хотела бы расстаться при жизни; для меня они семейная святыня, т. к. имеют ближайшее отношение к моей бабушке Евпраксии Ник<олаевне> Вревской, память о которой для меня священна. Может быть Вел.<икий> Князь удовольствуется тем, что я их завещаю ему после моей смерти» [31].

Так дочь Евфимии Борисовны Вревской, правнучка князя Александра Борисовича Куракина Прасковья Петровна Зубова выполнила свой нравственный гражданский долг перед потомками.

Источники:

1. Знаменитые россияне XVIII-XIX веков. Биографии и портреты: По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII-XIX столетий». СПб: Лениздат, 1995. С. 340-342: Александр Борисович Куракин.
2. Русский биографический словарь. СПб, 1903. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». С. 559-567: Куракин, князь, Александр Борисович.
3. Никифоров В.Г. Земли родной минувшая судьба. История усадьбы «Пушкинского уголка» и судьбы их обитателей // Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М.: Изд-во ООО «Руди-Н-Ком», 2001. С. 169-170, 172, 179-197.
4. Скороходова Г.А. Бароны Вревские – псковские друзья и знакомые А.С. Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 6. М.: Изд-во «Вербум-М», 2000. С. 113-119.
5. РГИА. Ф. 1343, оп. 46, д. 1744-1746.
6. РГИА. Ф.1343, оп. 6, д. 1747, л. 66.
7. РГИА Ф. 1411, оп. 1, д. 161. Архив Департамента Герольдии. Дело 1847. Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов Российского дворянства, не внесенных в общий гербовник. Кн. III. В. 1894. С. 285. № 72.
8. Вульф Д.А., Космолинский П.Ф., Лукина Н.В. О гербах Вульфов и Вревских // Михайловская пушкиниана. Вып. 6. М.: Изд-во «Вербум-М», 2000. С. 105-112.
9. Гордин А.М. Пушкин Псковском крае. Л.: Лениздат, 1970. С 296.
10. Гофман М. Из Вревского архива // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXI-XXII. Петроград: Тип. Императ. Ак. наук, 1915. С. 355-413.
11. Вульф А.Н. Дневники. Любовный быт пушкинской эпохи. Т. I. М, 1994. С. 370.
12. Лукина Н.В. Новый документ об имении Вревских Голубово // Журнал «Лукоморье», I. Рига, 1995. С. 75-80; Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков. М.: МЦНТИ, 1996. С. 11-17.
13. ГАПО, ф. 39. Оп. 1, ед. хр. 5555.
14. Левин Н.Ф. Бароны Вревские и вревская школа // Псков. № 5. 1996 г. С. 26-33.
15. Лукина Н.В. Александр Борисович Куракин и бароны Вревские. Куракинские чтения. М. 2006. С. 70-105.
16. Лобанова Э.Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков. М.: МЦНТИ, 1996. С. 42.

17. РГИА, фонд 1363, оп. 8, ед. хр. 727. Формулярный список о службе Члена Государственного Совета и Сенатора Тайного Советника Петра Алексеевича Зубова.
18. Петр Алексеевич Зубов // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 809-813 (перепечатка из газеты "Голос", 1980, июля 12 дня, № 191).
19. Русский биографический словарь. Т. 7. Петроград, Типогр. Гл. Упр. Уделов, 1916. С. 525-526.
20. Государственные деятели России XIX – начала XX веков. Биографический справочник. М., Изд-во Моск. Ун-та, 1995. С. 76.
21. Лукина Н.В. Судебная реформа 1860-ых годов и парадокс одной дворянской фамилии // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1997. № 7. С. 78-85.
22. Русская старина. 1873. Т. VIII. Ноябрь. С. 782-789. Переводчица Е.Б. Зубова указана на стр. 1003.
23. Там же. 1884. Т. XLI. С. 226-231. Перевод исполнен в 1870 г. Евфимией Борисовной Зубовой, рожденной Вревской.
24. Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб. Зубова Евфимия Борисовна.
25. Лукина Н.В. Семья Евфимии Борисовны Вревской (в замужестве Зубовой) во второй половине XIX – начале XX веков // Михайловская пушкиниана. Вып. 2. М.: МТНЦИ, С. 106-130.
26. Ikonnikov N. NdR. La noblesse de Russie. Zoubov. N 203. Petr Alekseevitch.
27. Пушкинский Дом. Рукописный отдел, фонд 22912. Письмо Евфимии Борисовны Зубовой (ур. Вревской) дяде Алексею Николаевичу Вульфу. Бланкенбург, 3 января 1876 г. То же. Дрезден, 10 февраля 1877 г.
28. Псковские Епархиальные Ведомости: 15.06.1894. № 12. С. 185-188; 15.07.1894. № 13. С. 201-204; 15.07.1894. № 14. С. 217-218; 15.01.1895. № 2. С. 22-23; 15.03.1895. № 11. С. 26-27.
29. Пушкинский Дом. Рукописный отдел, фонд 120, № 698. Письма Евфимии Борисовны Зубовой (ур. Вревской) Афанасию Федоровичу Бычкову. По сведениям из письма Софьи Петровны Зубовой дочери Нине Юльевне Герман-Зубовой 22 февраля 1922 г. (из семейного архива Н.В. Лукиной).
31. Лукина Н.В. Голубовские хранители реликвий А.С. Пушкина // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1998. № 9. С. 106-116.

МУЗЕЙ, ВРЕМЯ, ВЕЩИ

(К 140-ЛЕТИЮ ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ)

«Тверской музей составляет славу Тверской губернии, в музее сосредоточена родная старина ее», – писал в конце XIX века историк и краевед, преподаватель Тверской духовной семинарии Владимир Иванович Колосов.

Инициаторами создания музея были историк и краевед Николай Иванович Рубцов, поэт-декабрист и археолог-любитель Федор Николаевич Глинка, тверской губернатор Петр Романович Багратион, городской голова А.Ф. Головинский. Губернатор обратился к предпринимателям с просьбой присылать образцы продукции для музея, и уже в 1864 г. начался целенаправленный сбор будущих экспонатов. После того как было получено разрешение занять под музей зал в нижнем этаже Тверской мужской гимназии, начала работать комиссия по созданию музея. В ее состав вошли: секретарь Статистического комитета Николай Иванович Рубцов, городской голова А. Ф. Головинский, директор училищ П. Г. Лекторский, почетный попечитель Тверской гимназии Федор Николаевич Глинка. Зал в помещении гимназии был заполнен в основном образцами продукции фабрик, заводов и кустарных мастерских Тверской губернии.

Музей был открыт 9 августа 1866 г. в присутствии наследника цесаревича Александра Александровича и Великого князя Владимира Александровича в Твери при Тверском губернском статистическом комитете и располагался на первом этаже Тверской мужской гимназии (ныне – Медицинская академия). 5 ноября 1866 года в «Тверских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение: «Тверской губернский статистический комитет считает нужным сделать известным, что устроенный в здании Тверской губернской гимназии музеум... открыт для публики по воскресеньям с 11 до 2 часов пополудни бесплатно и по понедельникам с часу до 3 по полудни с платою по 10 копеек с каждого по-

сетителя». Первый список экспонатов музея был опубликован в «Тверских губернских ведомостях» (№ 34 за 1866 г.).

В основном в экспозициях были широко представлены образцы промышленной продукции и ремесел – изделия кожевенных заводов, кимрская обувь, фаянс фабрики Ауэрбаха, хрусталь заводов Ге и Полторацких, стеклянная посуда завода Мартена, ткани Рождественской мануфактуры Каулина и Товарищества Морозова, продукция кузнечных и красильных мастерских, и даже свадебные пряники заведения ржевского купца Ловягина. Было несколько портретов знаменитых людей губернии – Т.И. Волоскова, основателя Осташковского банка К.А. Савина и других. Было положено начало этнографической коллекции, постепенно складывалась основа для будущего естественного отдела – выставлены несколько чучел птиц и животных, пожертвованных П.Р. Багратионом и Ф.Н. Глинкой. Музей больше похож на промышленную выставку. Старинных предметов было немного – бердыш, крест-тельник, две шведские пушки, по легенде, подаренные Александром I отцу адмирала В.Н. Корнилова, несколько личных вещей адмирала (к сожалению, утраченных до революции), астрономические часы Ржевского купца Терентия Волоскова, его портрет, а также портреты основателя Осташковского банка Савина и гравера Уткина – все это составляло I-й исторический отдел. Во 2-м отделе были представлены чучела птиц и животных Тверской губернии, в 3-м отделе – растения из оранжереи купца Буркова и образцы деревьев Тверской губернии. В 4-м отделе представлены образцы продукции хрустальных заводов Полторацких и Ге; стекло заводов Мартена, Зверькова Радциг, Львова, Рябина; фаянс фабрики Ауэрбаха. Пятый отдел представлял образцы прядельного и ткацкого производства, в 6-м – железные изделия, в 7-м – крестьянские, в 8-м был представлен мучной товар, девятым был химический отдел, в 10-м были представлены образцы продукции и сырье золотошвейного производства, в 11-м – кожевенное производство и обувь.

Большую роль в становлении музея и пополнении его коллекций сыграла Тверская ученая архивная комиссия и ее председатель Август Казимирович Жизневский, который был назначен на должность хранителя в 1872 году. Благодаря его энергии, актив-

ной собирательской и исследовательской деятельности постепенно менялся характер коллекций. Появился археологический отдел, в котором стали накапливаться старинные рукописи и книги, археологический материал, нумизматические коллекции, церковная и бытовая утварь.

С 1880-х годов сведения о поступлениях в музей регулярно печатаются в «Тверских губернских ведомостях», начинается издание брошюр «Тверской музей и его приобретения». В 1896 г. музей размещается в западном крыле Путевого дворца. После смерти А.К. Жизневского он переходит под покровительство Тверской ученой архивной комиссии и управляется особым Советом. Хранителем музея становится В.И. Колосов.

Тверской музей часто посещали ученые, крупные государственные деятели и царственные особы. Так, например, 21 апреля 1915 года (в разгар Первой мировой войны) здесь побывал император Николай II, высоко оценив его содержание и обратив особое внимание на Стерженский крест 1135 года, из Осташковского района – памятник древнерусской письменности, навигационный и пограничный знак, до сих пор украшающий экспозицию музея.

Накануне Октябрьской революции Тверской музей был одним из богатейших провинциальных «древлехранилищ» – в его фондах находилось более 14000 предметов старины, около 7000 свитков, свыше 900 рукописей, архивы дворянских родов, более 150 старопечатных книг. Октябрьская революция 1917 года, изменившая всю российскую действительность, потребовала значительных перемен в организации музейного дела. В собственность государства перешли огромные материальные ценности, многочисленные произведения искусства, находившиеся в усадьбах, в закрывавшихся монастырях и церквях. В связи с этим изменился подход к комплектованию музейных предметов. Создавать музей во всех более или менее знаменитых и богатых усадьбах было делом нереальным, поэтому ценности перевозились в уездные, губернские и центральные, в зависимости от их категории. В то же время перегрузка центральных музеев приводила к тому, что часть предметов возвращалась на места. Так, в 1926-1928 гг. из Оружейной палаты в Тверской музей были возвращены серебряные произведения церковного искусства, конфискованные в храмах губернии и Твери в 1919-1922 гг.

28 ноября 1918 года была создана Коллегия по управлению Тверским историко-археологическим музеем. Председателем Коллегии стал хранитель музея В. И. Колосов, а после его смерти в 1919 году – А. И. Виноградов. Музей по-прежнему остается базой для развития краеведения – создается «Общество по изучению родного края», под редакцией хранителя музея Ивана Александровича Виноградова издается журнал «Материалы общества изучения Тверского края».

4 января 1919 года музей получил «Охранную грамоту» № 194-х-99: «Сим удостоверяется, что Тверской историко-археологический музей, помещающийся в городе Твери во дворце заключающий в себе коллекции историко-археологических предметов, состоит под охраной и в ведении Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению. Помещения, коллекции, обстановка и прочий инвентарь ни в коем случае никакой реквизиции не подлежат. Исключительное право распоряжения хранящимися коллекциями, обстановкой и прочим инвентарем принадлежит управлению данного музея, которое действует с ведома и согласия Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины».

В 1929 году расширялась и обновлялась экспозиция всех отделов музея. Впервые в экспозиции был выделен художественный отдел – в помещении домово́й церкви дворца открылась картинная галерея, в которой представлялось русское искусство XVIII-XX вв. и ряд картин старых европейских мастеров.

В 1935 г. музей был выселен из Путёвого дворца, в связи с расположением там облисполкома воссозданной Калининской области. В 1937 г. из состава музея была выделена картинная галерея (располагавшаяся также в здании Путёвого дворца), куда было передана большая часть коллекций. Собрание Тверского музея, плод 70-летнего труда нескольких поколений музейщиков, было механически и бессистемно разделено. Все наиболее лучшие экспонаты и значительная часть библиотеки – было передано картинной галерее. Доходило до курьезов. Так, известный «Русский биографический словарь» был разделен по томам (по буквам). В краеведческом музее остались фотографии, археология, этнографические коллекции, часть церковного инвентаря,

образцы промышленной продукции. Музей оказавшийся без помещения, разбросан по городу в нескольких бывших церквях, без экспозиционной площади.

Сокрушительный удар нанесла музею Великая отечественная война 1941-1945 гг. Большую часть фондов эвакуировать не удалось. Одно из хранилищ за Тверцой было уничтожено прямым попаданием бомбы, другое – в бывшем Воскресенском соборе на ул.Баррикадной было разграблено частично немцами, частично местным населением. По счастливой случайности сохранились экспонаты в бывшей Вознесенской церкви города на ул. Советской, где хранилась небольшая часть фондов краеведческого музея. Просто у немцев за два месяца оккупации Калинина руки не дошли разобрать с ящиками, стоящими в церкви. После оккупации у краеведческого музея сохранилось незначительная часть от довоенной коллекции. Работа по восстановлению музея и комплектованию тематических коллекций началась сразу же после окончания оккупации.

В 1958 г. музей возвращается в помещение Путевого дворца. В последующий период директора музея Е.И. Новосельцев и, особенно, И.М. Бружеставицкий многое сделали для его развития: сложился работоспособный коллектив, была организована научно-исследовательская, собирательская, экспозиционная работа.

В 1977 г. было создано объединение музеев Калининской области и музей получил свое новое название Калининский государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей (с 1991 г. – Тверской, ТГОМ). Большую роль в сохранении объединения сыграл Генеральный директор музея Ю.М. Бошняк, который руководил им 18 лет. К существующим музеям присоединились 7 бывших районных краеведческих музеев с экспозициями и фондовыми собраниями, которые складывались в 1920-х гг.: Вышневолоцкий, Калязинский, Кашинский, Кимрский, Осташковский, Ржевский, Торопецкий и 2 мемориальных музея М.И. Калинина в д. Верхняя Троица и поэта С.Д. Дрожжина в п.Завидово. В 1978-1981 гг. присоединился еще 5 краеведческих музеев, ранее бывших общественными – Бельский, Вельегонский, Ворошиловский, Краснохолмский и Удомельский. Тверской музей является Головным музеем объединения, в которое другие музеи вошли на правах филиалов. Одной из задач централизации му-

зейного дела в области стало построение в районных музеях принципиально новых в научном и художественном отношении музейных экспозиций. К созданию экспозиций в филиалах были привлечены сотрудники всех научно-экспозиционных отделов и фондов Тверского (головного) музея, тверских художников и реставраторов. В процессе совместной работы повышалась квалификация сотрудников районных музеев, что явилось немаловажной заслугой объединения. В результате многолетней работы сложилась достаточно стройная система экспозиций.

Сегодня музейное собрание насчитывает свыше 600000 единиц хранения. Изобразительный фонд насчитывает более 7000 единиц хранения. Хронологические рамки XIV-XX вв. Собрание формировалось различными путями: это произведения, переданные из Тверского музея, закупленные или переданные в дар от частных лиц, переданные по завещанию. Поступления после проведения археологических раскопок, сборы подъемного материала на берегах рек Волги и Тьмаки. Часть экспонатов поступила в музей после проведения художественных выставок и вернисажей, а также специально заказывались художникам для оформления литературных, этнографических экспозиций и вновь создаваемых музеев.

В составе изобразительного фонда можно выделить портретный жанр XIX в., который представлен живописными и графическими работами из дворянских имений Тверской губернии. Гордостью являются портреты, поступившие в 1920-1925 гг. в Тверской музей из имения Волосово Зубцовского уезда, принадлежавшего семье Куракиных. Романтические портреты из семьи Бакуниных выполнены Александром и Михаилом Бакуниными, Е.М. Бакуниной, Н.С. Корсаковой-Бакуниной и Николаем Ге. Карандашный рисунок О.А. Кипренского, акварели П.Ф. Соколова. Акварельный портрет из имения семьи Гурко в Сахарово Тверского уезда выполнен Софьей Гурко. Переданы музею потомками Салтыковых и Полторацких рисунки и эскизы из этих семей. Работы художника Д.М. Болотова (иеромонаха Оптиной пустыни Даниила).

Жемчужиной собрания музея по праву считается куракинская коллекция, поступившая из имения Волосово-Степановское Зубцовского уезда Тверской губернии. Последни-

ми владельцами усадьбы были дочери Алексея Борисовича Куракина – Александра Алексеевна, в замужестве Козен, и Елизавета Алексеевна, в замужестве Нарышкина (она владела имением вплоть до революции). После 1917 г. имение и его коллекцию постигла участь многих дворянских усадеб. В имении был создан совхоз «Волосово». Вопрос о создании музея в Волосове так и не был решен, и возникла необходимость вывоза коллекций, закрепленный за Тверским губернским комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы, в Тверской музей. Здание же, не отапливавшееся с 1917 г., начало разрушаться. Однако из-за плохих дорог и отдаленности усадьбы от губернского города этот процесс растянулся на несколько лет. Последние вещи из куракинской коллекции прибыли в Тверь в 1926 году. После выделения из состава музея картинной галереи (1937 г.) в фондах музея осталось 165 живописных портретов. Из них:

авторские работы художников:

- Дуленко Павел Александрович – 2
- Алексей Борисович Куракин (1809-1872) – 9
- Елизавета Алексеевна Куракина (1848-1928) – 1
- Попов Александр Васильевич – 4
- Неизвестный художник XVIII в. – 30
- Неизвестный художник конца XVIII в. – начала XIX в. – 9
- Неизвестный художник XIX в. – 110;

копии с оригиналов художников:

- Георга Кристофа Гроота (1716-1749) – 1
- Пьетро Антонио Ротари (1707-1762) – 2
- Жана Луи Вуаля (1744 – не ранее 1806) – 2
- Карела де Мора (1656-1738) – 1
- Федора Степановича Рокотова (1735-1808/1809) – 2
- Иоганна Готфрида Таннауэра (1680-1737) – 1
- Луи Каравака (1684-1754) – 1
- Владимира Лукича Боровиковского (1757-1825) – 3
- Франсуа Анри Мюльера (1769-1850) – 1
- Франсуа Никола Муше (1749-1814) – 1
- Виргилиуса Эриксона (1722-1782) – 1

- Луи Токе (1696-1772) – 1
Иоганна Пауля Люддена (? – 1739) – 2
Д. Ходовецкого (1726-1801) – 1
Иоганна-Баттиста Лампи старшего (1751-1830) – 2,
Мари Луиз Элизабет Виже-Лебрен (1755-1842) – 9
Джованни Баттиста(?) Дамон Ортолани (ок. 1750 – п.1810) – 1
Жана-Лорана Монье (1746-1808) – 1
Джорджа Доу (1781-1829) – 5
Иозефа Крейцингера (1757-1829) – 1
Антельма Франсуа Лангрена (1707-1762) – 1
Франсуа Жерара (1770-1837) – 2
Лемюэль-Эббот Френсиса (1760-1803) – 1
Жана-Баттиста Жозефа Викара (1767-1834) – 1
М. Курт – 1
Лефор – 1
Мориса-Кантена де Латура (1704-1788) – 1
Карла Павловича Брюллова (1799-1852) – 1
Франца Николаевича Рисса (1804-1886) – 1
Франца Крюгера (1797-1857) – 1
К. Шпрейта – 1
Христины Робертсон (1796-1854) – 1
Филиппа де Шампеня (1602-1674) – 1
Ж-Б. Сабатье – 2
Годфри Неллера (1646/49-1723) – 1

Все портреты были записаны в старые книги поступлений Тверского музея, находящиеся в настоящее время в научном архиве музея.

В составе коллекции живописи произведения И.И. Левитана, К.И. Росси, П.И. Геллера, В.К. Бялыницкий-Бируля, Д.М. Болотова, Я.М. Колокольникова, В. Стромиллова, Н.А. Ярошенко. Большая часть живописи – это работы современных художников В.И. Волкова, Ю.Л. Керцелли, С.А. Тикунова, К.С. и К.К. Первухиных, А.Н. Самохвалова, А.Ф. Дубова, Н.В. Дочкина, В.С. Солодова, Б.С. Запруднова, В.Ф. Шумилова и др.

Основу коллекции графики составляют рисунки и иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина,

В.Я. Шишкова, А.А. Ахматовой. Они выполнены Кукрыниксами, В.Д. Бубновой, А.И. Мищенко, А.М. Каневским, Е.М. Сидоркиным, Л.И. Ламмом, А. Ванецианом и др. Рисунки специально заказывались и закупались для вновь создаваемых литературных музеев. Широко представлены иллюстрации к произведениям русских и советских писателей XIX-XX вв., а также тверских писателей. Печатная графика представлена гравюрой XIX в., офортами, литографиями, репродукциями. Коллекция плакатов «Окна «ТАСС» 1940-х гг. насчитывает более 400 единиц. (Кукрыниксы, М.М. Черемных, П.П. Соколов-Скаля, М.М. Соловьев, Н.Ф. Денисовский и др.). Коллекция открыток насчитывает более 2500 единиц хранения. Состоит из дореволюционных открыток с видами городов России, Твери и Тверской губернии, а также образцов продукции Тверского полиграфического комбината 1970-х гг. Особо выделено собрание лубков.

Коллекции скульптуры представлена персонажами знаменитых произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.С. Пушкина, а также бюсты, горельефы, барельефы и скульптурные композиции памятных мест, знаменитых уроженцев Тверской земли, государственных деятелей. Они выполнены А.М. Сперанским, П.П. Забелло, Е.Ю. и Г.В. Караваевыми, П.М. Козырем и др. Отдельно можно выделить деревянные резные скульптуры Нила Столобенского.

В состав собрания декоративно-прикладного искусства входят резные детали церковного убранства, иконостасов, царских врат, а также различные подарки и сувениры делегаций городов-побратимов и частных лиц. Коллекция медного художественного литья насчитывает более 300 предметов художественного литья, в основном датируемых XVIII-XIX вв. Это разнообразные кресты, иконы, складни, панагии, оклады на иконы, в том числе и старообрядческие, а также их многочисленные фрагменты. Уникальным и самым ранним памятником является небольшая резная на стеатите иконка «Богоматерь знамение. Святитель Николай и Иоанн» последней четверти XV в. Она является вкладом по завещанию графини Мавры Егоровны Шуваловой (1708-1759) в Николо-Малицкий монастырь. В 1970-1980 гг. сформировалась коллекция крестов-тельников и иконок-привесок, датируемых

XIV-XV вв., чаще всего из подъемного материала по берегам рек Вольги и Тьмаки.

Коллекция древнерусской живописи немногочисленна и включает в себя различные иконографические типы Богоматери, Христа, двенадесятые праздники, а также иконы местночтимых (Михаил Ярославович Тверской, Анна Кашинская, Арсений) и избранных святых.

В 1996-1997 гг., Тверской музей переезжает из Императорского путевого дворца в здание бывшего реального училища, в котором и разместилась основная краеведческая экспозиция

На сегодняшний день ТГОМ – это одно из крупнейших музейных объединений России, в составе которого 32 музея различного профиля – краеведческие, литературные (в том числе музеи Пушкинского кольца Верхневолжья в с. Берново (бывшее имение Вульфов) и в г. Торжке – усадьбе Олениных, мемориальные (М.Е. Салтыкова-Щедрина в г. Твери, С.Я. Лемешева в с. Князево, А.А. Ахматовой в с. Градницы, В.О. Андреева в г. Бежецк), архитектурно-этнографический музей деревянного зодчества в с. Василево, бывшее имение Львовых), музей природы Селигерского края в п. Рогожа, экспозиция «Ржевская битва» с диорамой «Бой за г. Ржев 24.09.1943 г.» и музей Калининского фронта в п. Эммаус.

В Тверском музее на базе отдела природы создан Центр экологического воспитания, который ведет большую просветительскую работу. Сделаны первые шаги по созданию «живых» музеев природы: в составе объединения есть террариум с экзотическими животными и аквариумный зал.

Для кого и для чего создаются музейные экспозиции, особенно краеведческие? В первую очередь, конечно, для детей, которые должны знать не только Родину большую, но и Родину малую. В этой связи хотелось бы отметить новые формы работы *Центра музейной педагогики ТГОМ*. Это новые интерактивные проекты «Семья в музее» – «С Незнайкой по музею» и «К бабушке в деревню»; «Музей и школа» – «Осенины», «Новогоднее путешествие в историческое прошлое», «Весна Красна, или Птичий базар», «Праздник русской березки, или Зеленые святки»; «Детский музей сказки» – «Лукоморье»; экологические праздники с мас-

тер-классом – «День рождения Медведя», «Баба Яга против». В сентябре 2005 г. стали финалистами 1-го Всероссийского фестиваля детских музейных программ. В 2005-2006 гг. выиграли и работали по гранту Благотворительного фонда В. Потанина – экологическая программа «Помой-Ка!», которая является сетевым проектом, включающим проектные семинары, конкурс проектов, победители которых, такие филиалы как Бежецкий, Белый и Калязинский, финансировались из средств гранта. Итогом проекта стала интерактивная выставка «С маленьким принцем по планете людей». Тверской музей несколько лет работает по абонементной системе для детских садов и младших школьников «Ручейки времени» и «Река времени». В 2007 г. ТГОМ награжден дипломом лауреата премии губернатора Тверской области в сфере культуры и искусства II степени в номинации «За достижения в области музейного дела» (творческий коллектив проекта «Пушкинское кольцо Верхневолжья в Москве» ГУК «Тверской государственный объединенный музей»). Музей ведет активную выездную выставочную деятельность и принимает у себя выставки.

В 1973 г. музей награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, в 1997 г. – лауреат Всероссийского конкурса «Музей года», объявленного газетой «Культура».

ТГОМ – одно из крупнейших научно-просветительских учреждений области, ведет научно-исследовательскую работу, археологические раскопки, на основе своих собраний издает каталоги, буклеты, путеводители. Ведет активную выставочную деятельность, в том числе и за рубежом.

В судьбе нашего музея было все – беды и радости, годы забвения и подъема, но по-прежнему здесь бережно хранится «родная старина» Тверской земли.

ЕКАТЕРИНА II О М.Г. СОБАКИНЕ

*«C'est une belle maison, mais à une fenetre»
(Прекрасный дом с одним окном (фр.))*

«Портрет Михаила Григорьевича Собакина» (1720-1773), исполненный в 1748 году неизвестным художником (ж-76), поступил из Орловского краеведческого музея в 1957 году. Благодаря сохранившемуся на лицевой стороне инвентарному номеру, нанесенному синей краской, нами установлено, что портрет поступил в 1919 году в Орловский историко-художественный музей из собрания А.Б. Куракина в селе Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии. В инвентарную книгу была внесена запись: «Неизвестный художник. 60-е годы XVIII века. Портрет сенатора Михаила Григорьевича Собакина. Из собрания А. Куракина» (1).

На портрете Собакин представлен в великолепии и блеске своего положения. На нем зеленовато-коричневый кафтан, шитый золотом по бортам и большим обшлагам. Под кафтаном – кираса. На голове серебристый парик. Локтем левой рукой стоящий Собакин опирается на конторку. Естественное положение кисти руки, изображенной в необычном ракурсе, художник акцентирует светом и кружевным белым манжетом. Этот изысканный жест вместе с поворотом фигуры в 3/4 влево, а головы слегка вправо создают движение и наполняют изображение жизнью. Накинутая на правое плечо красная мантия и высветленный сзади серовато-коричневый фон с занавесом справа создают глубину и объем. Ряд книг сзади, географическая карта и письмо с красной сургучной печатью повествуют о деятельности Собакина. Игра света и тени на всем пространстве этого репрезентативного портрета придают изображению полноту и красоту жизни.

На правой стороне груди Собакина видна серебряная шитая восьмиугольная звезда ордена Святой Анны, девизом которого были «Amantibus Justitiam Pietatem Fidem» («Любящим Правосудие, Благоговение, Веру»). Через левое плечо надета муаро-

вая красного цвета лента с желтой каймой по краю. Орденом Святой Анны первой степени Собакин был награжден 7 апреля 1768 года, т.е. спустя 20 лет после написания портрета (2). Аннинским кавалером мог стать лишь военный или гражданский чиновник высшего ранга – лишь тот, кто занимал ключевой пост при дворе, в армии или правительственном аппарате (3). Дописанная другим художником, хоть и деликатно (лента спрятана под кафтан), она искажает первоначальный строй портрета, утонченно-изысканного.

Портрет экспонировался в Третьяковской галерее в 1974 году на выставке «Неизвестные и забытые портретисты XVIII – первой половины XIX века» и включен в каталог выставки (4). Картина вызвала интерес специалистов, выдвинувших предположения об именах крупнейших мастеров французской школы, таких как Токе и Друо.

В период подготовки выставки портрет был рентгенографирован, были предприняты усилия для расшифровки подписи на лицевой стороне справа, которые оказались безуспешными. Отчетливо видна лишь дата создания портрета: 1748. К сожалению, специалисты до сих пор не могут определить, на каком языке сделаны подпись и надпись.

В обзоре, посвященном итогам выставки, портрет был упомянут: «Автором эффектного портрета поэта и сенатора М. Собакина, несомненно, был художник иностранной школы, свободно владеющий композицией и цветом. Светлый колорит, мастерство в изображении тканей, импозантность облика напоминают работы западных мастеров. Собакин долгие годы служил в Коллегии иностранных дел и часто бывал за границей. О его образованности и знакомстве с французскими энциклопедистами говорят изображенные на портрете книги. К сожалению, пока не удалось расшифровать длинную подпись и надпись на лицевой стороне холста рядом с датой 1748» (5).

Сотрудник Тверской галереи В. Ф. Гершфельд, ныне покойная, готовя к изданию книгу «Мина Колокольников с братьями», обращалась и к портрету Собакина, указала его автора: И.К. Гейзера (Хойзера ?), художника немецкой школы (6).

Л. А. Маркина, активно разрабатывающая в последние десятилетия тематику русско-немецких художественных связей

XVIII-XIX веков, особое внимание уделила малоизученному искусствоведческой наукой периоду 1740-х годов. В частности, она подчеркивает: «Анализ письменных источников и живописных произведений 1740-х дает основание утверждать, что в это десятилетие в России в жанре портрета работали в основном немецкие мастера» (7).

В другой работе «Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века» Маркина пишет о биографиях двух живописцев. «Иоганн Гаспар Гейзер в 1742-1743 годах расписывал Триумфальные ворота и уехал в Дерпт после завершения этих работ. Генрих Готлиб Хойзер, писавший в 1743-1748 годах портреты знатных петербуржцев (в настоящее время с его именем связывается семь произведений), в 1748 году уехал в Вену (8).

Автор «Портрета М.Г. Собакина» еще не установлен, но имя французского художника Луи Токе (Louis Tocque (1696-1772) кажется здесь наиболее вероятным.

Зададимся вопросом: почему портрет человека, не связанного родственными узами с родом Куракиных, хранился в их семейной портретной галерее? (9) Конечно, указание на то, что Собакин служил в Коллегии иностранных дел, говорит о знакомстве с представителями этой фамилии, давшей известных в XVIII веке дипломатов.

В данном сообщении хотелось бы поделиться сведениями о Михаиле Григорьевиче Собакине, обнаруженными в разных источниках и имеющими прямое отношение к месту проведения Куракинских чтений.

Михаил Григорьевич Собакин – представитель старинного боярского рода, одного корня с Нагими, в 14-м колене от родоначальника своего Ольгерда Прега, во святом крещении Димитрия, выехавшего в 1294 году из Дании к великому князю тверскому Михаилу Ярославовичу и женившегося на родной сестре последнего – княжне Ярославле Ярославовне (10).

Михаил Григорьевич в 1744 году был определен членом в Архив Коллегии иностранных дел; в 1747-1748 годах составил проект разбора Архива и мнение о делах его; в 1760 году началь-

ник Московской конторы Коллегии иностранных дел, заведовал Оружейною палатою; 1762 – действительный статский советник; 1767 – тайный советник, назначен сенатором 31 октября 1767 года.

Был депутатом комиссии о сочинении проекта нового Уложения, собранной в 1767 году. В опубликованном в «Русском вестнике» в 1861 году депутатском списке участников «Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (1767-1774)» имя М.Г. Собакина в «Списке господам депутатам» находится третьим после митрополита Дмитрия Новгородского от святейшего синода, генерал-аншефа, сенатора и кавалера князя Михаила Волконского от правительствующего сената. «От коллегий: 3. Иностранной Тайный советник, сенатор, и кавалер Михайло Собакин».

Публикаторы списка сетовали на скудость сведений «об остальных депутатах, из которых многие, судя по фамилиям их, принадлежали к образованнейшей части дворянства» (11).

«8 августа 1771 года Михаил Григорьевич был определен товарищем к генералу Еропкину для уничтожения моровой язвы в Москве, и взялся за дело с большим усердием, но вскоре зараза открылась среди его дворни, и тогда он заперся. Императрица заменила его тайным советником Похвисневым, а 5 января 1772 года уволила его от всех дел» (12).

Михаил Григорьевич в молодости писал стихи, а затем занимался историей. В Московском архиве Министерства иностранных дел хранился в рукописи его труд «Известие о старинных чинах и должностях». Возможно, именно на эту книгу указывает правой рукой Собакин на портрете, который экспонировался на историко-художественной выставке русских портретов в Таврическом дворце в 1905 году. «Портрет Собакина Михаила Григорьевича (в рост)», находился в Архиве министерства иностранных дел в Москве. «Тайный советник. Сенатор. Писатель. Депутат от иностранной коллегии в комиссии о составлении нового Уложения 1767 г. Управляющий конторою и Московским архивом Государственной коллегии иностранных дел (1760-1772)» (13). До настоящего времени сохранился негатив с этого портрета.

Был женат на княжне Татьяне Васильевне Гагариной. Он имел при высоком росте очень красивую наружность, но был кривой,

почему Екатерина II говорила о нем: «C'est une belle maison, mais a une fenetre» (Прекрасный дом с одним окном) (14).

Сохранилась история его завещания.

В последние годы жизни Собакин рассердился на единственного племянника Петра Александровича Собакина (1744-1821), захотел лишить его наследства, состоявшего из 2000 душ крестьян. «Приехавши к Еропкину, с которым был связан тесною дружбой, стал со слезами просить успокоить его старость и позволить укрепить за ним все свое имение. Еропкин не согласился, и друзья рассорились. Но размыслив хладнокровно и опасаясь для наследника большего вреда, Еропкин поехал к Собакину и сказал ему: «Прости меня; я одумался и принимаю твой дар с дружескою благодарностью». Немедленно имение укреплено было формальным порядком за Еропкиным. Когда Собакин умер, Еропкин послал сказать его племяннику, чтобы он ехал для погребения, и получил в ответ: «Ты наследник, ты и погребай». – «Нет, не я наследник, велел сказать ему Еропкин, и на другой же день возвратил имение» (15).

Княжна Аграфена Александровна Куракина 16 февраля 1773 года писала князю Александру Борисовичу Куракину: «Сегодня получила известие к неопisanному себе огорчению, что наш Михайла Григорьевич скончался, которого мне сердечно жаль; можно сказать, что лишились наичестнейшего человека и сердечного друга» (16).

Собакин скончался 6 февраля 1773 года и по своей старинной дружбе с семейством Куракиных завещал в пользу Странноприимного дома, ими учрежденного в Москве у Красных ворот, 25 тысяч рублей. «Ежели князей Куракиных богадельня состоять будет вечно, то по приложенному векселю и я мое вечно подаяние туда приобщаю, ежели же не вечно, то прошу отдать в банк и проценты на тех богадельщиков употреблять, а потом капитал уже предложить его на богоугодное и полезное какое дело». Опекунский совет молодых князей Куракиных определил «внести достохвальное имя у построенного при оной больнице святого храма в поминовенную роспись, обще с создателями и содержателями оного. И той богадельне в том храме приказать, сверх общего с создателями оного поминовения, ныне по нем в бозе усопшем Михаиле Григорьевиче, отправлять сорокоустие, да каждый год, в

день кончины и тезоименитства его, исправлять по нем же за упокой божественное служение» (16). По определению опекунского совета средства должны быть использованы на улучшение состояния богадельщиков, «чтобы могли в оную вступать не только разночинцы, да и заслуженные бедные офицеры и дворяне».

В Тверской картинной галерее имеется фрагментарная копия XVIII века, выполненная с портрета, хранящегося в ОМИИ, поступившая из имения Волосово-Степановское Зубцовского уезда Тверской губернии (ж-405). На обороте портрета надпись: «Господинъ Собакинъ пожертвовавший 30000 руб. въ пользу Страннопріимнаго фамиліи князей Куракиныхъ Дома».

А.Н. Греч в книге «Венок усадьбам», описывая жизнь куракинского «княжества», подчеркивал, что во всех усадьбах были портретные галереи, «где висели работы лучших художников XVIII века, как русских, так и иностранных» (17). Еще он отмечал, что главной усадьбой Куракиных в XIX столетии стало Преображенское в Орловской губернии.

Таким образом, хранящийся в ОМИИ «Портрет Михаила Григорьевича Собакина» высокими художественными достоинствами подтверждает эту мысль Греча, высказанную в 1920-х годах. История бытования этого портрета повествует о дружеских привязанностях Куракиных, о высоких нравственных качествах русских аристократов XVIII столетия.

Примечания:

1. Архив ОКМ 450, д. 21.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Списки кавалеров четырех орденов: Св. апостола Андрея Первозванного, св. великомученицы Екатерины, св. Александра Невского с самого учреждения их по 1797 г. (с приложением статутов). М., 1813.
3. Экштут С. «А какую кавалерию лучше красную или голубую?» Знаки отличия сквозь призму культурной антропологии //Родина.— 2008. — № 4.— С. 53.

4. Неизвестные и забытые портретисты XVIII – первой половины XIX века: Каталог выставки. – М., 1975. – № 39.
5. Сахарова И., Чижикова Е. Неизвестные и забытые портретисты // Художник. – 1975. – № 12. С. 44.
6. Письмо директора издательства «Искусство» О.А. Макарова № 141/изо от 16.05.1985.
7. Маркина Л.А. К вопросу о русско-немецких художественных связях середины XVIII века // Россия – Германия. Контакты и взаимовлияния. XVIII-XIX: Материалы конференции – М., 1988. С. 13.
8. Маркина Л.А. Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 192.
9. Родословие князей Куракиных, происшедших от великого князя Владимира, который крестил русскую землю. X-XIX вв. // Архив князей Куракиных, – Книга первая. – СПб., 1890.
10. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. – Издание второе. – Т. 11. С. 232-233.
11. Материалы для истории комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Вступительная статья Михаила Лонгинова // Русский вестник. Том тридцать шестой. 1861. Декабрь. С. 3.
12. Архив кн. Ф.А. Куракина: В 10 т. Саратов, товарищества «Печатня С.П. Яковлева». Книга седьмая. С. 440.
13. Каталог историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце. СПб., 1905. № 587.
14. Архив кн. Ф.А. Куракина: В 10 т. Саратов, товарищества «Печатня С.П. Яковлева». Книга седьмая. С. 441.
15. Там же, с. 442.
16. Архив кн. Ф.А. Куракина. – Книга седьмая. С. 157.
17. Греч А.Н. Степановское-Волосово // Венок усадьбам. – М.; АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2006. С. 105.

О НЕКОТОРЫХ ФАМИЛЬНЫХ ПОРТРЕТАХ XVIII ВЕКА, ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗ ФАМИЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ КНЯЗЕЙ КУРАКИНЫХ В УСАДЬБЕ «ВОЛОСОВО-СТЕПАНОВСКОЕ».

Самой обширной и разнообразной частью портретного собрания в Волосове-Степановском была «Фамильная галерея» князей Куракиных. Она включала в себя более трехсот произведений XVIII-XIX веков русской и иностранных школ. Это не только портреты самих Куракиных, но и представителей многих известных дворянских фамилий России, с которыми они породнились на протяжении существования рода.

Это наиболее качественная по художественному уровню и наиболее старая по происхождению часть волосовской портретной галереи Куракиных. Что вполне закономерно. Ведь Куракины портретировались у самых известных живописцев своего времени¹, а «волосовская» коллекция была частично составлена из произведений, привезенных из более «старых» куракинских имений.

Остановимся здесь на рассмотрении отдельных наиболее значительных, интересных и характерных произведений, входивших в фамильную галерею, относящихся к XVIII веку.

«Открывают» ее изображения князя Бориса Ивановича Куракина² (1676-1727) – ярчайшего представителя своего времени, «птенца гнезда Петрова», участника Азовских походов и Северной войны, дипломата, посла в Великобритании, Голландии, Ганновере, Франции. Всего до нашего времени дошло четыре портрета. Два из них почти полностью повторяют друг друга, являясь,

¹ «...поражаемся обилием гравюр и картин, которых при усердии можем насчитать до 914, и фамильных портретов (количеством свыше 100), большую часть работы известных мастеров» (Княже-Куракинские церкви в Тверской губернии. Историко-археологический очерк, составленный В.Н. Смольяниновым и Н.А. Скворцовым. Издание почетного члена Археологического Института князя Федора Алексеевича Куракина. М., 1905, с. 314.).

² Были ли в галерее портреты его отца, нам неизвестно.

видимо, копиями с одного оригинала (ТОКГ; ТГОМ). На обороте портрета, принадлежащего музею (он сохранился лучше, чем экземпляр галереи), довольно хорошо читается надпись старинным почерком: «Портреть Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Своякъ Императора Петра 1го». Аналогичный портрет хранится в Государственном Русском музее – копия последней четверти XVIII века работы неизвестного художника с неизвестного оригинала, выполненного не ранее 1717 года. Ни один из «волосовских» портретов также не является «первоисточником». Оба они могут быть датированы концом XVIII – началом XIX века.

Их композиция восходит к типу парадного портрета, получившего распространение в западноевропейском искусстве рубежа XVII-XVIII веков. Модель дана победренно, в почти трехчетвертном повороте. Борис Иванович изображен одетым в латы поверх золотистого цвета кафтана, в алой мантии, подбитой горностаем, в длинном парике. Через правое плечо перекинута Андреевская лента с прикрепленным к ней знаком ордена, у левого бедра золотой эфес шпаги. Он стоит, подбоченясь правой рукой, в левой – свиток (как символ его дипломатической деятельности). За фигурой, справа, – дерево-«кулиса», слева, в глубине – пейзаж с архитектурными сооружениями (голландский городской пейзаж - ?). Горделивая поза изображенного, соединяющая в себе и чувство собственного достоинства и гордость за возложенную на него миссию придают образу торжественность, значительность и монументальность. Холодноватый колорит портрета, построенный на сочетании зеленовато-серовато-голубоватых тонов, заметно оживлен всплесками алого и золотистого на мантии, кафтане, отделке доспехов.

Еще два портрета Б.И. Куракина, погрудных (оба – в собрании ТГОМ), являются фрагментарными копиями композиции рассмотренного выше типа, выполненными достаточно сухоовато.

Иконография сына Б.И. Куракина, – князя Александра Борисовича 1-го (1697-1749), представлена также несколькими портретами.

А.Б. Куракин, один из первых русских людей получивший образование за границей, посвятил себя дипломатической деятельности, так же, как и его отец. С 1722 по 1728 год он был (сначала под руководством Б.И. Куракина) послом в Париже, сменив на

этом посту князя Д.М. Голицына. «Князь Александр Борисович..., тайный советник в ранге полного генерала, полномочный посол в Париже и обер-шталмейстер (звание весьма высокое в те времена, особенно в царствование Анны Иоанновны) был человек обширной образованности и тонкого ума. В капризную эпоху императриц и фаворитов, когда другим князьям подчас представлялся нелегкий выбор между шутовским колпаком и ссылкой, даже плахой, он сумел с достоинством удержать неизменно-влиятельное положение при Дворе, одинаково приятный и своенравному племяннику Петру II, и Анне Иоанновне, и Анне Леопольдовне, и Елисавете Петровне своим неистощимым остроумием, а часто и добрым советом»³. И еще одна характеристика: «Куракин был тип версальского придворного, усвоившего вполне внешний лоск; проживши всю свою молодость в Париже, он вынес безукоризненное знание французского языка, элегантные манеры и модное в то время легкомысленное отношение к вопросам религиозным и нравственным. При императрице Анне Ивановне Куракин был непрременный член всех интимных вечеров и празднеств, на которых имел привилегию напиваться до-пьяна и потешал государыню каламбурами и остроумиями»⁴.

К парижскому периоду относится портрет (ТОКГ), написанный Пьером Гобером⁵ (1662-1744) – известным французским художником, членом Парижской Академии, придворным королевским живописцем (с 1705 г.), работавшим и при других европейских дворах. Портрет поступил в собрание галереи как изображение князя Б.И. Куракина работы неизвестного художника 1-й четверти XVIII века. После проведения реставрационных работ в начале 1990-х гг. и удаления старого дублировочного холста на обороте авторского обнаружили подпись художника и дата – 1724 год. Соответственно – портретируемый не мог быть князем Борисом Ивановичем, которому к тому времени было око-

³ Княже-Куракинские церкви в Тверской губернии..., с. 260.

⁴ Пыляев М.И. Старый Петербург. М.: «ИКПА», 1989, 254.

⁵ См.: Французская живопись XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа: Альбом. Авт. – сост. И.С. Немилова. М.: Изобразительное искусство, 1985, с. 236., а также: Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart begründet von Ulrich Thieme und Felix Becker. B. XIV. Leipzig, Verlag von E.A.Seemann, 1921. (репринт 1963)

ло пятидесяти лет, ведь на портрете изображен молодой человек. Возникшее предположение, что перед нами князь Александр Борисович, подтвердилось при сравнении работы Гобера с портретом Ж.-М. Натье, написанным в 1728 году (ныне в ГЭ). Этому не противоречит ни возраст изображенного, ни дата – в 1724 году А.Б. Куракин (27 лет от роду) находился при Версальском дворе.

Портрет А.Б. Куракина восходит к уже рассмотренному нами композиционному типу парадного портрета. Молодой дипломат изображен в латах, мантии, на фоне пейзажа. Однако ни в фигуре, ни в окружающем ее фоне, нет той несколько грубоватой монументальности и некоторой схематичности, присущих портрету Б.И. Куракина (правда, скорее всего, приданной копиистом). Поза портретируемого, движения рук, положение головы – торжественны и в то же время изысканны, как изысканно и цветовое решение полотна, построенное на сочетании тончайших оттенков зеленовато-серых тонов. Особое внимание художник уделяет лицу, обрамленному пудренным париком, передавая не только персональные и фамильные черты, но и «жизнь чувств» модели. То есть здесь мы видим рокайльные тенденции, которыми, кстати, отмечен и портрет А.Б. Куракина работы Натье. Можно высказать предположение, что этот портрет писался как парный к портрету Б.И. Куракина, так как почти зеркально повторяет композицию последнего.

Во второй половине 1740-х годов немецким живописцем Героном Христофом Гроотом, состоящим на русской службе, были написаны четыре портрета представителей семьи Куракиных: Александра Борисовича (1747 г.; ГРМ), его жены Александры Ивановны (1747 г.; ГЭ) и двух их старших детей – Бориса-Леонтия (1748 г.) и Анны (конец 1740-х гг.; оба в ГРМ). Портреты этой серии невелики по размеру, имеют поясной обрез фигур, нейтральный глухой темный фон, простые композиционные решения. Отец и сын изображены в трехчетвертных поворотах, мать и дочь – почти фронтально. Блестяще написаны костюмы: камзол А.Б. Куракина, глубокого, «густого» алого цвета, сине-зеленый мундир Бориса-Леонтия, с накинутой на него ярко-алой мантией, подбитой горностаем, голубовато-бирюзовые платья княгини и княжны, украшенные белым кружевом, искусственными цветами, драгоценностями. Однако основное внимание художник сосредото-

точивает на лицах, выписывая их необычайно тонко, так, что почти незаметно мазков (особенно в портретах детей), освещая ровным светом, точно улавливая и передавая их выражения.

Определяя место этих портретов в наследии живописца, Л.А. Маркина отмечает, что «фамильный цикл семьи Куракиных знаменует в творчестве Гроота открытие нового типа камерного портрета, возникшего в рамках стиля рококо»⁶. К сожалению, из-за смерти художника, этот тип не получил у него дальнейшего развития, как не получила продолжения и «куракинская» портретная серия, что было вполне возможно (у А.Б. и А.И. Куракиных было шесть дочерей).

Впрочем, эти четыре портрета производят впечатление вполне законченного пространственного комплекса со своей композиционной и колористической структурой, построенной на чередовании (ракурсов и цветовых акцентов: например, цвет мундира А.Б. Куракина перекликается с цветом мантии княжны Анны). Л.А. Маркина пишет: «Можно предположить, что портреты располагались на стене в таком порядке: сначала портрет старшего Куракина и его жены, а затем портрет сына и дочери. Повернутая вправо фигура отца как бы дает начало движению, фронтальное расположение фигуры юной княжны Анны как бы останавливает и завершает это движение»⁷. Это предположение подтверждают копии гроотовских работ, также находившиеся в Волосове-Степановском (ТГОМ), входившие в состав ансамбля портретного зала «с белыми рамами», пронумерованные именно в таком порядке: на портрете Александры Ивановны стоит № 2, на портрете Бориса-Леонтия – № 3, княжны Анны № 4. Копия с портрета Александра Борисовича, видимо, не заказывалась вообще – № 1 стоит на произведении, не имеющем ничего общего с оригиналом Гроота (ТГОМ). Возможно, был использован уже имевшийся портрет, что, конечно же, нарушило единство серии. Скорее всего – это копия с неизвестного оригинала конца 1740-х гг. Изображение имеет погрудный срез, модель показана почти фронтально. Колористическое решение портрета очень сдержанно, почти монох-

⁶ Маркина Л.А. Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. М.: «Памятники исторической мысли», 1999, с. 148.

⁷ Маркина Л.А. Указ. соч., с. 147.

ромно, строится на сочетании черного и серебристого (темный нейтральный фон, серебристый камзол, андреевская мантия с серебристым воротником). Самой живописи произведения присущи некоторая жесткость, сухость и излишняя тщательность прописки деталей (что часто свойственно работам копийного характера), однако благодаря этому характеристика образа приобрела особую заостренность.

В связи с копиями grootовской серии нужно упомянуть об одном недоразумении, подобные которому довольно часто встречаются в усадебных портретных галереях. На обороте портрета княжны Анны имеется надпись: «княжна Наталья Александровна». Видимо, надпись была сделана гораздо позже написания произведения, и изображенное лицо не смогли идентифицировать. Здесь стоит вспомнить слова Н.Н. Врангеля, писавшего о подобных фактах: «грустно отметить, что очень часто в семьях даже не знают, кто тот или другой «дедушка» или «бабушка», висящая на стене, и путают не только художников, писавших их, но и самих изображенных»⁸. Даже в фамильной галерее князей Куракиных, которые необычайно бережно относились ко всему, что связано с историей их рода и его представителей, подобные «казусы» встречаются неоднократно.

Особым почитанием и любовью пользовалась в семье Куракиных жена Александра Борисовича – княгиня Александра Ивановна (1711-1786), урожденная Панина. Она не только заботилась о воспитании и образовании своих рано осиротевших внуков («Борисовичей»), устраивала карьеру своих знаменитых в будущем младших братьев – Никиты и Петра Паниных, занималась благотворительностью, но и вела немалое хозяйство княжеского рода. «...Своим процветанием Волосово-Степановское... <обязано> княгине Александре Ивановне Куракиной, которую вообще можно назвать устроительницей обширных куракинских вотчин и громадного их состояния, расштанного продолжительною дипломатическою службою за границей ее тестя, князя Бориса Ивановича Куракина (царского свояка, одного из типичнейших представителей славного

⁸ Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999, с. 66.

гнезда Петрова), равно как ея мужа князя Александра Борисовича»⁹.

Помимо уже упомянутого портрета работы Г.Х. Гроота и копии с него, в волосовской коллекции хранилось еще несколько изображений Александры Ивановны. Самое раннее – портрет, запечатлевший ее в четырехлетнем возрасте (оригинал, датированный 1715 г., в ТОКГ; копия – в ТГОМ). Это редчайший образец детского портрета Петровской эпохи. Собственно, по типу его нельзя назвать «детским», так как в это время еще не сложился сам тип. Девочка представлена в одежде (декольтированное платье, мантия на плечах) и с прической взрослой женщины, в позе, характерной для такого рода «полупарадных» портретов, однако в жесте ее руки, держащей цветок, есть нечто неуловимо трогательное, хрупкое, что придает образу «детскость».

К 1730-м годам относится еще один портрет А.И. Паниной – уже княгини Куракиной (ТОКГ). Это произведение традиционно приписывалось кисти немецкого живописца Франкарта (Франкарда), однако проведенные в начале 1990-х годов в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря технико-технологические исследования памятника отклоняют авторство этого мастера. Такого же мнения придерживается и Л.А. Маркина в уже упоминавшейся монографии о Г.Х. Грооте и немецких живописцах середины XVIII века в России. Впрочем, можно почти без сомнения утверждать, что автором данного полотна был иностранный художник.

Это небольшой по размеру, но парадный по своему характеру, портрет, представляющий барочный тип репрезентации. Фигура изображенной максимально выдвинута на первый план и занимает почти все пространство холста, так что кажется, будто ей тесно в границах формата. Складки горностаевой мантии, зигзагообразным движением спадающей с плеч, динамичный поворот головы и слегка вздернутый подбородок придают образу энергичность, отражая свойственный модели деятельный характер.

Следующим, по времени, изображением А.И.Куракиной было уже упоминавшееся полотно работы Г.Х. Гроота конца 1740-х го-

⁹ Княже-Куракинские церкви в Тверской губернии... с. 259-260.

дов. А последним, из известных нам, хранившимся в Волосове-Степановском, – портрет работы неизвестного автора (ТГОМ), повторяющий оригинал 1783 года, приписываемый Ф.С. Рокотову, хранящийся ныне в ГТГ, поступивший туда из имени Куракиных «Надеждино» Саратовской губернии (здесь можно высказать предположение, что этот «надеждинский» оригинал, как и многие другие, находился в середине XIX в. в Волосове-Степановском). Повторение выполнено вполне профессионально: мастерски воспроизведены композиция, рисунок, фактуры (довольно сложные и разнообразные) одежды; при этом неизвестный мастер довольно точно передал (немного более жестко, чем в оригинале) по-прежнему узнаваемые черты постаревшего лица Куракиной и взгляд ее больших умных глаз, привлекавший внимание на всех портретах княгини, начиная с детского, но отмеченный печатью усталости.

Мы не случайно так подробно остановились на рассмотрении портретов княгини А.И. Куракиной. Изображения одних и тех же лиц в разных возрастах постоянно встречаются в фамильных дворянских собраниях (и больших, и малых), например, в усадебных галереях Голицыных в Зубриловке, Мусиных-Пушкиных в Иловне или Черевиных в Неронове, Паниных в Дугине или Тишинных в Тихвине-Никольском. Однако существование портретов одного лица, разница во времени написания между первым и последним из которых составляет почти семь десятилетий, случай если не уникальный, то весьма редкий. Это позволяло (используя также «промежуточные» изображения) выстроить жизнеописание одного человека в зрительных образах. Увековечить различные этапы (события) его жизни.

Следующее поколение Куракиных – дети Александры Ивановны и Александра Борисовича, а также члены их семей, – было запечатлено в фамильной галерее в достаточно большом количестве портретов.

Иконография князя Бориса-Леонтия и княжны Анны была представлена в ней (насколько известно на данный момент) только уже упоминавшимися портретами работы Г.Х. Гроота и копиями с них.

Находились там и изображения жены Бориса-Леонтия – княгини Елены Степановны Куракиной, урожденной графини

Апраксиной (1735-1768), дочери фельдмаршала графа Степана Федоровича Апраксина (1702-1758) (его портрет также был в волосовской галерее; ныне – в ТГОМ). Она – одна из первых красавиц елизаветинского времени, мать «Борисовичей», пожалуй, самых известных из рода князей Куракиных, в том числе Степана и Александра, устроителей дворца в Волосове-Степановском и его коллекций.

Сохранились три портрета княгини: два поясных (ТГОМ) и один поколенный (ТОКГ), выполненные с одного, несохранившегося, по-видимому, оригинала работы Пьетро Ротари (1707-1762) конца 1750-х годов. Упоминание о нем мы находим у Я. Штелина, который пишет в своих «Записках», что в 1760 году с этого портрета была исполнена шпалера на Петербургской шпалерной мануфактуре¹⁰. Первый – очень хорошего качества копия, близкая, по времени создания, к оригиналу, и, видимо, достаточно хорошо передающая его живописные и композиционные особенности: изысканный колорит портрета, построенный на оттенках бирюзового, оживлен вкраплениями розового (цветок на груди) и черного (кружевная лента на шее), небольшие разнонаправленные повороты туловища и головы придают фигуре изысканное, едва уловимое движение, миловидное лицо изображенной, тронутое легкой грустью, вылеплено мягкими прикосновениями кисти. Второй – копия, отличающаяся от первой деталями, колористическим решением, сухостью рисунка, выполненная, скорее всего, уже в первой половине XIX века, входившая в состав ансамбля «зала с белыми рамами». Третий, поколенный, к сожалению очень плохо сохранившийся (верхние слои живописи по всей поверхности утрачены почти до подмалевка), – также копия, и тоже находился в портретном зале с «белыми рамами», но не в общем ряду, а отдельно, в числе четырех «больших» портретов, расположенных над дверными проемами («кн. Репнина в латах»¹¹, гр. Панина в зеленом костюме до колен с левой рукой на бедре), «Портрет гр.

¹⁰ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. I. М.: «Искусство», 1990, с. 279.

¹¹ Скорее всего, речь идет об уже упоминавшемся портрете А.Б. Куракина, работы П. Гобера, или об одном из портретов Б.И. Куракина.

Апраксиной в темно-зеленом платье со сложенными у груди руками», «гр. Панина в красном костюме, левая рука на столике»)¹².

Портретов княжны Прасковьи Александровны Куракиной, а также княжны Татьяны Александровны, в замужестве Нелединской-Мелецкой, обнаружить не удалось (возможно, пока не удалось их идентифицировать среди портретов неизвестных). Но, при этом, сохранилось два экземпляра (оригинал и копия) портрета мужа Татьяны Александровны – Александра Юрьевича Нелединского-Мелецкого (1729-1804), отца знаменитого поэта-песенника (первый – ТОКГ; второй – ТГОМ). Оригинал, отличающийся высокими живописными качествами и демонстрирующий необычайную тщательность, даже педантичность художника в передаче внешности и костюма модели, можно датировать первой половиной 1770-х годов, а копия, скорее всего, относится к последней четверти XVIII века.

Дошел до нашего времени и портрет княжны Екатерины Александровны Куракиной (1735-1793), в замужестве княгини Лобановой-Ростовской (ТОКГ). Это небольшое произведение работы неизвестного автора второй половины XVIII века относится к типу рокайльного камерного портрета, получившего большое распространение в России на рубеже 1750 – 1760-х годов, прежде всего под воздействием творчества Пьетро Ротари. Однако по своему насыщенному цветовому решению, построенному на сочетании ярко-алого и черного, несколько выделяется из этого круга.

Портрет мужа Е.А. Куракиной – князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (1731-1791) (ТГОМ), также работы неизвестного мастера, имеет много общего с двумя известными изображениями князя, написанными в 1750-е годы И.П. Аргуновым (1750 г., ГРМ) и Д. Людерсом (1758 г., ГРМ). Возможно даже, что они послужили прообразом портрета из «волосовской» галереи (близки обрез и ракурс фигуры, постановка головы), но он отличается от этих, барочных по своей сути, произведений большей строгостью композиционного и цветового решения.

¹² Описание имущества имения Волосово Нарышкиной. 1920-1926 гг. – Архив ТОКГ. Оп. 1. Д. 11. <Комната № 33. Переход в левый флигель, портретная галерея, все стены в портретах. Перед левой ротондой.>.

В упоминавшейся уже описи 1920 года числится несколько портретов «кн. Репниной» – то есть княгини Натальи Александровны Репниной, урожденной княжны Куракиной (1737-1798). Однако предпринятые поиски заставляют, к сожалению, сделать вывод, что в сохранившейся части коллекции ее изображений, видимо, нет.

Традиционно изображением княгини считался прекрасный по своим живописным качествам овальный портрет работы неизвестного художника второй половины XVIII века, хранящийся в Тверской картинной галерее, куда поступил из краеведческого музея в 1937 году. Определение персонажа было сделано, видимо, еще в 1920 году (в описи мы находим соответствующую запись: «овальный портрет кн. Репниной в правой руке цветок») и зафиксировано при поступлении произведения в музей в 1924 году.

Однако такая атрибуция уже давно вызывает сомнения. По костюму и прическе изображенной полотно может быть приблизительно датировано второй половиной 1770-х годов. В это время княгине Наталье Александровне было уже около сорока лет, а на портрете изображена молодая женщина. Но при этом в ее лице явно прослеживаются характерные фамильные «куракинские» черты. А.В. Чекмарев, в своей статье «Забытые лица»¹³, посвященной «опознанию» персонажей некоторых произведений из бывших усадебных галерей, высказал предположение, что на тверском портрете изображена дочь Натальи Александровны – Прасковья Николаевна Репнина, в замужестве княгиня Голицына (1763-1784). В качестве довода он приводит для сравнения портрет П.Н. Репниной работы Д.Г. Левицкого 1781 года. На наш взгляд, этот довод не совсем убедителен (вернее, недостаточен). Несомненно, в лицах обеих моделей есть общие черты, но возможно, что это только лишь фамильное сходство (что отмечает и сам автор статьи). В настоящее время пока не собрано достаточного материала для определения героини данного произведения, нам кажется, что было бы правильным называть его «портрет неизвестной из семьи Куракиных».

¹³ Чекмарев А.В. «Забытые лица». К изучению усадебных портретных галерей. // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Выпуск 8 (24). М.: «Жираф», 2002, с. 477-492.

Кстати, два портрета (повторяющих один другой), на обороте которых была надпись: «Княгиня Репнина молодая» (оба – ТОКГ), оказались изображениями графини М.Р. Паниной, урожденной Ведель, а еще один (упоминавшаяся уже копия с оригинала Г.Х. Гроота), с надписью «княжна Наталья Александровна» – княжны Анны Александровны Куракиной.

Два портрета мужа Натальи Александровны, князя Николая Васильевича Репнина (1734-1801) – генерал-фельдмаршала, известного российского военного деятеля и дипломата, последнего представителя древнейшего княжеского рода, считались (в музейных инвентарях) копиями с одного, видимо несохранившегося, изображения работы Д.Г. Левицкого (1737-1822), датированного 1792 годом, о котором упоминала Н.М. Гершензон-Чегодаева в своей монографии¹⁴. Однако при подготовке юбилейной выставки произведений Д.Г. Левицкого (к 250-летию со дня рождения) этим оригиналом (который Н.М. Гершензон-Чегодаева считала копией), в результате исследований, был признан портрет из собрания Киевского музея украинского искусства¹⁵. «Волосовские» портреты не имеют с ним ничего общего: не совпадает ни возраст портретируемого, ни мундир, разве что и в том и в другом случае изображение вписано в овал. Таким образом, один портрет Н.В. Репнина из куракинской коллекции (ТОКГ) можно определить как произведение неизвестного мастера конца XVIII века (круга Д.Г. Левицкого), второй же (ТГОМ), является копией с него меньшего размера. Он был выполнен в середине XIX века художником П.А. Дуленко и предназначался, скорее всего, для ансамбля «зала с белыми рамами».

Некоторые проблемы (определения персонажа) связаны и с изображениями княжны Агриппины (Аграфены) Александровны Куракиной (1734-1791), фрейлины при дворе императрицы Екатерины II, «любимой тетушки» братьев Куракиных – «Борисовичей». Если опираться на официальные музейные инвентарные данные, то в настоящее время в фондах Тверского краеведческого

¹⁴ См. список произведений Д.Г. Левицкого в кн.: Гершензон-Чегодаева Н.М. Дмитрий Григорьевич Левицкий. М.: «Искусство», 1964.

¹⁵ Дмитрий Григорьевич Левицкий. 1735-1822. Каталог выставки. Л.: «Искусство», 1987, 99-100.

музея и Тверской картинной галереи имеется три ее портрета (причем два из них, являются повторением один другого).

Первый (ТГОМ) – является копией с оригинала Ф.С. Рокотова (1735-1808/09), видимо утраченного, известного нам по гравюре Антуана Радига (1721-1809). Правда, в гравюре изображение обрезано и вписано в тондо. Есть некоторые отличия и в деталях, в частности, в живописном портрете отсутствует изображение тонкого шнура с украшением, спускающегося с шеи на грудь княжны. То, что изображенная – А.А. Куракина, сомнений не вызывает. На обороте портрета имеется надпись: «княжна Аграфена Александровна» (правда, как мы убедились, она не всегда соответствует истине). Надпись имеется и на гравюре: «Princesse Agrippine de Kourakin». Копия (будем называть ее «тип Радига») написана корпусными мазками, достаточно широкими движениями кисти, лессировки отсутствуют, для светотеневой моделировки и передачи объемов активно использованы белила. То есть нет ничего общего ни с рокотовской манерой, ни с фактурой его работ, что вполне объяснимо – ведь предметом копирования в портретном искусстве той эпохи, как уже говорилось, была не «живопись», а облик персонажа. Копиист следует за автором, правда «отказываясь» от «дымки», «флера», окутывающих лица рокотовских персонажей и придающих им таинственность и недосказанность, отчего характеристика становится более «жесткой», более прямолинейной, «утрированной». Например, он как бы подчеркивает полноватое лицо, намечающийся второй подбородок и т.д. В то же время нужно отметить, что данная копия позволяет судить (также с известными оговорками) о колористическом решении утраченного рокотовского оригинала. Модель одета в платье «густого» алого цвета, у левой груди бриллиантовый фрейлинский шифр на синем банте, фон коричневый, чуть зеленоватого оттенка.

Два других портрета Агриппины Александровны – это оригинал работы Ф.С. Рокотова (ТОКГ) и копия с него (ТГОМ).

Оригинал – это характерный образец «рокотовского» типа камерного портрета, получившего, именно благодаря художнику, большое распространение в русском искусстве последней трети XVIII века. Почти погрудное (обрез сделан чуть выше пояса) изо-

бражение прекрасно вписано в небольшой холст прямоугольного формата. Колорит портрета построен на сочетании голубовато(даже бирюзово)-розовых тонов, тонко гармонирующих с зеленовато-коричневым фоном теплого оттенка. Фигура модели окутана мягким, ровным, рассеянным светом, чуть усиливающимся на лице и груди.

Аналогичный портрет (авторское повторение), чуть меньшего размера, хранится в Чувашском государственном художественном музее в Чебоксарах (поступил из ГРМ в 1941 году, до 1897-го – был в собрании Лобановых-Ростовских). Оба варианта портрета – тверской и чебоксарский – были опубликованы как изображения А.А. Куракиной (с датировкой – 1-я половина 1760-х гг.), Н.П. Лапшиной в ее монографии о Рокотове¹⁶. В каталоге выставки «Ф.С. Рокотов и художники его круга»¹⁷ указана другая датировка – конец 1760 – начало 1770-х гг., принятая и по сей день.

Однако в последнее время ряд исследователей (например, Л.В. Семечкина – сотрудница Чебоксарского художественного музея) высказывает сомнения в датировке и в том, что изображенная на этих полотнах – А.А. Куракина. Причем эти сомнения вызваны в основном результатами сравнения их с гравированным портретом А. Радига. Действительно, при сравнении тверского рокотовского портрета с обнаруженной масляной копией с утраченного оригинала Рокотова («тип Радига») и с гравюрой Радига заметно некоторое различие в чертах лиц, но можно найти и много общего, объяснимого, на первый взгляд, только фамильным сходством. То есть, если все же предположить, что на портретах изображен не один и тот же человек, то, несомненно, близкие родственники.

Л.В. Семечкина в своем исследовании отталкивается именно от «фамильного сходства». Она предлагает датировать этот портрет серединой 1770-х годов и считать его изображением сестры А.А. Куракиной – княгини Е.А. Лобановой-Ростовской. Однако доводы Л.В. Семечкиной, приведенные в ее докладе на конференции, посвященной экспертизе и атрибуции произведе-

¹⁶ Лапшина Н.П. Федор Степанович Рокотов. М.: «Искусство», 1959. (Кат. №№ 31,32.)

¹⁷ Федор Степанович Рокотов и художники его круга. Каталог выставки. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1960, с. 62.

дений изобразительного искусства¹⁸, кажутся нам совершенно убедительными.

Во-первых, как уже отмечалось, причиной сомнений послужила работа А. Радига. Но мы не знаем рокотовского оригинала, с которого сделана гравюра А. Радига, и поэтому не можем судить, насколько она ему соответствует, и насколько точно (так же как и масляная копия) передает портретное сходство (впрочем, как и оригинал)¹⁹.

Во-вторых, нужно заметить, что автор исследования, привлекая в качестве сравнительного материала несколько портретов княгини Е.А. Лобановой-Ростовской, пользовалась (по ее же собственным словам) лишь черно-белыми воспроизведениями неважного качества.

Кроме того, завершая доклад и уже констатируя, что на чебоксарском портрете изображена Е.А. Лобанова-Ростовская, автор противоречит самой себе. Приводя в качестве доказательства еще один портрет Е.А. Лобановой-Ростовской (уже 1780-х; ГРМ), она пишет, что модель изображена с фрейлинским шифром, но при этом отмечает, что из всех сестер Куракиных лишь Агриппина Александровна имела такое придворное звание. То есть из ее слов получается, что этот «портрет Е.А. Лобановой-Ростовской» нужно переименовывать в «портрет А.А. Куракиной».

Мы также рассмотрели изобразительные материалы (включая и обнаруженную масляную копию рокотовского портрета А.А. Куракиной, неизвестную Л.В. Семечкиной) и пришли к выводу, что между существующими рокотовскими портретами А.А. Куракиной (тверским и чебоксарским) и изображениями разных лет Е.А. Лобановой-Ростовской из собрания ГРМ сходства ничуть не больше, чем между ними же и живописной копией с Рокотова («тип Радига») и гравюрой Радига.

И.Г. Романычева, долгие годы занимающаяся изучением творчества Ф.С. Рокотова, пополнившая многими новыми фактами

¹⁸ Семечкина Л.В. Чебоксарский портрет Ф.С. Рокотова. К вопросу идентификации. // IV научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». 24 ноября – 26 ноября 1998, Москва. Материалы. М.: Магnum APC, 2000, с. 86-90.

¹⁹ Л.В. Семечкина, почему-то, называет А.А. Куракину на портрете А. Радига – молодой, видимо отталкиваясь от датировки гравюры (первая половина 1760-х гг.).

биографию мастера²⁰, высказала предположение, что на этом рокотовском портрете изображена княгиня Е.С. Куракина в последние годы жизни. Этому не противоречит принятая в настоящее время датировка портрета (конец 1760 – начало 1770-х) – княгиня умерла в 1768 году. Угадывается определенное сходство и в чертах лица. Однако ставить точку в данном вопросе еще рано.

Вообще, следует заметить, что говорить о проблемах портретного сходства в творчестве Ф.С. Рокотова (особенно этого периода) довольно сложно, так как «произведения его петербургского периода и особенно 1770-х годов содержат некоторую идеальность, которая находит в литературе разное объяснение. В большинстве случаев оно сводится к чрезвычайно авторизованному методу этого мастера. Признавая данное обстоятельство, нельзя не отметить, что тенденция к имперсональности и сугубо положительная концепция образов в не меньшей степени унаследованы им от русской школы середины века, а также от близости к П. Ротари, С. Торелли, В. Эриксену»²¹.

К сожалению, объем куракинской коллекции не позволяет нам подробно рассмотреть даже минимум самых интересных и значительных портретных произведений из фамильной галереи князей Куракиных в данной работе. За ее рамками остались достаточно многочисленные изображения Паниных, Голицыных и представителей других известных фамилий, связанных с Куракиными родственными узами. Это предмет будущих исследований.

²⁰ См., например: Романычева И.Г. К биографии Ф.С. Рокотова. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1989. М.: «Наука», 1990, с. 244-255.

²¹ Евангулова О.С. Русский портрет XVIII века и проблема «россики». // «Искусство», 1986, № 12, с. 59.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИМЕНИЯ КНЯЗЕЙ КУРАКИНЫХ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Князья Куракины получили земли в Орловской губернии в самом конце XVIII века при императоре Павле I. Он очень благотворил князей Куракиных за государственную службу и всячески их поддерживал.

Кроме Орловской губернии князья Куракины имели земли в окрестностях Москвы, в Саратовской, Тверской, Псковской, Пензенской, Харьковской губерниях и в других районах Российского государства.

Местные жители не всегда жаловали хозяев своим вниманием.

Архивные документы говорят о судебных тяжбах между князьями Куракиными и местными жителями.

В 1798 г. слушалось дело в суде о самовольной порубке леса в лесных угодьях князей Куракиных в Орловской губернии. Крестьянин Степанов и Емельянов обвиняются в порубке леса в лесных угодьях князя Куракина. Крестьяне на суде поясняли, что лес им нужен для хозяйственных нужд.

Часто возникали споры между князьями Куракиными и местными помещиками.

Слушалось дело о спорном сенокосном луге между князем А.Б. Куракиным и помещиком Тургеневым. Помещик Александр Тургенев и князь Александр Борисович Куракин предъявили претензии на один и тот же луг, и каждый из них доказывал, что данный луг принадлежит именно ему. Дело рассматривалось в Мало-архангельском уездном суде, но потерпевшие были не согласны с решением суда. Дело в результате было передано на рассмотрение в губернский суд. Суд решил разделить луг поровну и взыскать с помещика Тургенева 3 рубля на судебные издержки.

Часто на ведение хозяйства требовались немалые деньги. Князь Иван Борисович Куракин пишет прошение на имя Государя Императора с просьбой выдать деньги в долг под залог имения.

Вести дело он поручает своему служителю Ивану Кузнецову. Орловская казенная палата подтверждает от 11 марта 1797 г., что за князем Иваном Борисовичем Куракиным числится более 1000 душ крепостных крестьян.

По ходатайству князя Ивана Борисовича было вынесено решение о выдаче денег князю в сумме 25 тыс. руб. под залог имения.

Однако уже в 1799 г. князь Иван Борисович Куракин просит Государя Императора Павла I об оказании помощи. Князь пишет, что он занял деньги 25 тыс. рублей, заложив имение в 500 душ. Князь Куракин просит Всемилостивейшего Государя через своего доверенного Герасима Устрялова (отца будущего историка Николая Герасимовича Устрялова) о том, чтобы князю выдали свидетельство для займа денег в общегосударственном банке.

Не так просто развивалось хозяйство в имениях князей Куракиных, но благодаря своей хозяйственной деятельности, смекалке князья Куракины добились успеха в хозяйственной деятельности и вскоре их имения стали образцово-показательными.

В 1844 г. орловский губернатор дал поручение чиновнику Рушковскому провести ревизию в имении князя Бориса Алексеевича Куракина и была направлена просьба Малоархангельскому уезду оказать помощь чиновнику в проведении ревизии. Имение в это время считалось образцово-показательным, и Рушковский сделал подробную опись всего имущества имения.

Описание было начато с главного господского дома, который имел зимний сад. Крыша дома была покрыта железом. Для приезжих гостей имелся деревянный павильон и каменный домик. Имелась господская кухня, для секретаря князя был выстроен каменный дом, для доктора также был выстроен каменный дом, а для возможных больных два корпуса лазарета.

Для содержания скота имелся скотный двор, в описи числились господская конюшня с двором, склад для леса и теплица. Всего чиновник отметил 53 постройки на территории княжеской усадьбы.

Кроме этого, чиновник в документах отметил, что в имении имеется 10 амбаров и складов для хранения зерна, несколько мельниц как водяных, так и ветряных.

На территории имения имелась базарная площадь, где насчитывалось 20 торговых лавок. По определенным дням сюда приез-

жали торговать купцы из Малоархангельска, а также крестьяне из окрестных деревень.

Для переработки молока имелся маслобойный завод, а для переработки некондиционного зерна и картофеля был построен винокуренный завод.

В имении насчитывалось 20 тыс. га земли в юго-восточной зоне Орловской губернии. Земли были очень плодородные и богатые, поэтому хозяйство князей Куракиных было высокодоходным и рентабельным.

Князь А.Б. Куракин часть средств давал на благотворительность по линии Красного Креста. В документах Орловского областного архива имеются документы о том, что в свидетельстве за № 87 Главного Управления Российского общества Красного Креста Орловской губернии говорится о следующем:

«Постановлением общего собрания Малоархангельского местного комитета Российского общества Красного Креста, утвержденному Главным Управлением общества и по докладу Ея Императорскому Величеству Августейшей Покровительнице общества почетным членом Комитета избран Орловский Губернский предводитель Дворянства в должности регионимейстера Двора его Императорского Величества статский советник князь Борис Алексеевич Куракин».

Председательница: Картавцева
Делопроизводитель (подпись неразборчива),
5 августа 1844 г.

Вскоре господский дом стал ветхим, его снесли. А на месте дома несколько лет засевали поле.

Князья Куракины имели кирпичный завод, и князь Куракин распорядился построить новый трехэтажный господский дом из кирпича. Дом имел следующие размеры: 93 аршина в длину, 24 аршина в ширину, крыша была покрыта железом. Первый этаж был подвальный, второй этаж имел 6 комнат и два коридора, отдельно был построен флигель, и дом стал летней резиденцией князей Куракиных в Орловской губернии.

После отмены крепостного права князья Куракины хотели перевести свое хозяйство на капиталистический уклад, началось

строительство нового спиртзавода из кирпича и в 1876 г. строительство было закончено. Завод сохранился до настоящего времени и представляет собой образец промышленной архитектуры второй половины XIX века. Для производства спирта использовалось некондиционное сырье, мелкий картофель, зерно и др. В соответствии с технологическими процессами изготовления спирта на заводе было предусмотрено подвальное помещение, где прорастало зерно, на заводе был бродильный цех, варочный цех, где производился спирт. Для автоматического счета произведенного спирта, а также его крепости использовался специальный прибор, приобретенный в Швеции. Спирт отправлялся по железной дороге на ликероводочные заводы в Москве. Завод по производству спирта приносил Куракиным большие прибыли, главное, обеспечивали работой людей в зимнее время.

К 1908 г. куракинский спиртзавод входит в акционерное общество Брянских спиртовых заводов. В настоящее время спиртзавод реконструируется и газифицируется.

После революции в 1920 г. постановлением Орловского губисполкома на базе имения был организован совхоз Куракинский. С начала коллективизации совхоз был расформирован, и на его базе были созданы колхозы. В 1961 г. совхоз был восстановлен и функционирует до настоящего времени.

Князья Куракины много сделали для развития экономики Орловского края. Традиции умелого хозяйствования на земле нашли продолжение в новых руководителях.

КУЛЬТ МОСКВЫ И МОСКВИЧЕЙ В СЕРДЦАХ ФРОНТОВИКОВ ВОВ

Тема эта, сколь мне известно, никогда еще не обсуждалась ни в специальной литературе о ВОВ, ни в СМИ. Однако сегодня она крайне актуальна, ибо проблема сепаратизма затрагивает жизнь населения ряда национальных регионов РФ.

Как один из участников ВОВ, автор имел возможность наблюдать характер национальных взаимоотношений в полиэтнической среде фронтовиков, в едином строю сражавшихся за общую победу. В Советской армии в годы ВОВ мирно уживались военнотружущие разных национальностей, разных конфессий. За все годы войны я ни разу не наблюдал каких-либо проявлений межнациональных конфликтов. Война сближала людей, так как перед лицом смерти все были равны.

Рассказать в одном кратком сообщении о всех аспектах поднятой проблемы невозможно. Остановимся только на одном, в котором, как мне кажется, данная проблема наметилась особенно четко. На вопрос о том, как бойцы и командиры-фронтовики ВОВ воспринимали город Москву и москвичей, отвечаю: как олицетворение единства народов СССР.

В годы ВОВ случалось встречаться с большим количеством лиц разных национальностей, беседовать с ними на разные темы, и, в том числе, о национальных проблемах. На фронт поступали пополнения из республик Закавказья, Средней Азии, мусульмане по конфессиональной принадлежности. Сразу должен отметить, что никаких конфликтов на религиозной почве на фронте не возникало. Могу вспомнить лишь один случай, когда такой конфликт мог наметиться. Как-то один из новобранцев, солдат из республики Средней Азии, отказался есть на завтрак свиную тушенку, мотивируя это тем, что Коран запрещает правоверным мусульманам употреблять свинину. Тогда дежурный по части офицер обратился ко мне как бывшему студенту истфака ЛГУ с вопросом, как

можно замять конфликт. Тогда я еще не читал Коран и не смог ответить офицеру, который сам решил вопрос, заменив свиную тушенку на американский говяжий ленчмит.

Конфликт был улажен в зародыше. Много позднее, уже работая в Эрмитаже, я прочитал Коран и понял, что тот солдат его не видел и не читал, так как там прямо записано, что в случае необходимости, в походе, на войне в условиях боевых действий правоверным мусульманам строгость в ограничении потребления можно не соблюдать. «Но кто принужден будет к такой (запрещенной – **Б.С.**) пище, не будет своевольником, нечестивцем, на том не будет греха».¹

Всех солдат из республик Средней Азии мы называли «алдашами», что не носило пренебрежительный характер, так как это слово было заимствовано из тюркских языков и означало «товарищ».

На всю жизнь в памяти осталось особое отношение всех фронтовиков, вне зависимости от национального происхождения, к столице нашей Родины – городу Москве и москвичам. В них видели воплощение единства СССР, столицу не только России, но и всех национальных республик. Тогда меня поражало особое отношение не только к городу Москве, но и к москвичам. Они всегда были в центре всех событий и разговоров, они были своеобразными магнитами, объединявшими уроженцев всех республик СССР. Они были как бы людьми особого склада, к которым обращались за советами, за разрешением каких-либо мелких проблем. Ни один из других крупных городов России или столиц союзных республик таким статусом не обладал. Даже уроженцы и жители Северной столицы – Ленинграда таким уважением и таким статусом не обладали.

Многие разговоры на разные темы часто заканчивались такими словами: «Вот если меня не убьют, после войны обязательно съезжу в Москву посмотреть столицу нашей Родины».

¹ Коран. Изд. III. Перевод Г.С. Савлукова. Казань, 1907, т. I. Периодизация – М., 1990, с. 47, 49.

Такое отношение к москвичам никак не было связано с воинскими званиями уроженцев столицы. Он мог служить офицером, рядовым солдатом, но отношение к нему всегда было особое. Моральный авторитет Москвы был характерен не только для лиц русской национальности. Уроженцы и жители Закавказья и Средней Азии всегда воспринимали Москву не только как столицу России, но как признанную столицу многонационального Советского Союза.

Такой статус Москвы в сознании фронтовиков никак не означал принижения престижа других национальных столиц.

Москва как бы вбирала в себя все лучшее, по стандартам тех лет, что было наработано в национальных окраинах СССР.

Представители нерусских народов внесли огромный вклад в дело общей Победы, проливали свою кровь на полях сражений ВОВ. При этом делали это как само собой разумеющееся.

Бывали случаи, когда поступавшие на фронт призывники из национальных окраин СССР плохо знали русский язык и не могли четко выполнять команды, произносимые по-русски. Их старательно обучали разговорному русскому, и в итоге они могли сносно говорить и понимать русский язык.

В условиях фронтовой жизни бойцы всегда были весьма открытвенны, ибо смерть постоянно витала в воздухе. В свободное от боев время шли душевные беседы, в которых вспоминалось прошлое, мирная жизнь. Такие разговоры способствовали лучшим взаимоотношениям представителей разных этносов, снятию возможных национальных трений. Во время таких бесед обсуждалась особенность национальных характеров Сердобинов, обычаев, нравов, традиций. Люди лучше понимали друг друга.

Разговоров на религиозные темы я не слышал, так как такая тематика не поощрялась начальством. Кроме того, основная масса солдат и младшего состава к этой тематике была не подготовлена. Я слышал разговоры о пророчествах Нострадамуса, в частности о железных птицах, которые будут клевать людей, что воспринималось как предсказание о немецких истребителях – мессершмитах.

Прошли годы. Став доктором исторических наук, специализируясь в области культуры Древней Руси в стенах Государственного Эрмитажа, я много думал на тему о том, чем следует объяснить данный феномен.

Конечно, в формировании его большую роль играла официальная пропаганда тех лет. Но постепенно мне стало ясно, что генезис этого культа имел более глубокие корни. Зародился он 8 сентября старого стиля (21 сентября нового) 1380 г., когда московские рати великого князя Московского Дмитрия Донского на берегах Дона разгромили орды темника Мамая. Великая победа подорвала татаро-монгольское иго, сплотила всех россиян, вне зависимости от национальной принадлежности. В этот переломный момент нашей истории основную роль сыграла Москва и москвичи, которые сплотили все прогрессивные силы Отечества. Тогда стало ясно, что только Москва и ее великие князья, ее население являются общепризнанным центром всей Руси, способным обеспечить ее независимость. Многие удельные князья и другие идеологи сепаратизма прежде всего защищали свои личные интересы, ставя их выше общегосударственных. Только Москва смогла выставить на Куликово поле общерусское войско. Народ устал от княжеских межгосударственных войн и татаро-монгольского ига. Конец этим бедам положила Москва. Именно тогда начал формироваться культ Москвы и москвичей и сохранился он до наших дней.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрации к статьям

- Домашнева Н.А.
Куракины в Басманном 130
- Жерихина Е.И.
Несколько мест, связанных с именем кн. Куракиных
в Санкт-Петербурге и губернии
в конце XVIII – начале XX вв. 136
- Быкова Ю.И.
Портреты князя
Александра Борисовича Куракина (1752–1818) 144
- Мойкина Е.Г.
Музей, время, вещи (к 140-летию Тверского музея) 158
- Василенко В.Ф.
Екатерина II о М.Г. Собакине 165

Дом Шувалова.

Дом Трубецких-Апраксиных.

Дом Репниных.

Церковь Козьмы и Дамиана на Маросейке.

Здание Московского Почтамта
на месте владения Куракиных.

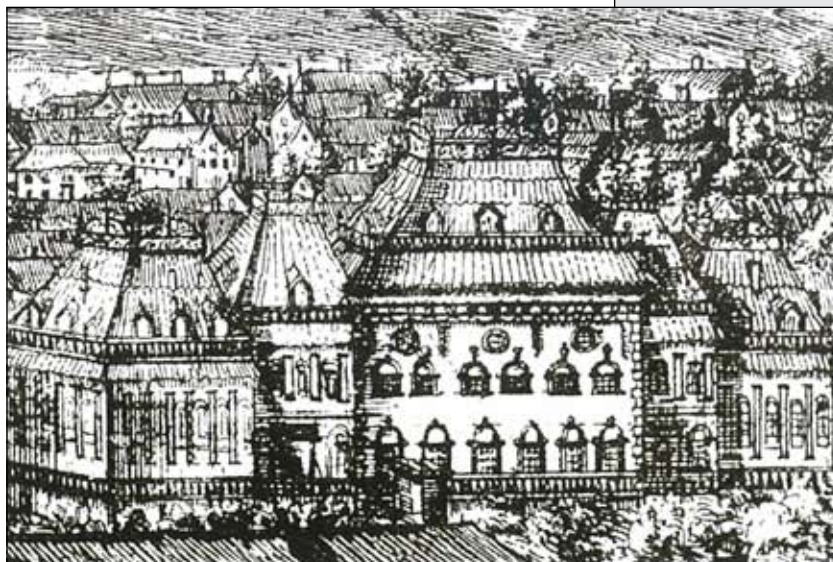
Дворец Куракина на Старой Басманной, д. 21 (ныне МГУиЭ).

Странноприимный дом
на Новой Басманной, д. 4.

Дворец Куракина на Новой Басманной, д. 6.

Лефортовский дворец.

Фрагмент гравюры 1850-х гг.
с изображением старого здания Почтамта.

Церковь Гребневской Божьей Матери.

Княжны Куракины.
Портрет работы В. Боровского. Из собрания кн. А.Б. Куракина.

Гатчина. Дом Куракина.

Видъ съ террасы усадьбы Андреевское на село Марьино.

Гостиная въ Андреевскомъ. Мебель стиля Людовика XVI, обивка къ ней подарена родными княгини Елиз. Мих. и кн. А. А. Куракиныхъ ко дню ихъ серебряной свадьбы. Мужской портретъ, прямо на стѣнѣ,—отецъ княгини, кн. М. Д. Волконскій.

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА КН. А. А. и Е. М. КУРАКИНЫХЪ.

А.А. Куракин.

Новая кавалерств. дама
княгиня Елиз. Мих. Куракина,
рожд. кн. Волконская.

Владѣльцы усадьбы Андреевское — княг. Елиз. Мих. Куракин
и кн. Алекс. Анат. Куракинъ.

Домъ
кн. Андреев-
скаго.

Дом кн. Куракиных в Андреевском.

Родственники Куракиных.

А. Рослен.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
1776 г.
Публикация
в журнале
«Старые годы».

Неизвестный
художник.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
Тип Рослена.
Частное собрание
С.А. Подстанецкого.

Неизвестный
художник.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
Тип Рослена. МЗ
«Дмитровский
Кремль».

Неизвестный
художник. Портрет
князя Александра
Борисовича Куракина.
Тип Рослена.
Тверская картинная
галерея.

П. Батони (?).
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
Публикация
в журнале
«Старые годы».

М. Катрени: Кн. А. В. Куракин.
Гравюра. М. Е. Звенигородская из Москвы.

P. Battoni: Le prince A. Kurakin.
1789. A Water Colour, Moscow.

Р. Бромптон.
Портрет князя
Александра
Борисовича
Куракина.
1781 г.
ГТГ.

А.Я. Колпашников.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
1783 г.
Гравюра с оригинала
Де Велли 1779 г.

П. Батони.
Портрет князя
Александра
Борисовича
Куракина.
1782 г.
ГЭ.

Ж.-Л. Вуаль.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1790 г.
ГИМ.

Неизвестный
художник.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина. Тип Вуаля.
Тверская картинная
галерея.

М.-Л.-Э. Виге-Лебрен.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1796 г.
ГМЗ «Гатчина».

М.-Л.-Э. Виге-Лебрен.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1796 г.
ГЭ.

В.А. Боровиковский.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1801–1802 гг.
ГТГ.

В.А. Боровиковский.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1799 г. (?) ГИМ.

В.Л. Боровиковский.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина
в мальтийской одежде.
1799 г.
ГРМ.

В.Л. Боровиковский.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина
в мальтийской одежде.
1799 г. ГРМ.
Эскиз.

А. Гуттенбрунн.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1800 г. ГИМ.

А. Гуттенбрунн.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1800 г. ГРМ.

В.А. Боровиковский (?).
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
Начало 1800-х гг. ГИМ.
Эскиз.

Неизвестный
художник.
Портрет Александра
Борисовича Куракина.
Нижегородский
художественный музей.

Неизвестный художник.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина. Тип Реньо.
Конец XVIII в.
Институт русской
литературы
(«Пушкинский дом»)
РАН.

Н.И. Уткин.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина.
1812 г.
Гравюра с оригинала
Ж.-Б. Реньо.

Неизвестный художник.
Портрет князя Александра
Борисовича Куракина. 1770-е гг.
Тверская картинная галерея.

Неизвестный художник.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина. 1800-е гг.
Тверская картинная
галерея.

Неизвестный художник.
Портрет князя Александра
Борисовича Куракина.
Орловский краеведческий музей.

Неизвестный
художник.
Портрет князя
Александра
Борисовича Куракина.
Миниатюра.
Новгородский
государственный
объединенный музей-
заповедник.

Неизвестный художник.
Портрет князя
Александра Борисовича
Куракина. 1770-е гг.
Тверская картинная
галерея.

Федор Николаевич Глинка,
почетный попечитель
Тверской гимназии.

Жиневский
Август Казимирович,
председатель Тверской
ученой архивной комиссии.

Тверской краеведческий музей
(здание бывшего Реального
училища).

Фрагмент современной
экспозиции Тверского музея.
Археология.

Тверской императорский дворец.

Белый зал Тверского музея.
Платье-мундир Екатерины II.

Экспозиция Тверского музея. Крестьянский быт. Ремесла.

Зеленый зал Тверского музея. Война 1812 г.

Экспозиция Тверского музея до 1941 г.

Неизвестный художник
второй четверти XVIII века.
Портрет Михаила Григорьевича
Собакина (1720–1773). 1748 г.
Масло, холст. 94,5x74,5.

Неизвестный художник XVIII века.
Портрет М.Г. Собакина,
который экспонировался
на Таврической выставке.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Домашнева Н.А. Куракины в Басманном	5
Жерихина Е.И. Несколько мест, связанных с именем кн. Куракиных в Санкт-Петербурге и губернии в конце XVIII – начале XX вв.	13
Арсеев В.Н., Васнёв Б.И. Политические и общественные деятели на Пушкинской земле. Княжеский род Куракиных (Ельдигино)	21
Быкова Ю.И. Портреты князя Александра Борисовича Куракина (1752–1818)	26
Биберин В.Н. Портреты князя С.Б. Куракина и княгини Е.Д. Куракиной из Волосова-Степановского	55
Сапунов Б.В. Князь А.Б. Куракин и его портреты в Государственном Эрмитаже	62

Лукина Н.В. Внучка Александра Борисовича Куракина Евфимия Борисовна Вревская	70
Мойкина Е.Г. Музей, время, вещи (к 140-летию Тверского музея)	86
Василенко В.Ф. Екатерина II о М.Г. Собакине	97
Биберин В.Н. О некоторых семейных портретах XVIII века, происходящих из семейной галереи князей Куракиных в усадьбе «Волосово-Степановское»	104
Валейша Ф.Ф. Экономическое развитие имения князей Куракиных в Орловской губернии	120
Сапунов Б. Культ Москвы и москвичей в сердцах фронтовиков ВОВ	124
Приложение Иллюстрации к статьям	129

КУРАКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
2006-2007 годы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ДОМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»

Дизайн, изготовление оригинал-макета
и компьютерная верстка – *Ю.М. Волгин*

Подписано в печать 16.10.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага Херох. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 300 экз. Заказ № 421-13
